

Валерий ЧУМАКОВ

СУБЪЕКТ ТВОРЕНИЯ

**Документально-художественная
повесть-хроника
о хорошем человеке,
или Портрет ученого на фоне эпохи**

УДК ??

Субъект творения. Документально-художественная повесть-хроника о хорошем человеке, или Портрет ученого на фоне эпохи. — М.: НЦССХ им. А. Н. Бакулева РАМН, 2012. — 250 с.

Аннотация?????

ISBN 978-5-7982-0293-5

© ??, 2012

Памяти замечательного человека и уникального ученого-биохимика Вячеслава Михайловича Копелевича посвящается эта книга

Некоторые имена и фамилии в книге изменены. Исторические реконструкции являются фантазией автора, но основаны на реальных событиях, документах и рассказах действующих лиц.

Автор выражает искреннюю благодарность людям, помогавшим в подготовке и издании книги:

*Тамаре Ариевне Шапиро
Виктору Михайловичу Копелевичу
Андрею Георгиевичу Мойсеенку
Денису Матвеевичу Юровскому
Эльвире Андреевне Гусаровой
руководству компании «ПИК-ФАРМА»
и многим, многим другим.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Малые величины. Вместо предисловия	7
Истоки начал	13
Старший брат	17
Москва, 1943 год, секретариат члена государственного комитета обороны, заместителя председателя совнаркома Лазаря Моисеевича Кагановича	23
Компания	28
Школа жизни	32
Москва, 1947 год, осень. Культурно-техническая революция	35
Подготовительная группа	40
Его университет	52
О мерах веса	58
Москва – Щучинский район Акмолинской области Казахстана, лето–осень 1958 года	62
Плюс витаминизация всей страны	68
Не личное главное	77
Москва, Ольховский переулок, квартира Копелевичей – Научный проезд, ВНИВИ, 1965 год	82
Без «пантов»	91
Кто твой друг	94
Даешь молодежь	98
Скачки на кентаврах	103
Семейная сага	112
Готовая форма	120
Священный Байкал	127

Был быт бит	132
Москва, НПО «Витамины», сентябрь 1982 года	143
Странные страны	151
Время делать дело	162
1995 год, Московская область, город Щелково, улица Краснознаменная, Щелковский витаминный завод	176
Товар — наука — товар	182
От ГАМК до ГОМК и далее	186
Ставший первым второй	191
Сладкий подход	202
Движение к недвижимости	207
Институт бесправия	213
Зачем в котлетах мухи?	221
История в письмах	226
Четверг, 18 февраля 2010 года, Москва, улица Павла Корчагина	239
Послеславие	247

МАЛЫЕ ВЕЛИЧИНЫ

Вместо предисловия

*Не было гвоздя —
Подкова пропала.*

*Не было подковы —
Лошадь захромала.*

*Лошадь захромала —
Командир убит.*

*Конница разбита —
Армия бежит.*

*Враг вступает в город,
Пленных не щадя,
Оттого что в кузнице
Не было гвоздя.*

Самуил Маршак — великий поэт. И переводы у него были замечательные. Читаются легко и легко понимаются даже детьми. Ведь, правда, чего уж проще: нет гвоздя — нет подковы, нет подковы — нет лошади... И дальше — по порядку: командир убит, армия бежит, город взят, и все убиты. Значительно проще и понятнее, чем десятки страниц «Войны и мира», на которых не менее великий писатель Лев Толстой рассуждал о роли личности в истории. И ведь действительно велика эта роль, даже когда мы об этой личности и не знаем ничего. Или знаем совсем немного.

Так в природе и в жизни бывает часто. Что-то, чего мы совсем не видим и не замечаем, тем не менее имеет большое значение, которое мы можем ощутить только после того, как останемся без этого малого, без плодов его деятельности. И это малое часто не просто способно породить, но и, правда, рождает нечто большое и значительное.

Сколько я ни листал справочники, сколько ни шерстил Интернет, но так и не нашел автора знаменитой фразы: «Мы то, что мы едим». Везде ее предваряют примерно одинаковым

заходом: «Кто-то из древних сказал...», или «Кто-то из великих заметил...», или «Известный афоризм гласит...». Хотя где уж тут афоризм?.. Ну да ладно. Не в этом дело, а в том, что даже в таком деле, как питание, мелочь часто играет ключевую роль.

Люди столкнулись с этой проблемой уже давно, когда моряки, торговцы и путешественники начали осваивать дальние уголки нашей планеты. На купеческом корабле каждый дополнительный килограмм груза приносил прибыль, поэтому капитаны старались сэкономить на всем, в первую очередь на продуктах для матросов. Пока рейсы длились недели и месяцы, результат питания исключительно солониной и вареной крупой был не так заметен. Однако если моряк ел так около года или больше, вот тут начинались проблемы. Кровоточивость десен, выпадение волос, зубов и даже смерть. Васко да Гама в 1495 году, во время своей знаменитой экспедиции в Индию, потерял от этого недуга более 100 из 160 членов экипажа, более 60% личного состава. Всего за два века, с 1600 по 1800 год, от цинги, как называли страшную болезнь древние эскулапы, в дальних морских походах погибли более миллиона человек. Значительно больше, чем погибло за тот же период в морских боях.

Спасением для больных цингой стал тогда обычный лимон. Поскольку есть этот цитрус вместе со шкуркой в больших количествах сложно, его мелко рубили, заливали настойкой рябины или шиповника, выдерживали несколько суток и давали страдальцам три раза в день по ложке перед едой. Историки фармацевтики считают употребление этого снадобья первым документально зафиксированным случаем целенаправленного использования витаминных препаратов в пору, когда и термина такого «витамин» еще не существовало.

Уже потом поняли, что болевой и судорожный синдром (бери-бери), частый у моряков-европейцев, осваивавших прибрежные воды Индокитая, можно устранить дрожжевой закваской, а характерную деформацию скелета у детей (рахит), наблюдавшуюся в семьях, вынужденно экономящих на продуктах животного происхождения, можно лечить паровой вытяжкой жира из печени трески или кита — успешно применяемым и по сей день рыбьим жиром.

Но даже тогда еще не верили, что спасает или губит людей во всех этих случаях присутствие или отсутствие мелочей, вес которых исчисляется миллиграммами. Напротив, вплоть до конца XIX века считалось, что и цинга, и бери-бери, и рахит, и прочие подобные заболевания являются обычными инфекционными болезнями, а настойки лимона, рыбий жир и дрожжевая закваска — просто хорошие лекарственные препараты.

Впервые даже не обнаружить «малых героев», а всего лишь догадаться об их существовании смог в 1880 году молодой русский ученый, выпускник Дерптского университета¹ Николай Лунин². При подготовке своей диссертационной работы (так раньше назывались работы дипломные) на тему «О значении неорганических солей в питании животных» он провел серию экспериментов на мышах, во время которых кормил их не обычным природным кормом, а искусственной смесью белков, жиров, углеводов, солей и воды. Несмотря на то что все эти необходимые элементы питания присутствовали в рационе подопытных животных в достаточном и даже более чем в достаточном количестве, несчастные зверьки долго такой диеты не выдерживали и вскоре погибали. Из этого Лунин сделал вывод, что важным условием выживания для живых организмов является присутствие в них неких пока неизвестных веществ. Вывод этот был настолько неожиданным, что научное сообщество несколько десятилетий отказывалось признавать правоту русского медика, списывая ее на погрешность или на нечистоту эксперимента.

Однако время шло, аргументированно работы Лунина не опровергались, а подтверждающие труды, напротив, появлялись — чем дальше, тем чаще. Наконец в 1911 году молодому польскому биохимику Казимиру Функу (1884—1967), работавшему в лондонском Листеровском институте практической медицины, удалось выделить из рисовых отрубей вещество, спасавшее в случаях с бери-бери. Позже он получил это же вещество и из многих

¹ Ныне — Тартуский университет.

² Николай Иванович Лунин (20 января (1 февраля) 1853 года, Тарту, Российская империя — 18 июня 1937 года, Ленинград, СССР) — советский педиатр.

других продуктов и доказал, что для нормального функционирования организмов подопытных животных (Функ экспериментировал на голубях) его требуется почти ничего — 4–5 миллиграммов. В 1912 году он напечатал статью под названием «Этиология болезней недостаточности», в которой доказывал, что такие болезни, как цинга, бери-бери, пеллагра и рахит, вызываются отсутствием в продуктах питания, а следовательно, и в организме микроскопических доз особых веществ. Он назвал их «витамины», от корней *vita*, что значит «жизнь», и *amine*, как назывался класс химических азотистых соединений, к которым относились найденные Функом вещества. В том же 1912 году большую работу на ту же тему выпустил известный английский биохимик Фредерик Хопкинс (1861–1947).

Чуть позже группа американских ученых под руководством Э.В. Мак-Коллума обнаружила подобные вещества, совершенно необходимые для роста организмов. Но эти вещества не содержали азотистого основания, поэтому в научной среде на некоторое время отказались от функовского «витамина», а чудесные вещества разделили на две группы: «жирорастворимый фактор А» и «водорастворимый фактор В». Вскоре был найден еще и противцинготный фактор, получивший литеру С.

Наконец, в 1920 году Дж. Дреммонд предложил собрать все воедино и назвать всю группу таких веществ термином Функа, отбросив конечную букву «е», дабы в нем не так явственно звучало слово «амине». Вдобавок к этому он предложил сохранить уже ставшие привычными литеры. Именно тогда безымянным микрогероям были даны имена: витамины А, В и С. В 1929 году Хопкинс получил за открытие витаминов Нобелевскую премию в области медицины. Функ попытался было оспорить приоритет, но успеха в этом не достиг. К чести Хопкинса надо сказать, что в своей нобелевской речи он вспомнил русского ученого Николая Лунина, «экспериментально доказавшего существование витаминов».

Самого же Лунина, жившего тогда в Ленинграде, в Стокгольме на нобелевскую церемонию не пригласили. Не пригласили его и на I Всесоюзную конференцию по витаминам в 1934 году, хотя проходила она в том же Ленинграде.

Примерно в ту же пору появились и первые питательные комплексы, состоявшие из необходимых для организма витаминов и минеральных веществ. Их появлению мы обязаны американскому химику Карлу Ронбергу, вернувшемуся в 1927 году из плена у китайского генерала Чан Кайши. Тут не мешало бы повторить тот самый стих Маршака про недостающий гвоздь, с которого я начал повествование. Дело в том, что в тюрьме Карл чуть было не умер от ужасного питания. Сообразив, что организму не хватает железа и витаминов, Ронберг начал обсасывать ржавые гвозди и есть траву, прораставшую там и сям в тюремном дворике, куда его выводили на прогулку. Сокамерники принимали его за сумасшедшего, однако именно ему удалось сделать то, что не удалось многим из них, — выжить. В США он запатентовал питательную смесь, включив в нее компоненты, которых, по его мнению, не хватало в рационе современного человека. Основу ее составляла люцерна, в нее добавлялись вытяжка из петрушки, железо, фосфор, йод и несколько видов витаминов. Свой продукт он назвал Nutrilite Products («незаменимый компонент питания») и сначала распространял его бесплатно. Однако бесплатно снабдь почти никто не брал. Мода на первую БАД, а Nutrilite Products официально считается первой биологически активной добавкой, пришла лишь тогда, когда Карл стал просить за нее деньги.

Классические БАД направлены на решение двух задач. Во-первых, они восполняют недостаток питательных веществ, который образуется при неправильном питании. Во-вторых, они могут служить для профилактики некоторых заболеваний, в особенности тех, что связаны с несбалансированным рационом: авитаминоза, дисбактериоза, рахита, болезней костного и сердечно-сосудистого аппарата, пищеварительной и иммунной систем и прочих. В условиях, когда человек ест помидоры и огурцы, выросшие не на грядках и не на свежем воздухе, а на питательном растворе и в парнике, а мясо потребляет в основном в виде сосисок или окорочков кур, откормленных тоже не особенно полноценным кормом, в его организме неминуемо образуется дефицит весьма важных элементов, таких как йод,

фосфор, железо, кальций, витамины. Это может привести к тяжелым заболеваниям, если, конечно, не ввести эти элементы дополнительно как биологически активную добавку. На организм БАД воздействуют мягко, и поэтому к лекарственным средствам их не причисляют. Их можно рассматривать, скорее, как сложный витаминно-микроэлементный комплекс.

В отличие от лекарств, при внедрении новой БАД не требуется проводить многолетних экспериментов и испытаний на животных и добровольцах. Противники добавок расценивают это как несомненный минус продукта, хотя уже одно то, что БАД обычно являются смесью давно и хорошо изученных компонентов, само по себе дает гарантию их безопасности. Более того, сторонники «нелекарственных лекарств» считают, что необходимость длительного подготовительного периода — несомненный плюс, так как это делает БАД более оперативными средствами, легко подстраивающимися под изменение условий жизни людей.

Николай Лунин, Казимир Функ, Карл Ронберг — все это классические примеры «человеков-гвоздей», внешне не особенно заметных, не отмеченных громкими наградами и премиями и посвятивших свою жизнь делу, которое сыграло существенную роль в судьбе человечества. Признаться честно, таких людей не так уж и мало. В случае с учеными часто получается, что фамилии их остаются лишь в списках авторов научных статей и монографий. И историкам науки сложно бывает не то что узнать годы их жизни, но даже просто расшифровать инициалы. Конечно, как говорил Вернер фон Сименс, имя ученого является приятным, но все не обязательным приложением к сделанному им открытию, однако мне бы очень хотелось, чтобы такие личности, достойные человеческой памяти, не оставались безымянными. Обо всех рассказать, конечно, возможности нет, так хоть о некоторых...

ИСТОКИ НАЧАЛ

Среди крупных городов СССР Харьков был одним из самых молодых. Основанный, по одной из многочисленных легенд (все-го их ученые-фольклористы насобирали более тридцати), легендарным казаком Харько в середине XVI века, он получил статус города лишь в 1787 году. А уже спустя несколько десятилетий из военной крепости превратился в один из самых больших населенных пунктов Малороссии, ее торгово-промышленный и фабрично-заводской центр.

Харьков относился к числу тех крупнейших городов Российской империи, где разрешалось проживать евреям. Такое очень большое «местечко», своеобразная еврейская столица страны.

Приблизительно в то же время, когда Харьков стал городом, в России появились первые Копелевичи. До того у российских представителей этого древнего народа фамилий просто не было, как впрочем, не было их и у многих крестьян и простолюдинов. Людей же величали просто: «Самуил, сын Якова». Однако к империи после раздела Польши присоединились территории Украины, Западной Белоруссии и Прибалтики, а вместе с ними Россия получила несколько миллионов новых подданных. Разобраться с таким огромным количеством «неучтенного» народа царской бюрократической машине было сложно.

Вот тогда императрица Екатерина II, дабы организовать нормальный учет населения, что было совершенно необходимо для оптимизации работы налоговых органов и армейского призыва, повелела провести обширную перепись населения, во время которой все россияне, как старые, так и свежеприосоединенные, получили свои фамилии. Чаще всего их давали по отчеству, только у русских к имени отца добавляли -ов и -ев, а у евреев — -евич, -кин или -ский. В еврейских семьях маленьких мальчиков, нареченных при рождении Яаковами, обычно ласково звали уменьшенным именем Копа или Копл³. Часто именно это имя

³ Отсюда, кстати, пошло русское имя Коля.

оставалось с ними на всю жизнь. И хотя в синагоге их называли исключительно Яаковами, по документам они числились Коплами, или Копелями, или Копилями. И дети такого Копеля после переписи получили для себя и для своих потомков фамилию Копелевич.

Мойша Шулимович Копелевич родился в Харькове в 1907 году. Несмотря на тяжелые времена, родителям удалось дать мальчику хорошее образование. Добрый, послушный мальчик любил читать, а поскольку с книгами в Харькове начала 1920-х годов было туго, читал он больше периодику. Благо в ней тогда печатались не только передовицы и новости, но и вполне художественные произведения. В газете «Гудок», например, выходившей в ежедневном режиме, вся четвертая полоса полностью отдавалась под фельетоны и юмористические рассказы. В ней тогда публиковались такие молодые и уже известные авторы, как Илья Ильф, Евгений Петров, Валентин Катаев, Михаил Булгаков, Юрий Олеша... И не стоит удивляться тому, что газета эта для юного Копелевича стала любимым печатным органом. Окончив школу, он поменял имя на более привычное для читателей Миша и начал писать для харьковского корпункта «Гудка» очерки и маленькие статьи. Вскоре молодого, но безусловно талантливого юношу уже зачислили в штат. А в 1927 году он вступил в ВКП(б), что для человека с его национальностью было сложновато.

А всего в 200 километрах от него подрастала красивая и бойкая девочка Ревекка. Родилась она в мае 1912 года в Донецкой области, в шахтерском городе Бахмуте, в 1924 году переименованном в Артёмовск в честь легендарного большевика Артема⁴. Кстати, шахтеры в Артёмовске были необычными. В отличие от других горняков Донбасса, они добывали преимущественно не уголь, а каменную соль, богатейшие залежи которой были открыты здесь еще в 1876 году. Отец Ревекки, Яков Давидович

⁴ Товарищ Артем — партийная кличка Федора Андреевича Сергеева (7 (19) марта 1883 года — 24 июля 1921 года), российского революционера, советского политического деятеля. Член РСДРП с 1901 года, основатель Донецко-Криворожской республики, близкий друг Сергея Кирова и Иосифа Сталина.

Блюмкин, приехал сюда еще в конце 1890-х годов из Томска, а мать, Тайда Моисеевна Певзнер, — из Конотопа. Уже в Бахмуте в 1903 году у них родился первенец — сын Давид. Вторым ребенком в 1912-м стала Ревекка, а следом за ней Тайда подарила мужу еще двух девочек: в 1914-м — Раису и в 1918-м, в самый разгар Гражданской войны, во время немецкой оккупации, — Силю.

И, уж если я рассказал о фамилии Копелевич, несправедливо было бы не рассказать и о фамилии Блюмкин. Скорее всего, ее носители происходили из немецких евреев. В Германии евреям стали давать фамилии значительно раньше, чем в России. Знатки Торы и мудрецы имели их еще в Средние века, а простой народ был ими наделен уже в XVI веке. По-немецки Blume означает «цветок». Именно от этого слова образовалась довольно частая в Европе фамилия Блюм. Уже перешедшие в российское подчинение «дети Блюма» при екатерининской переписи превратились в Блюмкиных. Хотя тут есть и другая версия. Дело в том, что на идиш Blum также означает «цветок». Многих еврейских женщин при рождении называли Блума. И их дети стали Блюмиными и Блюмкиными.

Певзнеры же совершенно точно когда-то вышли из Познани, название которой по-немецки звучит как Позен. Более того, можно с большой степенью вероятности предполагать, что предки Ревекки по материнской линии были раввинами. Именно раввинам чаще всего давали фамилии по местности служения с добавкой суффикса -ер. То есть традиционно слово «певзнер» воспринималось как «руководитель еврейской общины в Познани».

Яков Давидович прожил 57 лет и умер в Артёмовске в 1930 году. Для потерявшей кормильца семьи наступили тяжелые времена. А еще более тяжелыми они стали два года спустя, когда Украину накрыл страшный голодомор. Люди выживали кто как мог. И главным средством спасения был переезд в более благополучный регион. Давид отправился в центр России и наконец обосновался в подмосковной Тарасовке, где и прожил вплоть до 1977 года. Тайда вместе с двумя младшими дочерьми перебралась в хлебную Алма-Ату. Тут она и умерла в 1941 году в возрасте 70 лет. Раиса через некоторое время, как и брат,

перебралась поближе к Москве и поселилась в Реутове. А Сия так и прожила всю свою жизнь в столице Казахстана.

Ревекка же, которой к тому времени уже исполнилось 20 лет, отправилась на поиски работы, дававшей право на гарантированный продуктовый паек, в Харьков, где и познакомилась с приятным молодым человеком Мишей Копелевичем. Знакомство обернулось скорым браком, а уже в 1933 году в семье появился сын Виктор.

Журналистская карьера Михаила складывалась вполне успешно, и вскоре его, как ценного сотрудника, перевели в Днепрпетровск. Однако тут он проработал недолго: уже в 1937 году его забрали в центральную московскую редакцию. Семью Копелевич поселили в только что выстроенном специально для сотрудников «Гудка» доме в Ольховском переулке, недалеко от Казанского вокзала.

Мне очень хотелось написать, что год спустя в самый последний день октября в этой квартире раздался крик новорожденного. Но, следуя истине, признаем, что Ревекка Яковлевна родила второго своего сына, как и положено, в роддоме, и в квартире он появился впервые лишь спустя примерно неделю. А еще через несколько дней Михаил явился в контору ЗАГСа и зарегистрировал рождение нового гражданина СССР, пожелав дать ему имя Вячеслав.

СТАРШИЙ БРАТ

Как-то так получилось, что к единственному человеку, который мог рассказать мне о детстве Вячеслава Михайловича Копелевича, о его родителях и более далеких предках, его старшему брату Виктору, я обратился в числе последних. И дело тут вовсе не в том, что проживает он сейчас в Америке, и не в том, что, когда у нас тут день, у них — ночь. Нет, просто мне хотелось сначала набрать информацию, получить какое-то представление об ученом, которому предстояло стать главным героем готовившейся книги, и только после этого беседовать с одним из немногих людей, никогда не называвших Вячеслава Михайловича по имени-отчеству. Если только в шутку.

Процесс сбора информации для книги редко отличается хронологической строгостью. Это уже потом писатель складывает из найденных фрагментов более-менее четкую мозаику, в которой, однако, тоже не всегда получается следовать временному порядку. Но я постараюсь.

Виктор Михайлович Копелевич, брат Вячеслава Михайловича Копелевича, июнь 2011 года

— Виктор Михайлович, с чего начиналось ваше со Славой детство?

— Ну, наше... Сначала мое, а потом и Славкино. Бабушек и дедушек я помню очень плохо, а Слава их и вовсе не мог помнить. Они жили в Харькове, и их расстреляли всех во время войны. Отец об этом узнал уже после Победы.

Папа у нас был журналист, работал в железнодорожной печати. Начиная карьеру с корреспондента «Гудка» на железной дороге на Украине, а потом, в 37-м, он был переведен на работу в Москву, работал в центральном аппарате «Гудка».

— С 1937 годом у нас в стране аналогия довольно четкая. Наверное, Михаила, вашего папу, перевели на место кого-нибудь, кого перевели в Сибирь или еще дальше?

— Не знаю. Возможно. Вообще, конечно, это были страшные времена. Отец нам потом рассказывал, после 56-го года.

В нашем доме, где жили только сотрудники «Гудка», было арестовано до 80% жильцов. На некоторых лестничных клетках все квартиры стояли с синими печатями. Почти вся газета была арестована, начиная с главного редактора и кончая каким-нибудь наборщиком. Черный воронок приезжал под утро, где-то часа в 3 утра, все слышали, как внизу хлопали дверью. Отец и мама в ужасе ждали, что вот сейчас постучат в дверь, и уже до утра не могли заснуть, гадали, кого на этот раз забрали. Но у отца были свои приметы на этот счет. Он тогда был членом партбюро газеты, их вызывали в НКВД и говорили, что главного редактора, или заместителя главного редактора, или еще кого вы должны сегодня исключить из партии. Это означало, что на них уже дело заведено и быть на воле им оставалось считанные сутки, но арестовать надо было не члена партии, а исключенного из нее. Поэтому их накануне надо было из партии исключить. Сначала на партбюро, потом документы на исключение шли в райком.

— Конечно, человек понимал, когда исключали, что его ждет.

— Да, человек, когда его исключали, понимал, что завтра, в крайнем случае, послезавтра он будет арестован. Хотя нужно сказать ради объективности, что нескольких человек в 38-м году, когда Ежова сменил Берия, освободили и они вернулись обратно, но их было так мало, считанные единицы. Тогда все немножко успокоилось. Одно время отец трудился в секретариате министра, точнее, конечно же, наркома Лазаря Моисеевича Кагановича. А потом он перешел опять на газетную работу и до самой своей смерти в 1965 году был заместителем главного редактора дорожной газеты Московско-Курской железной дороги.

— За что же его так понизили? Чем он министру не угодил, что его в филиал «Гудка» упрятали?

— А кто вам сказал, что понизили? Мы так не считали. Напротив! Папина газета была совершенно самостоятельным печатным органом, независимым от «Гудка» и выходившим тиражом в несколько десятков тысяч экземпляров. Принадлежала она Министерству путей сообщения. Тогда эта организация была очень мощной, влиятельной и имела большую газетную сеть. Они выпускали не только дорожные газеты, были свои издания даже

на отдельных крупных станциях — самостоятельные печатные органы, не простые многотиражки, а почти районки.

— Но все-таки работа в аппарате всемогущего Лазаря была, наверное, перспективнее и престижнее?

— Я бы так не сказал. Отца перевели в его аппарат в 1941 году, и работать там ему было очень тяжело. Нарком, знаете, был не простой человек, да и стиль работы у него был совсем другой, тем более что время было военное. В основном по ночам трудились, но днем сам Каганович мог отдыхать, а отец отдыхать не мог, не имел ни права, ни возможности. Он приходил домой глубокой ночью или под утро, спал 2—3 часа и к 9 вновь шел в наркомат. Его рабочий день длился 18—20 часов, и так в течение 5 лет. Работа тяжелая, изнуряющая, что называется, на износ. Я так думаю, тогда он и подорвал свое здоровье. Ведь отец умер довольно молодым, в 58 лет.

— То есть он сам ушел? Написал «по собственному»?

— Нет, что вы, член партии тогда не мог уйти «по собственному». Просто в 1946 году Кагановича перевели в Министерство строительных материалов, а его аппарат расформировали. Вот тогда отца и вернули в газету. По сравнению с секретариатом это была просто сказка: нормированный восьмичасовой рабочий день, выходные, отпуск каждый год, изумительно, не работа, а отдых. Он сам говорил, что наконец почувствовал хоть немного, что есть в жизни какая-то жизнь. До этого мы дома его почти не видели. Нормально общаться начали, только когда он перешел в газету. Отец уже тогда чувствовал себя неважно, и я, как правило, провожал его на работу и встречал после.

— А мама чем занималась?

— Мама наша до войны работала в школе, но очень недолго. Она очень хотела получить высшее образование и в 1940-м поступила на Центральное заочное отделение Мосгоспединститута. Только отучилась она всего два курса. Помешала война, эвакуация, после которой она в институте восстанавливаться уже не стала. Не до того было. Уже в годы войны она вначале работала в столовой бухгалтером. Всю войну проработала в Москве и была награждена медалью «За доблестный труд в Отечественной войне». Потом, где-то в конце 1940-х годов, она перешла

в молочную кухню Куйбышевского райздравотдела. Вначале это была маленькая кухня, которая потом выросла в крупное предприятие, снабжавшее молоком многие семьи с грудными детьми. К 1957 году она там доросла до должности заведующей и была ею почти 20 лет, до 1976 года.

— На заслуженный отдых ушла?

— Не совсем. Хотя, конечно, к 64 годам она этот отдых действительно заслужила. Руководящая работа для нее, конечно, была уже тяжела, и она перевелась в молочную кухню Бабушкинского райздравотдела на должность старшей медсестры. Там она проработала еще полтора года, а уж потом, в конце 1977-го, вышла на пенсию.

— За такой трудовой стаж ей, наверное, много начислили.

— Не особенно, зарплата ведь была невысокой. Мама на молочной кухне получала 105 рублей в месяц. Так что пенсия вышла 72 рубля.

— Но мы что-то вперед сильно забрались, вернемся назад, в конец 1930-х. Вы помните, как родился Вячеслав Михайлович?

— Родился Слава, Вячеславом Михайловичем он стал много позже. Я сам родился в Харькове, а Славка — уже в Москве, так что вполне можно сказать, что я был приезжим, а он уже коренным москвичом. Как именно он родился, я не помню, но зато все, что было потом, помню очень хорошо. Я с ним тогда очень много возился, потому что вообще всегда очень любил маленьких детей, а тут — родной братик. Тем более, еще и война началась, будь она неладна...

— А как она началась, вы помните?

— Плохо. Мне было 8 лет, когда началась война, я еще не совсем понимал, что это такое. Первый день не помню, но помню, как уже в июле начали Москву бомбить. Мы от бомбежки в подвале прятались. А потом нас отправили в эвакуацию в Куйбышев, но пробыли мы там недолго, уже в конце 1942 года вернулись обратно. Славка этого всего не помнил, ему же и трех лет не было еще, когда война началась. Единственное его военное воспоминание, как он мне рассказывал, и то было вполне мирным: как я его веду в детский сад, а ему туда идти не хочется.

— Не любил он детский сад?

— Жутко не любил и не хотел туда ходить. Спротивлялся всегда, а я его вынужден был тащить. Не терпел он ни детские сады, ни пионерские лагеря. Один раз мать Славку туда отправила, а через 10 дней забрала, потому что он беспрерывно плакал и требовал вернуть его домой. Мы с мамой к нему приехали на родительский день, смотрим, а он весь в слезах. Мама как это увидела, так сразу побежала заявление писать.

— Он был таким капризным?

— Вовсе нет, напротив, очень спокойный был ребенок, плакал редко и, в общем-то, послушный был, никаких особых хлопот не доставлял. Да, собственно, и не мог он их доставлять, потому что отец и мать целыми днями были на работе, так что он мог кричать сколько угодно, его бы все равно никто не услышал. Но он не кричал, был довольно спокойным.

— Вы его в сад вели, значит, он должен был воспринимать вас как такого мучителя, палача.

— Да нет, он меня воспринимал вполне нормально, как старшего брата, на которого возложена забота о воспитательном процессе. У нас разница в возрасте пять лет. В то время, в пору войны, когда мне было 9, 10, 11 лет, а ему 4, 5, 6, это была просто колоссальная разница. Родители с утра до ночи на работе. Я предоставлен сам себе, можно сказать, что был самостоятельным, по Москве всюду ездил сам, на футбол ходил сам или с ребятами. Слава, конечно, не испытал этого, он все это время был в детском саду. Но вообще мы с ним в детстве очень много времени вместе проводили. Не то чтобы он за мной увязывался или чтобы я его с собой таскал, но когда я приводил его из садика, мы все время были вместе, играли с ним, я ему книжки читал.

— Сказки?

— Вот еще... Читал то, что мне нравилось: «Трех мушкетеров», «Человека-невидимку». В кино брал с собой; когда ему 5 лет было, мы с ним на «Трех мушкетеров» ходили, американский фильм. И он его понимал, ему нравилось.

— А играли во что?

— Во что все в то время играли, выбор-то был невелик. В войнушку в основном. Был у нас, правда, настольный футбол, и мы с ним целые чемпионаты устраивали. Я очень увлекался

футболом, и Слава за мной тянулся. На стадион я его в детстве не брал, но репортажи по радио мы с ним слушали вместе. Я ему рассказывал о чемпионате Советского Союза, о футболистах, о правилах и в конце концов к игре его приохотил. Но болели мы за разные команды: я — за «Спартак», а он — за ЦСКА.

— Как это вас так кардинально разнесло?

— Так вышло. В 1946—1947 годах, когда Слава начал осознанно разбираться в том, что творится на чемпионате, у армейцев была очень сильная команда лейтенантов, знаменитая пятерка нападающих ЦСКА, и он ими сильно увлекся. А «Спартак» в то время его не вдохновлял. Но ссор у нас по этому поводу не было. Я его, когда он стал постарше, даже водил на игры «Спартака», и он смотрел со мной, хоть и не болел.

— На стадион «Динамо», небось, ходили?

— И на «Динамо», и на «Локомотив», тогда он назывался «Сталинец». «Сталинец» был к нам ближе, но основные игры были, конечно, на «Динамо». У нас в Москве была небольшая двухкомнатная квартира. Две маленькие комнаты и еще одна крохотная при кухне, так называемая комната домработницы.

— У вас, советских людей, была прислуга?

— Очень недолго, еще до войны. Я ее почти не помню. Потом в этой комнатке мы с братом жили. Там было метров пять квадратных. Сейчас ее назвали бы чуланом или кладовкой. Вообще то, что у нас отдельная квартира, было потрясающей редкостью. Дом, в котором мы жили, построили специально для работников «Гудка». Он был новенький, со всеми удобствами, даже с ванной, с лифтами.

— «Сталинка»?

— Нет. В тех домах, что мы «сталинками» называем, потолки были очень высокими, а у нас — нет, обычные потолки. И стенки потоньше. Но для 1940-х годов это были настоящие хоромы.

Детская память обладает замечательной избирательностью. И даже вспоминая военные будни, те, кому тогда было от 8 до 12, вспоминают не боли и тяготы, а что-то светлое, что помогает слабым выжить: походы в кино, на футбол, чтение увлекательных приключенческих романов. Самое же тяжелое отсеивается и отбрасывается, потому что вынести такой груз могут только взрослые и сильные люди.

**МОСКВА, 1943 ГОД, СЕКРЕТАРИАТ ЧЛЕНА
ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ,
ЗАМЕСТИТЕЛЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВНАРКОМА
ЛАЗАРЯ МОИСЕЕВИЧА КАГАНОВИЧА**

Конечно, что кому нравится. Кто-то предпочитает старорежимные кресла с мягкими, загнутыми, словно крылья у взлетающего лебедя, подлокотниками. Кому-то больше по душе бархатные полукресла, какие обычно стоят в приемных у наркомов. Даже у табуреток есть почитатели. Швейцары, например, отдают предпочтение именно им, поскольку табуретка не бросается в глаза неожиданно подошедшему начальнику, да и вообще, сидение на табуретке автоматически воспринимается как менее тяжкое преступление в сравнении с сидением на стуле. А в глазах некоторых начальников, особенно тех, что предпочитают старые кресла, и сидением не считается. Для них табуретка все равно что рабочий инструмент.

Михаилу Копелевичу самым удобным казался обычный деревянный стул с как бы плетеной из толстых веток спинкой. На нем не так предательски хотелось спать, как на полукреслах, да и спина не так сильно уставала. Когда за день через твои руки проходят кипы из тысячи листов приказов, распоряжений, справок, деловой переписки и так далее, именно стул может стать либо близким другом, либо первым врагом. Михаил свой стул уважал, потерять его боялся и даже вырезал на нем две мелкие буквы М и К.

Сейчас же верный стул его спасал. Потому что это был единственный объект, в который можно было крепко вцепиться и сжать его. Сжать так, чтобы стало нестерпимо больно в кисти. Сжать судорожно, передавая свою боль высушенному дереву. Мише очень хотелось кричать, но кричать было никак нельзя. Сильный человек не имел права показывать свою слабость, даже когда речь шла о самом дорогом.

Сидевшие рядом коллеги видели его состояние и ни о чем не спрашивали. Наверное, догадывались. И понимали, что не стоит

сейчас приставать с глупым вопросом: «Миш, с тобой все нормально?»»

Не нормально. Совсем не нормально.

Нет, конечно, он к этому готовился, когда слышал о том, что фашисты творят с евреями на оккупированных территориях. Но всегда оставалась надежда. Ведь кто-то же выживал, кого-то отправляли в концлагерь, кому-то удавалось скрыться, просидеть годы в подполье или уйти к партизанам. Кого-то просто не трогали, непонятно почему, но не трогали. Да что было трогать? Миша, хоть и был уже зрелым и трезвым человеком, не мог понять смысла — зачем убивать? Ведь даже если быть очень циничным и глупым, считающим, что еврейская кровь портит человечество, можно «спасти» его от напасти, никого не убивая. Ну, в конце концов, стерилизуйте представителей этой нации, но не убивайте. Зачем убивать беззащитных стариков и детей, тех, кто никак не может вам ни в чем помешать? Зачем лишать жизни людей, не заслуживших смерти? Кто и за какие преступления вынес им такой страшный приговор?

А ведь здесь его тяжесть многократно усиливалась чудовищной будничностью, с которой он приводился в исполнение. Это даже нельзя назвать зверством, ибо звери на такое не способны. Они не убивают просто так. Это или охота ради корма или развлечения, или оборона, или тренировка. Если бы для фашистов такие убийства были хотя бы развлечением, это еще можно было бы понять, не принять, ни в коем случае, но хотя бы понять. Понять механизм самого действия, как мы понимаем механизм действия маньяка. Но здесь не было ни развлечения, ни охоты, ни обороны. Здесь была жизнь, заключающаяся в убийстве.

И ко всему этому добавлялся еще тяжелейший груз собственной вины. Ведь можно же было тогда быть настойчивее, решительнее. Нажать еще чуть-чуть и уговорить отца. Ведь все сначала складывалось так удачно. В первые же дни после объявления войны ему удалось выкроить несколько дней и, пользуясь не отмененной еще пока привилегией свободного проезда на любом железнодорожном транспорте, метнуться в Харьков. К родителям он явился, уже имея при себе документы на их проезд

до Москвы. И отец, увидев его, заплакал. Мать стояла чуть сзади и тоже утирала слезы. Времени оставалось мало, и Михаил сразу сказал родителям, чтобы они собирали в чемоданы самое ценное. Но тут старый Шулим неожиданно возразил:

— Да нет, что ты, сынок, куда мы с мамой не поедем.

— Как не поедете, почему не поедете? — Миша застыл тогда в недоумении.

— А вот и так, что не поедем. Куда нам ехать, мы тут всю жизнь прожили, тут наши отцы прожили, наши деды прожили, все тут на кладбище лежат, куда же мы от них поедем? Никуда не поедем.

— Папа, опомнись! Тут через месяц, а то и через неделю уже будут немцы. Они евреев уничтожают!

— Ну, не все так, сынок, — старик улыбнулся. — Молотов же сказал, что война будет проходить на территории противника.

— Да мало ли что Молотов сказал! Я тоже кое-что знаю. Немцев мы, конечно, остановим, но не сразу, и Харьков они, скорее всего, возьмут. Нам время нужно, чтобы силы собрать. И вам это время лучше переждать подальше от немцев.

— Можно и подальше, а можно и поближе. И кто тебе сказал, что немцы такие уж звери? Это тебе радио сказалось? Не всему, что говорят по радио, стоит верить.

— Отец, у меня есть источники, которым можно верить.

— У меня тоже есть надежный источник — своя память. Может, ты не помнишь 18-й год, а я хорошо помню. Немецкую оккупацию. Тоже ведь говорили, что звери, тоже все бежали, а оказалось, вполне нормальные люди, не то что Петлюра, Деникин, Махно и прочие. Так что одну оккупацию Бог нам дал пережить, так уж и вторую переживем. Ты за нас не беспокойся. Давай вон, сейчас нас мамка твоя накормит, выпьем за встречу, а завтра ты к себе возвращайся, чтобы на работу не опоздать. А то сейчас за это строго...

Уже в поезде, который вез Мишу обратно в Москву, он вдруг с невыразимой ясностью понял, что это была его последняя встреча с родителями. С этой мыслью, которая постоянно стучала в голове, он боролся уже два года. И вот теперь она в борьбе победила.

Миша продолжал одной рукой сжимать стул. В другой был зажат лист газеты, откуда он еще час назад вырезал наиболее важные материалы, которые стоило предоставить шефу. Вырезал до тех пор, пока не дошел до достаточно объемной заметки, озаглавленной «Зверства фашистских оккупантов в Харькове».

Наши войска взяли Харьков около месяца назад, и теперь военный корреспондент рассказывал о том, что происходило после того, как в него вошли немцы:

«Четырнадцатого декабря 1941 г. в оккупированном фашистами Харькове по приказу немецкого коменданта города все евреи города в трехдневный срок переселялись в неотопливаемые бараки тракторного и станкостроительного заводов. Потом их партиями, человек по пятьсот, вели под конвоем с ХТЗ⁵ несколько километров пешком к месту расстрела — оврагам Дробицкого Яра. В первый год оккупации города фашистами было убито до 24 тысяч еврейских жителей Харькова — от грудных младенцев до глубоких стариков. Но этого зверью показалось мало. Незадолго до того, как наши доблестные войска вымели из города нацистскую заразу, задыхающийся от собственной злости Гитлер, понимая, что город придется оставить, прислал сюда команду палачей «ЭК-5». В первые же дни эта команда арестовала 2500 советских граждан и расстреляла их в селе Куряж (в 12 километрах от Харькова). Эта же команда расстреляла в лесопарке около 3000 советских граждан, среди которых было много женщин и детей. В августе текущего года, за несколько дней до своего бегства из Харькова, гитлеровцы увезли 500 жителей в село Куряж и зверски убили».

«Отец, ну почему ты меня не послушал... Почему я тебя не убедил...» И все эти мысли заглушали последние слова старого Шулима: «Езжай, сынок. Береги семью, внуков. Как кончится эта война, приезжайте все сюда, на родину, детей привозите, а то

⁵ ХТЗ — Харьковский тракторный завод им. Серго Орджоникидзе, первоначально крупнейшее в СССР и единственное на Украине предприятие по производству гусеничных и колесных тракторов.

мы с мамкой младшего даже и не видели вовсе». Михаил разжал руку, державшуюся за стул, и поднес ее к глазам. Ладонь была мертвенно-бледной, с черно-синими полосками по суставам. Он пристально взгляделся в нее и вдруг, словно на киноэкране, увидел группу босых людей в лохмотьях, идущих по грунтовой дороге. Их сопровождают немецкие солдаты в касках. «Нет, — подумал Михаил, — не в касках, в пилотках. Это же для них уже был глубокий тыл». Руки солдат расслабленно лежали на висящих на шеях автоматах. Всмотревшись, он различил в толпе отца. Старик шел, не опуская головы, с жадностью вглядываясь в окружающий его мир, как будто знал, что ему осталось существовать в нем всего лишь несколько минут. Чуть отставая от него, шла мать. Она подняла глаза к небу и беззвучно шевелила губами, видимо, призывая Бога, который их ждал. Не в силах смотреть дальше, Михаил убрал ладонь от лица и совершенно ясно и спокойно, на весь кабинет, так, что все вздрогнули, произнес:

— Я уже никогда не приеду в Харьков.

КОМПАНИЯ

Не было бы телефона, на подготовку этой книги ушло бы несколько лет. Ведь даже для того, чтобы задать всего несколько вопросов человеку, который находится с тобой в одном городе, пришлось бы потратить как минимум сутки. Пока туда доедешь, пока найдешь, хорошо, если еще дома будет, пока обратно вернешься... А тут — все просто. Поднял трубку, пробежался по клавишам — и: «Извините, на данном направлении линия перегружена». Но нас этим не проведешь, мы знаем, что это значит. Значит, что код поменялся и человеку надо звонить по-новому, через 499. Еще 10 секунд, и вот вам результат — двоюродная сестра Вячеслава Михайловича.

Светлана Давыдовна Блюмкина, двоюродная сестра Вячеслава Михайловича Копелевича, май 2011 года

— Когда война началась, мы были в Харькове. Мы туда приехали к родственникам отдохнуть. Когда объявили войну, папа сразу записался добровольцем на фронт. Я хоть и была маленькой, 4 года всего, а помню, что он из дома ушел в тапочках. Мы остались со старшим братом и с сестрой. Я помню, как начали бомбить Харьков. Бомбы разлетались на осколки, а ребята бегали и эти осколки собирали. К нам домой тогда пришел офицер и убеждал брата, чтобы он этого не делал, что это опасно, но он с ним вроде как соглашался, а потом все равно бегал с мальчишками и собирал. Маленькие были, брату 10 лет всего, не понимал еще ничего.

— Что ж вы сразу не уехали домой, а дождались начала бомбежек?

— Так мы не могли уехать. Мы могли уехать только с тетей, у которой гостили, а она была секретарем партии на Харьковском тракторном заводе. Как один из капитанов производства, она могла эвакуироваться только после того, как будет вывезен весь завод. И мы уехали из Харькова с последним эшелонам. По дороге нас разбомбили. Это я помню очень хорошо, как бегут по полю люди, кто с сумками, кто с чемоданами, а очень низко, прямо над головами, летают немецкие самолеты и стреляют.

Подлетит, очередь даст, пролетит дальше, там развернется и опять летит на нас. Конечно, я там потерялась, брат меня еле нашел, и потом мы три дня шли пешком. А если я уставала, он сажал меня на плечи, и мы шли дальше. Сейчас, когда мы семьями собираемся, брат часто это вспоминает. А мой муж говорит: «Ты ее три дня на шее нес, а я всю жизнь тещу». Но это, конечно, шутка.

— В эвакуации вас не обижали?

— Что вы, ни разу не было такого, чтобы сказали, что вот, понаехали или что-нибудь в этом роде. Наоборот. Мы в Узбекистане войну пережидали. Досыта не ели, часто собирались целой детской компанией и шли на рынок. И там нас узбеки подкармливали. Брала лепешку горячую, в нее клали сливочное масло и давали нам. Замечательно вкусно было, вкуснее я ничего не ела. Со своими в Москве после возвращения сложнее было.

— С родственниками?

— Нет, что вы. И дядя Миша и тетя Рита к нам очень хорошо относились. Дядя Миша был очень хороший человек, и меня он очень любил. Часто сажал на колени и качал, как на качелях или как на коне. Он тогда был главным редактором в газете, а в войну, он рассказывал, некоторое время работал в «Красной звезде», но сейчас это уже никто подтвердить не может. Тетя Рита тоже была очень хорошая, добрая женщина.

На самом деле про Славу я даже не знаю, что вам рассказать. Я ведь его знала очень недолго, в 46-м году. Мы тогда были еще совсем детьми, мне 9 лет, ему — 7. Потом мы на очень долгое время практически исчезли из поля зрения друг друга и вновь встретились лишь в 2000 году. Это при том, что жили в одном городе, в Москве, но у каждого своя семья, своя жизнь. А в детстве мы все были одна компания, в ней еще Витя был. Но хоть они и братья, характеры у них были совершенно разными. Витя такой живой, озорной, активный, а Слава — очень интеллигентный и воспитанный мальчик, белобрысый, за девчонок всегда заступался. Тихий, чуть застенчивый и очень начитанный. Из нашей компании он очень сильно выделялся. Во дворе его Рыжим звали, за цвет волос. Мы тогда только вернулась из эвакуации и полгода жили буквально рядом, в доме напротив, в одном дворе гуляли. У нас в компании была еще Славина соседка, Света

Минскер, я ее тоже случайно встретила уже в 2000 году. Просто гуляла по улице и встретила.

— Но тогда-то, в 1946 году, вы чаще встречались?

— Да каждый день. Утром вставали, завтракали — и на улицу. А чем еще заниматься? В классики играли, в салочки, в городки, боулинга же не было. Через скакалку прыгали, потом у ребят были еще такие вышибалки из костей свиных, они в них тоже играли, в бабки, в лапту. Просто по окрестностям носились, по всяким буеракам. Это сейчас там домов понастроили, а тогда были огромные пустые пространства. К железной дороге часто ходили, к вокзалам, там интересно было, паровозы ходили, мы монетки на рельсы подкладывали.

— Мальчики вас, девочек, не обижали?

— Всякое было. Смотря какие мальчики. Витя был постарше и пошутрее, он мог и обидеть невзначай, даже не понимая, что обижает, а Слава был такой нежный мальчик, он никого никогда не обижал. Наоборот, он меня всегда защищал. Я хоть и старше его, но вообще была маленького роста и худенькая, и он за меня всегда заступался. Даже перед старшим братом Витей, который за косу меня дергал. От ребят из соседних дворов защищал. Но тут просто заступаться было сложно, когда их несколько и они большие, а нас двое и мы маленькие. Поэтому в таких случаях он мне обычно помогал убежать. У нас рядом был хулиганский двор, жуткий. Там много было тех, кто уже отсидел в тюрьме, и тех, по кому тюрьма плакала. Мальчишки с нашего двора с ними часто дрались, и Витя дрался, а Славка не дрался, он еще маленький был. Но зато он был очень надежный. Маленький, неразговорчивый, но надежный, на него можно было положиться.

— А поговорить с ним было невозможно?

— Почему, можно, и на очень серьезные темы, не детские. Вообще, он, несмотря на то, что был чуть не самым младшим среди нас, вел себя в компании всегда очень солидно. Разговаривал редко, больше молчал, но когда говорил, как-то не по возрасту взвешенно и даже аргументированно. Прямо чувствовалось, что он станет ученым. Я помню, тогда еще с Калининым что-то случилось, по радио объявили, что его сняли откуда-то или что-то такое, так вот у нас целые политические дебаты были насчет того, хорошо это или плохо.

У Славиных родителей в Москве была очень хорошая квартира. В ней была маленькая комнатка для прислуги, и ее тогда себе целиком забрал Витя. Крохотная, но там стоял стол, за которым он делал уроки, диванчик, стулья. Дверь изнутри закрывалась, а выходила она на кухню, тоже маленькую, метров шесть. Витя вытребовал тогда себе эту отдельную жилплощадь, поскольку он уже был школьником, а Слава еще в школу не ходил. Я, кстати, тоже. Но вообще, квартира была очень хорошая.

— Лучше, чем ваша?

— У нас тогда вообще никакой не было. До войны мы жили на Красносельской, в первом доме, в угловом. Там еще некоторое время жил Утесов. Но поскольку в эвакуацию мы уехали не из Москвы, а из Харькова, квартиру мы не сдавали, а поэтому, когда вернулись, оказалось, что она занята другими жильцами, которые живут в ней уже несколько лет. Тогда же ведь тех, кого разбомбили, переселяли в бесхозную жилплощадь, а наша была как раз бесхозной. Так что мы рядом со Славой во временной квартире жили, а потом маме новую квартиру дали, и мы переехали.

— Но праздники вы, когда жили рядом, вместе отмечали? Что вам Слава на день рождения тогда подарил?

— Знаете, у меня день рождения 8 марта, но мы его никогда не отмечали. Может, если бы мы продолжали общаться и он бы узнал, когда у меня день рождения, то что-нибудь и подарил бы, но вот не вышло. Мы переехали, и общение надолго прервалось. Так, периодически слышали что-то друг о друге, но не более того.

— Если вы встретились лишь в 2000-м, значит, связь прервалась больше чем на полвека. И как получилось, что снова встретились?

— У меня был какой-то юбилей, уж и не вспомню какой, и я решила пригласить на него всех родственников. Пригласила и Славу с Тamarой. Посидели, повспоминали наше со Славой детство. Жена его Тамара мне очень понравилась, такая добрая, умная, интеллигентная женщина, и к нему она очень хорошо относилась. К сожалению, мы и после этой встречи нечасто виделись. По пальцам можно сосчитать, раз пять, наверное. В последний раз — на его дне рождения. И все.

ШКОЛА ЖИЗНИ

Но, как говорится, не двором единым жив человек, тем более когда он еще маленький.

Виктор Михайлович Копелевич, брат Вячеслава Михайловича Копелевича, июнь 2011 года

— Известно, что для детей год делится на три кардинально различные части: Новый год, лето и все остальное. Если Славе сады и лагеря были противопоказаны, что же он делал летом? Неужели сидел в городе?

— Нет. После того случая, когда мама забрала его после недельного «отдыха», мы летом отдыхали только на даче. Мама находила какую-нибудь женщину, которая соглашалась бы с нами там за плату пожить, последить, а сама приезжала раз в неделю, привозила продукты, вещи, книжки, игрушки какие-нибудь.

— Эта дача так далеко была, что мама не могла постоянно с вами там жить?

— Так она же работала, и отец работал, все работали, а бабушек с дедушками у нас не было. Дачи мы снимали в разных местах, но в основном по Казанской дороге. Одну из дач я хорошо помню. Она была в деревне Мелькисарово, недалеко от нынешнего аэропорта Шереметьево. Там мы жили в первый раз, когда мама нашла нам такую воспитательницу. Это была очень хорошая женщина, которая не просто за нами смотрела, но и часто водила в лес по грибы, учила их искать, собирать, различать. Она привила нам со Славой настоящую любовь к этому делу. В то время аэропорт там еще не построили, зато грибов было огромное количество, просто невероятное. И леса такие густые, что заблудиться там было легко. И женщина та как раз нас научила в лесу ориентироваться. Можно сказать, что она заложила в наши головы основы систематики, анализа и индуктивного мышления.

— Наверное, в таком густом лесу вам в войну замечательно игралось?

— Нет, такого там не было. А вот в футбол мы там играли. Вернее, я играл, а Славка за меня болел. Он маленький еще был,

и его в команду не брали. Я был защитником, причем левым, поскольку я левша.

Я тоже частенько вспоминаю деревню Осташково Смоленской области, которую, в отличие от пионерских лагерей, просто обожал и в которой был готов жить не только летом, но и осенью, и зимой, и весной, даже в Новый год, лишь бы только разрешили. И в школу бы там ходил, если бы была. Но сколько я ни пытался узнать что-то об ее истории, у меня так ничего и не вышло. А вот в Мелькисарове, расположенном на берегу Клязьмы в каких-то жалких 30 километрах от Москвы, историю малой родины свято берегут и знают почти все жители, которых сейчас официально (не считая дачников) чуть больше 70.

Оказывается, первые упоминания о деревне относятся аж к 1531 году, только тогда она называлась несколько иначе — Милгисарево, а название свое получила по имени владельца — боярина Мелика по прозвищу Старый. Была она маленькой, состоявшей всего из трех бобыльских, то есть не имеющих земельных наделов, крестьянских дворов. Постепенно деревенька росла, и к началу XVIII века в нее входили уже 14 дворов, в которых, согласно переписным книгам, проживали 36 крестьян. В 1812 году деревню полностью разграбили наполеоновские войска. Однако она не исчезла с карты империи, а, оправившись, еще более увеличилась: к середине XIX века здесь жили уже 149 человек. Максимум населения в Мелькисарове случился в 1927 году, когда, по документам, тут проживал 171 мелькисаровец. В 1984 году деревню включили в состав Молжаниновского района Москвы. Недавно на самой ее границе построили новый офис «Аэрофлота», и теперь все жители боятся, что их снесут, поскольку по деревне ходят упорные слухи, что кто-то хочет построить на месте их домов большое поле для гольфа.

— Школу Слава так же «любил», как детский сад?

— Нет, в школу он мечтал скорее пойти и ходил в нее охотно. Занимался всегда очень хорошо, схватывал на лету, учителя не могли нарадоваться. Постоянно всякие похвальные грамоты приносил.

— Как сегодня называется, был «ботаном»?

— Опять не угадали. Дома, например, он занимался мало, и не потому, что ленился, а потому, что ему вполне хватало того, что говорили в школе, повторять уже было не нужно. Я ему тогда завидовал белой завистью, потому что мне, для того чтобы держаться на достойном уровне, как раз дома приходилось заниматься довольно много. Но зато я окончил школу с золотой медалью, а он — с очень хорошим аттестатом, но без медали. До серебряной, которую давали при двух четверках, он совсем чуточку не дотянул.

— Стало быть, в его аттестате четверок было 3. И какие же предметы подвели?

— Один был литература, а вот два остальных, честно скажу, не помню.

— Так вы же ему с младенчества уже Дюма читали, а любовь к литературе привить так и не смогли?

— Он читать любил, но там были другие причины. Надо же было сочинение писать, а в нем за любую запятую могли оценку снизить. Но вообще Слава одинаково хорошо относился ко всем предметам, любимых у него не было, учился он легко. Лидером в классе он не был, да и не стремился к этому. У него было несколько друзей, с которыми он постоянно возился, я знал их по именам, но знаком с ними не был. Слишком велика была для того времени разница в возрасте. Ну вы представьте: я в восьмом классе учусь, он — в третьем. У каждого своя компания. То есть у нас двоих, как у братьев, есть общие интересы и дела, но интересы наших компаний не пересекаются никак, не говоря о делах.

МОСКВА, 1947 ГОД, ОСЕНЬ. КУЛЬТУРНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

В тот замечательный день отец пришел домой значительно раньше обычного и тут же позвал к себе сыновей. Глаза его подозрительно сияли, и вообще весь он как будто светился.

— Ну что, мужики, — он заговорщически нагнулся и положил руки на плечи сыновьям, одну на Витино, другую на Славино, — пойдем?

— Куда? — с ноткой подозрения спросил Витя.

— А вот там увидите. Пойдемте, мне ваша мужская помощь нужна.

Витя подмигнул Славке. Видно было, что он догадывается о том, что именно они «там» увидят и где это «там» произойдет, но колоться перед младшим братом не будет. Чтобы он помучился. И Славке пришлось мучиться довольно долго. Пока шли по улице, потом ехали на автобусе, он честно старался сам догадаться, что за сюрприз им подготовил отец. Нет, главная, наиболее желанная догадка у него была, но он боялся даже думать о ней. Однако когда они вышли из автобуса напротив магазина, на котором большими буквами было написано «Культуртовары», у Славки предательски заныло в груди. Наиболее невероятная из догадок становилась все более реальной. А когда отец подошел к прилавку с электротоварами, все остальные версии просто лопнули. Действительно, ведь не лампочки же покупать отец их привез. Через секунду он подтвердил Славкину надежду.

— Молодой человек, — обратился он к продавцу, который был не так уж и молод, — покажите нам телевизор.

У маленького Славки перехватило дыхание. Нет, он знал, конечно, что есть такие «телевизоры», в них можно смотреть кино и даже футбол, который идет где-нибудь в Киеве. Не просто слушать, как по тарелке на кухне, но именно смотреть. Он читал о них в папиной газете в статье «Чудеса дальновидения», а потом даже один раз такой ящик видел, у них в доме их было два. Но видел он его выключенным, а вот в действии еще не приходи-

лось. Мальчик, который ему этот телевизор показал, как раз и хвастал, что смотрит в нем любой чемпионат Союза. Поверить в это было проще, чем понять. Славка честно старался понять, как такое может происходить. И не понимал, а поэтому приходилось верить. Но вот в то, что такое чудо техники будет стоять у них в квартире, поверить было невозможно. И понять нельзя, и даже предположить. Тем не менее именно это невероятное начинало происходить прямо у него на глазах.

— Я знал, — горячо зашептал ему в ухо Витька, словно бы стараясь закрепить свой приоритет в знании. — Они вчера об этом весь вечер на кухне с мамой шептались.

— Вам «Ленинград» или «Москвич»? — лениво спросил продавец.

— А какой лучше?

Михаил прекрасно знал, какой лучше, он знал это уже несколько месяцев. Но теперь ему надо было аккуратно рассказать об этом сыновьям. Пусть они видят, что у них дома будет стоять вершина отечественного научно-технического прогресса. Продавец заговорил на каком-то непонятном Славке полурусском-полуфашистском языке.

— «Москвич Т-1» лучше. Новейшая модель, Московский радиозавод. Рассчитан на новый стандарт в 625 строк. Таких телевизоров в мире еще нигде нет: 20 ламп, звук с частотной модуляцией, очень высокого качества. Есть гнездо для подключения к усилителю патефона. Точная подстройка осуществляется нажатием на ручку настройки. Кроме того, когда телевидения нет, можно радио слушать. Ну и внешний вид красивее. Вертикальное исполнение, круглый кинескоп с линзой. «Ленинград Т-1» попроще. Радиоприемник «Ленинград» знаете?

— Конечно.

— Вот он на том же Ленинградском заводе Козицкого делается и в том же корпусе, только вместо шкалы настройки кинескоп. И четкость у него — 441 строка.

— Стандарт.

— Старый стандарт. Вот увидите, через пару лет все телевизоры будут 600 строк показывать. Московская станция уже 600 строк передает, скоро и ленинградскую на 600 переведут.

И все новые станции будут на 600 строиться. Ну и мощность звука у «Москвича» побольше — 2,5 ватта.

— А у «Ленинграда»?

— Полтора.

— 2,5 ватта — солидно. Окна, как при бомбежке, полосками не придется заклеивать?

Вопрос был явно риторическим и ответа не требовал. Продавец отвечать и не стал, а перешел сразу к главному:

— Стоит, конечно, «Москвич» подороже. 3500 рублей.

Теперь у Славы в горле не перехватило, а пересохло. Он хоть и был еще маловат, тем не менее понимал, что для того, чтобы набрать такую сумму, отцу надо было трудиться несколько месяцев, а маме — так и весь год. Но, видимо, отец к этой цифре был готов, поэтому он не свистнул, не охнул, а довольно спокойно сказал:

— Хорошо, выписывайте.

Завернутый в серую оберточную бумагу и обмотанный несколькими витками толстого шпагата телевизор представлял собой тумбу почти в половину Славкиного роста. Отец положил его на грудь, держа обеими руками под низ.

— Тяжеловатый, — пожаловался он продавцу.

— 33 килограмма, — сочувственно произнес продавец. — «Ленинград» тоже 33, но там удобнее, там чемодан есть.

— Ладно, мы и без чемодана обойдемся. А ну-ка, пацаны, давайте помогать, зачем я вас позвал? Бегом двери открывать. А ты, Виктор, беги такси ловить. Не в автобусе же нам его домой везти.

Дома мама уже приготовила под новую технику место. Телевизор водрузили на покрытую ажурной салфеткой тумбочку. Такой же салфеткой предполагалось накрыть и аппарат, но сначала надо было проверить его в работе. Отец раскрутил шедший от задней стенки шнур в коричневой изоляции и воткнул его в розетку. Витька в нетерпении скакал вокруг и хлопал себя ладонями по коленям, Славка же просто стоял и смотрел на действия отца с бессловесным восхищением. Отец же продолжал колдовать над техникой. Он повернул одну из шести ручек. Раздался щелчок, и в центре экранчика в верхней части тумбы появилась яркая светящаяся точка. Через пару секунд она выросла

и превратилась в пятнышко с неровными дрожащими краями, которое быстро расплылось на весь экран. Теперь он мерцал приглушенным сероватым светом. В нем как будто что-то шевелилось. Из телевизора слышалось громкое шипение. Отец начал крутить еще одну ручку, расположенную в нижней части. Стрелка на шкале настройки поползла вправо. Шкала очень напоминала те, что Слава уже видел в хороших ламповых радиоприемниках, только чисел на ней было значительно меньше. Собственно, всех чисел-то только «5 6 7 8 9 10». Значение их пока оставалось для мальчика загадкой. Может, ими определялось количество человек, которых показывает телевизор?

Пока папа занимался настройкой, Слава аккуратно зашел сзади и внимательно осмотрел заднюю стенку, сделанную из какого-то плотного материала, похожего на картон, только значительно толще. Через большие отверстия в ней было хорошо видно, как светятся тускло-желтым светом радиолампы. Слава подошел поближе, всмотрелся в одну из наиболее широких дырок и все сразу понял.

Тем временем шум вдруг пропал, а на смену ему пришла песня:

Жили-были, не тужили,
Вместе ревностно служили
Славных четверо друзей,
Все — Иваны, все — таланты,
Все четыре музыканты,
Нет друг друга веселей.
Кларнетист Иван Иванович,
Тромбонист Иван Степаньч,
Саксофон Иван Ильич
И трубач Иван Кузьмич.

Славка рванулся к экрану, но на нем по-прежнему было лишь серое мерцание с какими-то всполохами.

— А где кино? — с разочарованием спросил Виктор.

— Сегодня нет передачи, — ответил отец, — послезавтра будет, с семи вечера до одиннадцати. Пока только два раза в неделю показывают, но обещают, что через год будут каждый день показывать, может, даже еще и утром. А пока радио.

— Я знаю, — прошептал Славка на ухо брату, — откуда там, в экране, люди браться будут.

— Откуда? — так же приглушенно спросил Витя.

— Смотри, — Славка показал большую дырку в задней стенке, — вот там большая коробка железная. Вот они там, наверное, все сидят и по проводам в экран ходят, когда надо.

Услышав это, 14-летний Витька громко засмеялся:

— Пап, ты слышал? Славка думает, что в трансформаторе люди сидят!

Отец улыбнулся:

— Нет, Славочка, в трансформаторе сидят не люди, а электрический ток.

— А люди где сидят, которых будут показывать?

— А в радио где люди сидят, которые разговаривают? Далеко сидят. Вот и здесь мы их только увидим.

— Как в твой бинокль?

Отец замялся:

— Ну, не совсем. Хотя можно и так сказать, но не совсем так.

— А как?

— А вот начнешь физику изучать, тогда узнаешь, — влез в разговор Витька.

Это был нечестный прием. Во-первых, потому, что до изучения физики 9-летнему Славке было еще очень далеко, три года. А во-вторых, сам Витька уже давно ее изучал, а значит, мог бы и объяснить брату, но он этого не делал, явно гордясь своим исключительным знанием. Отец посмотрел на растерянного Славку, на пузырящегося от гордости Виктора и сказал:

— Славик, не расстраивайся, я тебе объясню. Послезавтра передача будет, вот тогда и объясню.

«Сам пойму, тогда и объясню», — чуть было не добавил он, но вовремя сдержался.

ПОДГОТОВИТЕЛЬНАЯ ГРУППА

Виктор Михайлович Копелевич, брат Вячеслава Михайловича Копелевича, июнь 2011 года

— Разница в возрасте у вас пять лет. Стало быть, когда он был еще октябренком, вы уже готовились вступать в комсомол. Или вы в такие политические организации не вступали?

— Почему? Вступали, причем вполне сознательно. У нас же семья, как раз в политическом плане, была довольно спокойная. Нам как-то удалось избежать тех страшных арестов, какие были в конце 1930-х и в начале 1950-х. У нас никто из родных не был репрессирован, поэтому вплоть до 1956 года наше со Славой отношение к советской власти было абсолютно лояльным. Мы вступали и в пионеры, и в комсомол, верили, что живем в самой счастливой стране, верили руководству страны, но без фанатизма. После 56-го года, конечно, наши представления перевернул XX съезд, ну и рассказы отца. Он ведь до этого нам ничего не рассказывал, хотя прекрасно помнил и борьбу с троцкизмом, и процессы Зиновьева — Каменева. Поэтому никаких колебаний ни у меня, ни у брата при вступлении в пионеры или в комсомол не было.

— Говорите, что любимых предметов у него не было. Но ведь химию-то он уж точно больше других привечал?

— Вы знаете, я бы так не сказал. Он вообще почти случайно пошел в химический институт. Его на это подбил наш сосед сверху, Карл Минскер. Он старше меня на 5 лет, а брата на 10, к тому времени окончил Институт тонкой химической технологии и уже работал. Вот он и рассказывал брату об этой специальности. А Слава до того, вообще говоря, хотел поступать в Институт кинематографии на операторский факультет.

— Снимал кино? У вас была кинокамера?

— Камеры не было, но был фотоаппарат. Хороший советский фотоаппарат. Слава любил фотографировать, даже посылал свои работы на предварительный отборочный конкурс. Эти фотографии очень нравились маме, и когда она узнала, что брат не прошел отбор, она даже пошла в деканат разбираться. И там

ей сказали, что фотографии хорошие, но они не дотягивают до уровня поступления. Пусть еще поснимает, руку понабивает, может, и поступит на следующий год. Но он ждать год не стал и поступил в тот институт, какой советовал сосед.

Теперь я могу официально заявить, что увлечение наукой необходимо отнести к инфекционным заболеваниям. И заразиться ею при общении с «тяжелыми носителями» вполне можно.

На сайте Академии наук Республики Башкортостан написано, что академик АН РБ, доктор химических наук, профессор Карл Самойлович Минскер за время своей научной деятельности подготовил 54 кандидата и 11 докторов наук. Мне кажется, что справедливо было бы теперь вторую цифру увеличить как минимум на единичку. Ибо, если бы ему не удалось в свое время заронить в мозг юного Славы Копелевича химическую бациллу, одним доктором наук в нашей химии точно было бы меньше. И ведь процесс заражения наверняка прошел совершенно бессознательно.

Не зря говорят, что случай есть не что иное, как непознанная человеком закономерность. Сейчас уже сложно сказать, почему молодого Карла потянуло поступать именно в Московский институт тонкой химической технологии, когда и в его родном Киеве хороших учебных заведений химического профиля было немало. Но он приехал в Москву, поступил и в 1952 году окончил именно этот институт. Окончил очень неплохо, получив специальность инженера-химика-технолога. В то время Слава как раз перешел в седьмой класс школы № 1 Московско-Рязанской железной дороги.

На похвальных грамотах отдела школ Главного управления учебных заведений Министерства путей сообщения СССР, которые «за отличные успехи и примерное поведение» вручили ему в 1951 и в 1952 годах, слева изображен вчерашний вождь советского народа товарищ Ленин, а справа — сегодняшний вождь товарищ Сталин. Только в грамоте образца 1951 года оба вождя помещены в круглые рамки, а 1952 года — в овальные. А вот в 1954-м уже никаких портретов не было, потому что не было и похвальных грамот. Видимо, в управлении были не вполне

уверены, как и чьими портретами их бы стоило оформить, вот и решили перестраховаться. Поэтому вместо красивой цветной грамоты родители Славы получили отпечатанный на машинке и заверенный печатью и подписями руководства документ (орфография и стилистика сохранены. — *В. Ч.*):

«Родителям учащегося 8 «б» класса

Мужской средней школы № 1 Московско-Рязанской ж. д.

Тов. Копелевич Михаилу Саломонович и Копелевич Лидии Яковлевна! (а что вы хотите? Шулимович и Ревекка в советской школе — это же просто неприлично! — *В. Ч.*)

Руководство и коллектив школы № 1 отмечает успехи Вашего сына в учебных занятиях, в поведении и общественной работе за 1953/54 учебный год.

С Вашей стороны мы видели постоянное внимание и помощь школе, а также стремление к совместной работе со школой по обучению и воспитанию своего сына. Результаты нашей совместной работы налицо: Ваш сын в числе лучших учащихся школы и удостоен похвалы директора школы.

Мы выражаем Вам благодарность и разделяем Вашу радость в связи с успехами сына.

Мы уверены в том, что наша в дальнейшем совместная работа по обучению и воспитанию Вашего сына увенчается еще большими успехами и он станет хорошим гражданином нашей Родины и принесет много пользы».

Документ датирован 2 июня 1954 года. Поэтому в шапке и стоит «мужская школа». Существовать им оставалось меньше месяца. Потому что уже 1 июля Совет Министров СССР примет постановление «О введении совместного обучения в школах Москвы, Ленинграда и других городов». В те времена дистанция от постановления до дела была не так велика, как сейчас. 16 июля Исполком Моссовета уже принял соответствующее решение за № 44/34:

«В соответствии с постановлением Совета Министров СССР... Исполком Московского Совета постановляет:

1. Ввести в школах г. Москвы с 1954/55 учебного года совместное обучение мальчиков и девочек.

Объединение учащихся мужских и женских школ провести с I по IX класс включительно. Десятые классы в предстоящем учебном году не объединять.

2. Обязать Городской и районные отделы народного образования... с первых же дней учебных занятий принять меры к созданию сплоченных, работоспособных ученических коллективов.

3. Обязать исполкомы районных Советов и Городской отдел народного образования:

а) до 1 августа с.г. освободить все помещения санитарных узлов, занятые под хозяйственные нужды и жилье, а также освободить все классные помещения, пионерские комнаты и другие служебные школьные помещения, занятые не по назначению;

<...>

7. Поручить Городскому отделу народного образования и Архитектурно-планировочному управлению совместно с исполкомами районных Советов в месячный срок внести в Исполком Московского Совета предложения о пристройках физкультурных залов к школьным зданиям, не имеющим помещений для физкультурных занятий.

8. Исполком Московского Совета обязывает исполкомы районных Советов взять под особый контроль работу отделов народного образования, связанную с введением совместного обучения, и оказать им помощь в улучшении учебной работы и установлении твердого порядка в школах».

Разумеется, учиться в таких условиях, когда мысли сворачивают с таблицы Менделеева на сидящее рядом диковинное существо с бантами и в белом фартуке, значительно сложнее. Возможно, поэтому Слава и не смог добиться такой же медали, как Виктор, старшему-то брату в школе ничто не мешало сосредоточиться! Тем более что сосед сверху, к которому всегда бегали с вопросами, к тому времени покинул не только гудковский дом, но и вообще Москву.

После окончания института Карл так и не смог найти в Москве интересную работу. То есть работы было много, а интересной — нет.

— Науку надо делать, — говорил он Славе, с которым не прекращал общаться, — не просто служить ей, а именно делать.

Иначе ничего не получится. Тот, кто просто служит, рано или поздно от разведки, исследований и поиска переходит к обороне. Строит сам вокруг себя и своей науки стены, чтобы никто его госпожу не смог потревожить. А ее пинать надо постоянно, чтобы она вперед шла, а то обленится, усохнет и зачахнет.

В 1953 году Карл нашел для себя место, где пинать любимую им органическую химию можно было сколько угодно. Местом этим оказался отраслевой научно-исследовательский институт в городе Дзержинске Горьковской (ныне Нижегородской) области при почтовом ящике № 702, сейчас более известном как Государственный научно-исследовательский институт органической химии и технологии (ГосНИИОХТ). За всеми этими словами, буквами и цифрами скрывался один из мощнейших советских центров по разработке химического оружия и токсикологическим исследованиям. Здесь молодой ученый защитил докторскую диссертацию и дорос до заведующего лабораторией. Но постепенно военная химия перестала удовлетворять его растущие химические амбиции. Пространство отраслевого института оказалось уже маловато, и в 1968 году он снова сменил и работу, и город.

Новым местом приложения сил стали Уфа и расположенный в нем Башкирский государственный университет, в котором Карл Минскер получил должность профессора на созданной им кафедре высокомолекулярных соединений и коллоидной химии и заведующего лабораторией ионной полимеризации Института химии БФАН СССР. Эта самая полимеризация стала делом всей его последующей жизни. Именно он разработал и внедрил способы производства изотактических полипропилена и полистирола. Он вообще разработал много чего, но я тут перечислять все его достижения не буду, поскольку читатели, не будучи профессиональными химиками, мало что из этого описания поймут, а профессиональные химики все это знают и без меня. А если не знают, то знают, где это можно узнать. В конце концов, у нас тут не научная монография. Скажу просто: когда я читал этот список (в котором только авторских свидетельств больше 300), я понял в нем не все, но главное: сделано Минскером за полвека

научной работы очень много. Достаточно сказать, что во всех справочниках ученого называют создателем научной школы по химии и технологии полимеров. Ее подготовительное отделение удалось в начале 1950-х годов пройти Славе Копелевичу.

В 1991 году заслуженный деятель науки РБ, заслуженный деятель науки РФ Карл Минскер был избран в действительные члены Академии наук Республики Башкортостан. В 1995 году Биографический институт (США) назвал его «Человеком года», а год спустя в Кембридже (Великобритания) его объявили «Международным человеком года» 1995–1996 годов». В 1999 году РАН присудила ему премию имени академика Каргина. В 2001 году он стал лауреатом Государственной премии Республики Татарстан в области науки и техники, а в 2004-м — Премии Правительства РФ в области науки и техники. Одно плохо — последнюю премию академик Минскер получил уже посмертно.

С учителями Славе вообще везло. Хотя, с другой стороны, можно сказать и иначе: учителям везло с хорошим учеником. В институте, куда он поступил легко и без проблем, его сразу заметил другой известный ученый.

Несмотря на то, что карьера Михаила Копелевича на журналистском поприще сложилась вполне удачно, своих сыновей он журналистами видеть не хотел. И когда старший сын объявил, что он собирается после школы поступать на журфак или, в крайнем случае, на исторический, отец безапелляционно заявил, что мужчина должен получить техническую специальность. А уж потом, если так не терпится что-нибудь писать, можно и писать. Но отучиться надо на техническом. Когда же сын попытался упорствовать, Михаил напомнил ему, что на календаре 1951 год, а в паспорте у Виктора недвусмысленно написано «еврей». Поэтому даже при том, что сын уверенно идет на золотую медаль, о поступлении в МГУ ему и думать не стоит. Конечно, как медалиста его были обязаны принять в любой вуз без экзаменов, но, кроме экзаменов, существовало еще и собеседование, после которого преподаватель, проводивший это собеседование, мог отсеять абитуриента, не объясняя причин.

Михаил Соломонович (будем все-таки придерживаться этого отчества, поскольку Шулим и Соломон суть одно имя, как Георгий и Юрий) был не просто недалек от истины, а прав на все сто процентов. На календаре действительно стоял 1951 год, а это значит, что начатая в 1948 борьба с «безродными космополитами» была в самом разгаре. Автором этого словосочетания стал член Политбюро партии Андрей Жданов. На совещании деятелей советской музыки в ЦК КПСС он заявил: «Интернационализм рождается там, где расцветает национальное искусство. Забыть эту истину означает... потерять свое лицо, стать безродным космополитом».

Безродными космополитами становились практически все, кто сомневался в главенстве русской культуры. Прежде всего это были, конечно, евреи и еврейские организации. Еще в конце 1948 года вышло постановление «О Еврейском антифашистском комитете», который сразу распустили, его членов арестовали, объявили американскими агентами и частью расстреляли, частью отправили на стройки коммунизма. В феврале 1949 года в «Правде» появилась статья президента Академии художеств Александра Герасимова⁶ «За советский патриотизм в искусстве», в которой говорилось, что «люди, подобные гурвичам и юзовским, есть и среди критиков, пишущих по вопросам изобразительного искусства». В качестве примеров приводились Абрам Эфрос⁷, Александр Ромм⁸, Осип Бескин⁹ и прочие известные литераторы с подозрительными фамилиями.

⁶ Александр Михайлович Герасимов (1881–1963) — знаменитый советский живописец-реалист. Первый президент Академии художеств СССР. Народный художник СССР (1943). Лауреат четырех Сталинских премий (1941, 1943, 1946, 1949). Член ВКП(б) с 1950 года.

⁷ Абрам Маркович Эфрос (21 апреля (3 мая) 1888 года, Москва — 19 ноября 1954 года, там же) — русский советский искусствовед, литературовед, театровед, поэт и переводчик.

⁸ Александр Ильич Ромм (18 марта 1898 года, Санкт-Петербург — 2 октября 1954 года, Сочи) — советский филолог, поэт, переводчик, старший брат кинорежиссера Михаила Ромма.

⁹ Осип Мартынович Бескин (1892, Вильно Виленской губернии — 1969) — литературный и художественный критик.

Далее «разоблачительные» статьи посыпались как из рога изобилия: «Против космополитизма и формализма в поэзии» («Правда», 16 февраля), «Безродные космополиты в ГИТИСе» («Вечерняя Москва», 18 февраля), «Буржуазные космополиты в музыкальной критике» («Культура и жизнь», 20 февраля), «До конца разоблачить космополитов-антипатриотов» (доклад на собрании московских драматургов и критиков, «Правда», 26 и 27 февраля), «Разгромить буржуазный космополитизм в киноискусстве» («Правда», 3 марта) и так далее, и тому подобное. Были запрещены как клеветнические по отношению к советскому народу произведения уже покойных «сионистов» Эдуарда Багрицкого, Александра Грина, Ильи Ильфа и Евгения Петрова. Кроме прочего, этих мастеров обвинили еще и в том, что они применяли псевдонимы (настоящие фамилии соответственно Дзюбан, Гриневский, Файнзильберг и Катаев).

Досталось и известному немецкому еврей-антифашисту Лиону Фейхтвангеру¹⁰, оперативно причисленному к «прожженным националистам и космополитам» и объявленному «литературным торгашом». Среди ученых наиболее пострадали не верившие в постулат «советская наука самая передовая уже просто потому, что она советская». Особо досталось тем, кто посмел раньше работать за рубежом и совсем не стыдился этого. Про Петра Леонидовича Капицу, которого оперативно отстранили от руководства созданным им Институтом физических проблем, писали, что подобные ему ученые *«вносили чуждые нам настроения, ориентировали нашу научную молодежь не в направлении решения задач, стоящих перед нашей Родиной, перед страной социализма, а в направлении решения задач, интересовавших иностранные научные и ненаучные организации, в духе чуждых нам идей космополитизма, от которых только один шаг до явного предательства»*

¹⁰ Лион Фейхтвангер (7 июля 1884 года, Мюнхен — 21 декабря 1958 года, Лос-Анджелес) — немецкий писатель еврейского происхождения. Один из наиболее читаемых в мире немецкоязычных авторов. Работал в жанре исторического романа.

интересов нашей Родины», призывая «со всей определенностью и большевистской смелостью и настойчивостью выкорчевать и устранить вредное влияние антипатриотических тенденций группы физиков-космополитов, которая хотя и является небольшой, но, тем не менее, захватив в некоторых областях физики ключевые позиции, оказывает вредное влияние на молодежь, на подготовку кадров, на решение важнейших задач, стоящих перед нашей наукой». Всяческие попытки других ученых встать на защиту коллег объявлялись «антипатриотическими выпадами» и «низкопоклонством перед Западом».

Специальными постановлениями были распущены как националистические и космополитические объединения еврейских советских писателей в Москве, Киеве и Минске, закрыты московский альманах «Геймланд» и киевский «Дер штерн», еврейский музей в Вильнюсе, краеведческий музей в Биробиджане, историко-этнографический музей грузинского еврейства в Тбилиси, прекращены передачи московского радио на идиш, закрыто Московское государственное еврейское театральное училище имени Ш. Михозлса, ликвидированы все существовавшие в СССР еврейские театры: в Минске, Черновцах, Биробиджане и Москве. Людей с еврейской фамилией запросто увольняли с работы, без объяснения причин отказывали в приеме в вузы, выгоняли из училищ. Это была уже не просто кампания, это была эпидемия, цепная реакция. Директор завода знал, что его никто не обвинит и не накажет за то, что он уволил «слесаря-космополита Рабиновича», если вдруг кому-то покажется, что слесарь Рабинович — космополит, а вот за покровительство его и самого могли заподозрить в космополитизме, со всеми вытекающими последствиями. В результате Рабинович вылетал с завода при первом же удобном случае.

Хотя, как ни странно, у этой борьбы с космополитизмом были и положительные моменты. Так, именно благодаря ей советские ученые-витаминологи «неожиданно» вспомнили о приоритете в деле открытия витаминов того самого Николая Лунина, о котором забыли в 1930-х годах.

Виктор не был желторотым идеалистом. В свои 18 лет он трезво смотрел на вещи и понимал, что отец прав и на МГУ ему рассчитывать не стоит. Доводы мудрого Михаила Соломоновича сделали свое дело, и Виктор подал документы в сугубо технический вуз — МВТУ имени Баумана.

— Я хотел пойти на ядерную специальность, — сокрушался он, — но меня на нее не взяли, а взяли на «домны и мартены».

Однако для того, чтобы проектировать эти самые домны и мартены, необходимо было обладать недюжинным пространственным мышлением, а вот его-то у Вити Копелевича как раз и не хватало. Поэтому уже к концу первого курса замдекана недвусмысленно намекнул, что ему тут делать нечего. И Виктор перешел в менее престижный, но и значительно менее привередливый Московский институт инженеров железнодорожного транспорта на экономический факультет.

Перед Славой таких огромных проблем не стояло. У него «институтская эпопея» началась на пять лет позже, чем у брата. Государственный антисемитизм еще давал о себе знать, но уже в значительно меньших масштабах. Так что теоретически он на журфак поступить мог. Но, к радости отца, не хотел. После неудачи со ВГИКом он твердо решил после школы пойти в МИТХТ имени Ломоносова, который ему так усиленно рекомендовал живший этажом выше Карл Минскер.

Часто говорят, что девушки в химические учебные заведения идут не за химией, а за химиками. В отношении Московского института тонкой химической технологии с этим утверждением можно поспорить. Смело. Опираясь хотя бы на то, что сам этот институт вырос из исключительно женского высшего учебного заведения, одного из первых в России.

Еще в мае 1872 года министр народного просвещения Российской империи граф Дмитрий Андреевич Толстой подписал документ об учреждении в Москве нового частного учебного заведения — Высших женских курсов, которые и были открыты уже в ноябре на Волхонке, в здании Первой мужской гимназии. Первоначально полный срок обучения составлял 2 года, однако уже к началу XX века он вырос до 4 лет. Занятия

на курсах были платными. Девушки из хороших семей обучались здесь филологии, истории, физике, математике и медицине. Позднее, в 1906 году, к этому списку добавили медицину, а еще два года спустя – химию. Курсы, по окончании которых выпускницы получали государственные дипломы о высшем образовании, пользовались среди девушек сумасшедшей популярностью, по количеству студентов к 1918 году они занимали второе место после МГУ – более 8300 учениц. Однако в том же 1918 году большевики, озабоченные вопросом равенства полов, заявили, что в России не должно быть женских учебных заведений. В результате доступ на женские курсы был открыт и для мужчин, а сами они переименованы во 2-й МГУ.

Уже в 1919 году в этом втором университете была проведена первая масштабная реорганизация, после которой у него отобрали и передали 1-му МГУ историко-филологический и физико-математический факультеты. У 2-го остались только химический и медицинский, к которым через 2 года добавили педагогический. В таком виде он просуществовал еще 9 лет, после чего его, по факультетам, разделили на три самостоятельных вуза. Медицинский, как нетрудно догадаться, был преобразован в медицинский же институт, сейчас известный нам как Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова. Из педагогического получился сегодняшний Московский педагогический университет. Ну а химический факультет стал Химико-технологическим институтом, который вскоре был переименован в Институт тонкой химической технологии. Имя Михайлы Ломоносова он получил не сразу, а только в 1940 году, «за научные достижения и подготовку специалистов».

В МИТХТ преподавали многие замечательные педагоги. Об одном из них рассказывают, что он перед началом вступительных экзаменов часто спускался в холл и разговаривал с абитуриентами. Не только о химии, но и о жизни, о культуре, даже о политике. А потом шел в приемную комиссию и писал просьбу: «Если такие-то абитуриенты (список фамилий) успешно сдадут вступительные экзамены и подадут заявления на специальность

«технология лекарственных и душистых веществ», прошу распределить их в мою группу». Комиссия всегда выполняла просьбу уважаемого профессора. И тот никогда не ошибался в своем выборе. В последней его группе (умер ученый в 1968 году) обучались 23 студента. Всего на курсе, на котором числились 250 человек, красные дипломы получили 13, из них 11 — с факультета профессора. Через четверть века пятеро из выпускников курса стали докторами (и все 5 были его студентами), а один — академиком.

Звали профессора Николай Алексеевич Преображенский. Слава попал на факультет Т (тонкой технологии).

А Николай Алексеевич вошел в число тех людей, которые определили жизнь нашего героя. И поэтому о нем стоит рассказать отдельно.

ЕГО УНИВЕРСИТЕТ

Почти все биографические очерки начинаются с одной и той же банальной и даже почти пошлой фразы: «Иван Петрович Сидоров родился в тысяча восемьсот страшно-сказать-каком году в городке Порываевске Таштыкарской губернии (области/крае/районе) в семье простого крестьянина (реже — мещанина)». Поверьте, мне нелегко ее повторять, но традиции биографических очерков того требуют. Итак:

Николай Алексеевич Преображенский родился 20 октября 1896 года в Костроме. Про губернию я в данном случае имею полное право не писать, поскольку она была Костромской. Отец Коли, Алексей Иосифович Преображенский, служил дьяконом в небольшой церкви, которая до сих пор стоит в городе на самом берегу Волги. Мать, Мария Васильевна, также происходила из духовной семьи, ее отец был деревенским дьячком, сыном крепостного крестьянина. Семья была относительно большой, кроме Николая в ней росли еще 4 сына и дочь. Насчет материального достатка очень мягко можно сказать, что жили Преображенские небогато. Для того чтобы как-то свести концы с концами, они сдавали второй этаж своего маленького, построенного самим Алексеем Иосифовичем при церкви деревянного дома 5—6 семинаристам, кормила и обстирывала которых Мария. Однако и это в полной мере не спасало положения. Выручал сад, где в изобилии росли яблоки, груши, крыжовник, малина, смородина и прочие плодово-ягодные культуры. По вечерам и по выходным дням родители собирали старших детей, давали им в руки лотки с фруктами и корзины с ягодами и посылали торговать на Муравьевку — место главных променадов костромской элиты.

По достижении школьного возраста отец определил Колю в Костромскую семинарию. Мальчик любил церковь, с раннего детства помогал отцу в храме, знал наизусть многие молитвы, песнопения, церковные праздники и приуроченные к ним службы, и отец, настоятель церкви, часто говорил, что «быть Николаю митрополитом». Но сказать, что мальчик был тихим и сильно набожным, тоже нельзя. Напротив, он был чрезвычайно активен,

в своем классе всегда верховодил, создал в семинарии любительский кукольный театр и очень любил гонять голубей. Учился он хорошо, но со временем его все больше и больше тянуло в науку. В 1916 году, не окончив семинарского курса, он вместе с братом Павлом и сестрой Надеждой отправился в Москву, где поступил на медицинский факультет МГУ. Время было тяжелое, военное, и все, что родители смогли дать детям, был сундук с картошкой.

После революции 1917 года в Москве начался голод, и Коля вынужден был вернуться в Кострому. Но он не оставил своих мечтаний, в 1920 году вновь приехал в столицу и поступил в МГУ на физико-математический факультет. Учась на физмате, он пылал самой страстной любовью к химии, и после окончания университета в 1924 году начал работать научным сотрудником в Научно-исследовательском химико-фармацевтическом институте, ныне известном как ЦХЛС-ВНИХФИ (Центр по химии лекарственных средств Всесоюзного научно-исследовательского химико-фармацевтического института). Тут его заметил и взял к себе в аспирантуру известный химик-органик Алексей Чичибабин (1871, Россия — 1945, Франция). Окончив аспирантуру, Николай некоторое время проработал сначала ассистентом, а потом доцентом кафедры органической химии Московского высшего химико-технологического училища, преобразованного в 1932 году в Военно-химическую академию им. К. Ворошилова. В то же время, в 1931—1932 годах, он заведовал синтетической лабораторией Научно-исследовательского кинофотоинститута, а с 1931 по 1940 год руководил лабораторией алкалоидов Института органической химии АН СССР.

Еще в МГУ Николай встретил свою будущую жену — Марию Николаевну Щукину. Она вместе с ним училась в аспирантуре у Чичибабина, работала в Военно-химической академии, а затем в Институте органической химии АН СССР. С 1939 года Мария Николаевна трудилась во Всесоюзном научно-исследовательском химико-фармацевтическом институте, где последние 20 лет, с 1953 по 1973 год, заведовала лабораторией химии противотуберкулезных соединений. Заслуженный деятель науки и техники, она была несомненным авторитетом в области химии лекарственных веществ, автором ряда новых лекарственных препаратов, самым известным из которых является противотуберкулезный фтивазид.

Но не стоит думать, что карьера Преображенского развивалась гладко и без трудностей. Сложности начинались уже с происхождения. За редким исключением в виде знаменитого и уже всемирно признанного физиолога Павлова, советский ученый не мог быть сыном священнослужителя. Даже лояльного к советской власти. А Алексей Иосифович пытался быть очень лояльным. Настолько, что, когда священник отец Александр Введенский¹¹ и его сподвижник отец Александр Боярский¹² откололись от Московского патриархата и образовали Обновленческую церковь, в 1922 году официально признанную советской властью, дьякон Алексей тоже перешел в обновленцы. Возможно, это спасло его от ссылки на Соловки, куда было отправлено почти все духовенство его храма. Но долго в обновленцах он не пробыл, и, поскольку в церкви уже служить было нельзя из-за отсутствия священников, он ушел в мир и стал зарабатывать на жизнь плотницким ремеслом, которым хорошо владел с детства. Но даже после этого Николаю Преображенскому везде, всегда и почти все неизменно напоминали, что он сын церковника, а стало быть, ненадежный элемент.

На этом сложности не заканчивались. В 1930 году при аварии на Дорхимзаводе (с дорогами никак не связано, Дорогомиловский химический завод, ныне — НПО «Пластик») трагически погибла единственная дочь научного руководителя Николая Алексеевича и Марии Николаевны, к тому времени действительного члена Академии наук СССР Алексея Чичабабина. Убитый горем, он с женой уехал во Францию, где ему предложили возглавить кафедру химии парижского Кол-

¹¹ Александр Иванович Введенский (30 августа 1889 года, Витебск — 25 июля 1946 года, Москва) — один из лидеров обновленческого движения Православной российской церкви в 1922—1946 годах. Постоянный член обновленческого Священного синода; ректор Московской богословской академии (открыта в октябре 1923 года); с 10 октября 1941 года «первоиерарх Православных церквей в СССР».

¹² Александр Иванович Боярский (17 мая 1885 года, село Копытово Володавского уезда Седлецкой губернии — 9 сентября 1937 года, Суздаль) — священнослужитель Русской православной церкви, протоиерей; деятель обновленческого движения; в обновленчестве — епископ (впоследствии митрополит) Ивановский и Кинешемский (с 1933 года).

леж де Франс¹³. После того как в 1936 году он отказался вернуться в СССР, его лишили членства в академии, а многих его учеников арестовали и расстреляли по обвинению в пособничестве врагу народа и антисоветской деятельности. Николаю Преображенскому и его супруге удалось избежать такой печальной участи. К тому времени Николай Алексеевич уже год как был доктором наук, и степень эту он получил «автоматом», без защиты.

Если вы посмотрите биографии выдающихся советских ученых, то, возможно, заметите одну интересную закономерность. Оказывается, самыми «плодовитыми» на степени докторов наук были 1935, 1936 и 1937 годы. Именно в это время советское правительство неожиданно обеспокоилось возрождением нашей Академии наук, которая почти не функционировала с 1929 года. Тогда в ней была проведена масштабная «чистка», стоившая свободы более чем 100 ее сотрудникам. Теперь же академию оперативно перевели из Ленинграда в Москву, передали ее непосредственно в ведение Совета народных комиссаров, присоединили к ней около сотни крупных институтов. Началась кампания по отзыву разъехавшихся по заграницам талантливых ученых. В 1935 году удалось хитростью выманить из Кембриджа Петра Капицу. Уже в Москве на вокзале у него отобрали паспорт и больше за границу не выпускали. С Чичибабиным такой трюк не прошел. Для мировой солидности новой Академии наук требовались мощные и многочисленные кадры, поэтому процесс защиты временно максимально упростили, а все более-менее известные ученые получали степень доктора вообще без защиты, как тогда писали, «по совокупности заслуг».

У Николая Преображенского таких заслуг перед Советской страной насчитывалось уже немало. Главной была разработка

¹³ Коллеж де Франс — парижское учебно-исследовательское учреждение на площади Марселэн-Бертело, предлагающее бездипломные курсы высшего образования по научным, литературным и художественным дисциплинам. Обучение бесплатное и доступное всем без предварительной записи. Образован при Франциске I как институт королевских профессоров, с XVII века — Королевский коллеж, современное название носит с 1870 года. Звание профессора Коллеж де Франс считается одним из самых высших отличий в области французского высшего образования.

в первой половине 1930-х годов технологии полного синтеза весьма важного в фармацевтике алкалоида пилокарпина. До этого его добывали из листьев пилокарпуса, который в СССР не рос и который приходилось закупать в Бразилии и Вест-Индии. Работа ученого помогла государству сэкономить так нужную ему валюту, а поэтому не стоит удивляться, что уже в 1935 году постановлением Президиума АН СССР ему была присвоена степень доктора наук. Позже Николаю Алексеевичу удалось синтезировать еще ряд алкалоидов группы пилокарпина, за что в 1952 году он получил высшую в стране Сталинскую премию 1-й степени.

В 1938 году 42-летнего доктора наук по конкурсу избрали заведующим кафедрой химии и технологии тонких органических соединений Московского института тонкой химической технологии им. М.В. Ломоносова, где он проработал до самой своей смерти. С 1945 года он также руководил лабораторией синтеза Всесоюзного научно-исследовательского витаминного института, о котором мы еще много будем говорить. В 1956 году ему было присвоено звание заслуженного деятеля науки и техники, а в 1967-м — Героя Социалистического Труда.

Профессор Преображенский воспитал, не считая множества докторов и кандидатов, пять академиков РАН, двух академиков РАМН, двух членкоров РАН, а вот сам стать академиком не успел. Он умер в 1968 году практически накануне собрания, на котором его должны были избрать в действительные члены Академии наук СССР. Один из его учеников, академик РАН Илья Моисеев, рассказывает о нем так: «Был еще один человек — профессор Николай Алексеевич Преображенский, профессор из Института тонкой химической технологии. Он был очень крупным ученым, но находил время, чтобы вместе с представителями деканата посещать школы и рассказывать десятиклассникам о науке химии. Рассказывал Николай Алексеевич живо и интересно, хотя и был косноязычен. В отличие от Сыркина, который говорил на хорошем, чистом русском языке, Преображенский глотал некоторые гласные. Но слушать его было очень интересно. И я фактически пошел за профессорами, выбрав тот вуз, где преподавали эти замечательные люди».

Слава Копелевич был одним из любимых учеников профессора Преображенского. Как полагает его брат, причиной тому стала не только хорошая успеваемость студента, но и его дружба с дочерью Преображенского. Дочь профессора, с которой Слава поддерживал хорошие отношения и после окончания института, утонула в 1970 году в возрасте 32 лет. Она пережила своего папу на 2 года.

Елена Игоревна Левкоева, однокурсница Вячеслава Михайловича Копелевича, январь 2012 года, Москва

— У нас в институте хорошая компания была, шесть человек, трое девочек, трое мальчиков. Мы все время вместе были, дружили, ездили вместе, помогали друг другу. Время было такое, задорное, мы часто с палатками куда-нибудь срывались. По реке Нерль ходили, в Углич ездили, в Ярославль, в Костроме жили. На Селигер ездили и дальше, в верховье Волги. Ребята рыбу ловили, вернее, двое ловили, Слава не ловил. Он это не любил. Зато он нам помогал, девочкам. Нам же не так просто было. А он мясо рубил, воду таскал, дрова для костра. Он нас опекал, девочек. Хороший был такой, добрый. Но у нас вообще вся группа была замечательная, одна из лучших в институте, это все говорили. Мальчиков, конечно, меньше было, все-таки химия — это больше женская наука. Слава многим девочкам нравился, и мне тоже он был симпатичен, но больше всех на него внимание обращала Света Львова. Но Слава вообще ко всем относился примерно одинаково, по-доброму и с уважением.

Наша группа была дружная, мы все праздники вместе справляли, дни рождения. В Ленинград вместе ездили. А когда Новый год встречали, Слава был Дедом Морозом. Он, вообще-то, особой активностью не отличался, но если ему какую-то нагрузку давали, никогда не отлынивал. Нам часто поручали дежурить в народной дружине, так мы его избрали бригадиром, и он с этой обязанностью успешно справлялся. Я бы не сказала, что он был очень спортивный, но в футбол с другими ребятами поиграть любил или в пинг-понг постучать. А ближе к концу учебы нашу группу отправили на целину.

О МЕРАХ ВЕСА

Николай Алексеевич Преображенский был для своих студентов настоящим отцом и помогал им, по возможности и необходимости, во всех вопросах. Но вот защитить от сельхозработ, когда страной руководил Никита Хрущев, он не мог. Да что там профессор, тут не справлялись и академики. Хотя были тогда и такие работы, от которых защищать не приходилось. Например, на целину попасть удавалось не всем, туда отправляли только лучших студентов. Квота от Москвы — 2000 человек.

Среди документов, оставшихся в личном архиве Вячеслава Михайловича, есть две особого рода благодарности и один похвальный лист. Все три бумаги датированы осенью 1958 года, все три аккуратно сложены в одну стопочку и все три посвящены одной теме — освоению целинных и залежных земель.

Первая, от сентября, начинается с красивого обращения: «Кымбатты жолдас Копелевич В.М.!» Для тех, кто не знает казахского, рядом напечатан перевод на великий и могучий, в соответствии с которым загадочное «кымбатты жолдас» означает не что иное, как «дорогой товарищ». Не буду над вами больше издеваться и сразу дам перевод: «Центральный Комитет Коммунистической партии Казахстана, Президиум Верховного Совета, Совет Министров и Центральный комитет комсомола Казахстана благодарят Вас за проявленный патриотизм и большую помощь, оказанную республике в уборке урожая и сдаче хлеба государству в 1958 году».

Во второй бумаге Копелевича В.М. за «активное участие в борьбе за казахстанский миллиард пудов хлеба и... за участие в уборке урожая 1958 года на полях Щучинского района» благодарят уже организации рангом пониже — Щучинские райком Компартии, райком комсомола и райисполком. Наконец, «похвальным листом» труд студента 3-го курса МИТХТ 1 октября отметил уже лично секретарь райкома комсомола.

Понятно, что освоение целины было важным государственным мероприятием, но чтобы вот так, за одно и то же студента благодарили в трех документах вплоть до Центрального Комитета компартии, пусть Казахстана, это уже может показаться чрезмерным.

Идея засеять бескрайние степи Казахстана родилась вовсе не в середине XX века. Впервые об этом задумались еще в Российской империи после того, как в самом конце века XIX началось движение по только что открытой Транссибирской железнодорожной магистрали. Вопрос о переселении туда крестьян, которым под посевы выдавались бы значительные наделы земли, неоднократно поднимался в Правительствующем сенате. За помощью сенаторы обратились к экспертам, и те практически единогласно заявили, что пытаться засеять казахские степи не следует. «Традиционная форма животноводства, — говорил в своем докладе один из них, Мамбетали Сердалин-Шубетов, — сложившаяся в казахских степях еще издревле, в ближайшие годы полностью сохранится. Насильственное навязывание таких нетрадиционных видов деятельности, как земледелие и производство зерна, способно впоследствии превратить эти земли в пустыни. В этих степях серьезное занятие земледелием затруднительно по двум видам причин — природным и экономическим. Суровые зимы и засушливое лето в ряде районов приведут к гибели посевов, и все труды пропадут даром. Одно дело, если бы земли в Казахстане были богаты черноземом. Но этого нет, и впечатление плодородия, которое возникает, глубоко обманчиво. К тому же водные ресурсы для обеспечения обильных урожаев в Казахстане недостаточны». Тогда сенаторы с учеными и агрономами согласились. Аналогичная идея возникала и в 1930-х годах, но и тогда «освоение целинных земель» было признано экономически неэффективным. К ней вернулись в середине 1950-х, когда перед Советским Союзом встал вопрос во что бы то ни стало в кратчайшее время догнать и перегнать Америку по всем экономическим показателям, в том числе и по производству сельхозпродуктов. «Приналяжем, догоним, обгоним и вперед пойдем!» — заявлял с трибуны Никита Сергеевич. Но заявление надо было подкреплять реальными делами, с которыми уже было сложнее.

Развивать сельское хозяйство так, чтобы оно давало более весомые результаты, чтобы хватало хлеба не только для выживания, а и для нормальной или даже хорошей жизни,

можно было, как и в случае с любой другой отраслью, двумя путями — интенсивным и экстенсивным. В первом случае надо было обновлять и модернизировать сельскохозяйственную технику, улучшать старые и внедрять новые, более передовые методы сельхозпроизводства, разрабатывать современные технологии, сокращать расходы, включать режим экономии и так далее. Экстенсивный путь подразумевал увеличение пахотных площадей, закрепление (практически закрепощение) крестьян в колхозах и совхозах, национализацию подсобных хозяйств и увеличение числа сельхозрабочих за счет привлечения к работе на полях недозагруженных школьников, студентов и представителей интеллигенции. Интенсификация требовала больших вложений и не могла дать моментального результата. Затраты же по второму пути должны были быть значительно меньше, и результат появлялся в первый же сезон. Правда, те же ученые и агрономы предупреждали, что в этом случае все уже через несколько лет не просто сойдет на нет, а может вообще уйти в глубокий минус, но это мало кого из чиновников волновало. Ибо главный принцип в работе администратора был, есть и будет «здесь и сейчас». Администратор — лицо наемное, он не хозяин, поэтому ему важно выполнить поставленную перед ним задачу как можно быстрее и настолько блестяще, чтобы его оценили и повысили. Когда результат его «блестящих» действий рухнет, и не сказать, чтобы внезапно, его уже здесь не будет, следовательно, не ему за это и отвечать. Поэтому руководство страны с легким сердцем выбрало второй путь.

Постановление «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель» было принято на пленуме ЦК КПСС уже в 1954 году. По расчетам Госплана, распахать предстояло около 43 млн га степных земель в Казахстане, Поволжье, Сибири и на Урале. Все проблемы решались чисто по-русски, одним махом: в голую степь завозились тракторы, посевной материал и люди. Люди селились в палатках, вспахивали небогатую степную землю и засеивали ее зерном. Ни климат, ни химический состав почвы, ни обеспеченность водой в расчет не принимались. Просто было не до того.

Уже в 1977 году Вячеслав Молотов¹⁴, бывший в середине 1950-х министром иностранных дел, рассказывал: *«Целину начали осваивать преждевременно. Безусловно, это была нелепость. В таком размере — авантюра. Я с самого начала был сторонником освоения целины в ограниченных масштабах, а не в таких громадных, которые нас заставили огромные средства вложить, нести колоссальные расходы вместо того, чтобы в обжитых районах поднимать то, что уже готово. А ведь иначе нельзя. Вот у тебя миллион рублей, больше нет, так отдать их на целину или в уже обжитые районы, где возможности имеются? Я предлагал вложить эти деньги в наше Нечерноземье, а целину поднимать постепенно. Разбросали средства — и этим немножко, и тем, — а хлеб хранить негде, он гниет, дорог нет, вывезти нельзя. А Хрущев нашел идею и несется, как саврас без узды! Идея-то эта ничего не решает определенно, может оказать помощь, но в ограниченном пределе. Сумей рассчитать, прикинь, посоветуйся, что люди скажут. Нет — давай, давай! Стал размахиваться, чуть ли не сорок или сорок пять миллионов гектаров целины отгрыз, но это непосильно, нелепо и не нужно, а если бы было пятнадцать или семнадцать, вероятно, вышло бы больше пользы. Больше толку».*

В конце концов все получилось именно так, как и предупреждали ученые. Первоначально баснословно богатые урожаи уже к концу 1950-х сократились в несколько раз, настолько, что в отдельные годы не получалось даже компенсировать то количество зерна, что было засеяно. 1958 год, когда Славе Копелевичу повезло попасть в целинный отряд, не относился к урожайным. Это был последний год существования крупных московских студенческих целинных отрядов. Больше студентов на целину не посылали.

¹⁴ Вячеслав Михайлович Молотов (настоящая фамилия Скрябин; 25 февраля (9 марта) 1890 года, Кукарка — 8 ноября 1986 года, Москва) — советский политический и государственный деятель. Глава советского правительства с 1930 по 1941 год, нарком, а затем министр иностранных дел в 1939—1949 и 1953—1956 годах.

МОСКВА – ЩУЧИНСКИЙ РАЙОН АКМОЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ КАЗАХСТАНА, ЛЕТО – ОСЕНЬ 1958 ГОДА

Но начиналось все очень даже хорошо. Желающих поехать на целину было не просто много, а очень много. Влекли в Казахстан не только комсомольская романтика и желание сделать своими руками что-то зримое и большое — для 20-летних ребят это всегда было важно, — но и реальная возможность неплохо заработать.

В комитете комсомола института Слава под диктовку написал заявление: «Я, Вячеслав Михайлович Копелевич, хочу быть в рядах студентов, уезжающих на целинные земли, в богатые и привольные края Казахстана и Сибири. Как комсомолец, я буду счастлив помочь поднимать целину, выращивать богатые урожаи на благо нашего Отечества». После короткого собрания, на котором у таких же, как и он, кандидатов спрашивали о «текущем моменте», об общественной деятельности, просто о жизни, на бумагу легла короткая резолюция: «Рекомендуем». Рекомендовали не всех; те, кому в чести было отказано, жаловались в ректорат и райком. Недопущение до целины было позором.

Вскоре Славе вручили подписанную секретарем райкома ВЛКСМ комсомольскую путевку с напечатанным на зеленом фоне комсомольским значком: «В ответ на призыв Центрального комитета ВЛКСМ Копелевич В.М. изъявил добровольное желание и направляется на уборку урожая в районах освоения целинных и залежных земель... Центральный комитет ВЛКСМ выражает твердую уверенность в том, что юноши и девушки Москвы, Ленинграда, союзных республик с горячим желанием поедут на уборку целинного урожая и не пожалеют своих сил в борьбе за хлеб. Ваше активное участие в уборке явится тем прекрасным, ощутимым вкладом в общенародное дело, который принесет радость вам и славу Отчизне».

Провожали студентов-целинников пышно. Прямо на перроне вокзала играл духовой оркестр. Тут же, на перроне, организова-

ли небольшой митинг, на котором выступали представители райкома комсомола, райкома партии и ректората, а после все двинулись к составу. Вагоны и локомотив были украшены плакатами «Студенты — на трактор!», «Догнать и перегнать Америку по производству хлеба!», «Коммунизм строят при любой погоде!», «Даешь миллиард пудов зерна!», «Распашем пашеньку!». На трубе паровоза красовался огромный комсомольский значок. Впереди колонны отъезжающих и провожающих шел баянист. Растягивая меха, он пел хорошо поставленным баритоном:

Утро!
Утро начинается с рассвета.
Здравствуй!
Здравствуй, необъятная страна.
У студентов есть своя планета —
Это... это... это целина!

Толпа нестройным хором подхватывала:

Солнышко летит на самолете,
Нас уносят шумно поезда.
Руки наши тянутся к работе,
И мелькают в окнах города.

И опять пели вместе, и баянист, и студенты, и родители, и даже представители райкома:

Ты возьми в дорогу книги —
Самый основательный багаж.
И шагай, студент, науку двигай,
Набирай смелей рабочий стаж.
В песенке студенческой поется,
И звучит она на всю страну.
Нам поднять не раз еще придется
Новых дел большую целину.

Закончив одну песню, баянист завел новую:

Нам путевка в жизнь райкомом вручена,
Стала нашим новым домом целина.
Мы в степи подняли горы золотые, горы
Драгоценного целинного зерна.

И опять те, кто знал слова, подхватили:

Собирайтесь к нам, орловцы, туляки,
Приезжайте, будем с вами земляки!
С нами песни трудовые, годы молодые,
Наши руки и умелы, и крепки.

Состав был длинным, и по пути к своим вагонам студенты успели спеть еще несколько целинных песен. Постепенно колонна растянулась, и звук баяна уже почти затих. Недалеко от Славы какая-то звонкоголосая девчонка, кажется, со старшего курса, вдруг раскинула руки и запела:

Говорила я миленку: «Поезжай на целину»,
Отмахнулся он спросонку: «Нет уж, лучше на Луну».
Целина-де не по нраву, лучше в небо и назад:
И работать не придется, и героем окрестят.

— Рад в ракету?
— Ой, да где там!
Стал выгадывать и тут
Говорит: «А до Луны-то
Много ль суточных дают?!»

Все дружно засмеялись, а девушка продолжала свои частушки:

Хороши дела в колхозе и во всем простой расчет:
Подымаем урожаи — подымается доход!
Не работает Тимошка, только ездит на базар.
Говорит, теперь картошка — самый выгодный товар.
— Много ль нажил?
— Очень даже!
Начисляли трудовень:
Нам достался воз с поклажей,
А ему — от воза тень.

И опять взрыв хохота. Там было еще много куплетов. Столько, что девушка продолжала петь, даже когда их группа уже остановилась у своего вагона. Это был самый настоящий товарный

вагон-теплушка, с раздвигающимися дверями. Провожавшая сына Рита Яковлевна (все-таки обычно ее звали именно так) заглянула внутрь и после небольшой паузы спросила:

— И как же вы тут поедете?

Слава тоже заглянул в вагон. Вагон как вагон, совершенно пустой, с трехъярусными кроватями-нарами, прикрепленными к стенам. Ничего лишнего, даже стоявшее в углу новенькое оцинкованное ведро, в других условиях выглядевшее бы странно, здесь явно было на месте.

— Ничего, доедем как-нибудь, — ответил он и неловко обнял мать, из глаз которой неожиданно и тихо полились слезы.

Ехали долго, почти неделю. Целинному составу поднятые крылья семафоров почти всегда показывали «Путь свободен». На станциях останавливались редко, стояли чаще в открытом поле, где молодые целинники тут же расходились, мальчики — налево, девочки — направо. Питались раз в день, в полевой кухне, которую наспех устраивали на таких стоянках. Когда тронется паровоз, никто не знал, ориентировались все по гудку. Один гудок — локомотив разводит пары, второй — состав трогается, третий — кто отстал — машинист не виноват.

Щучинский район Кокчетавской области, куда привезли московских студентов, находился почти на самом юге Казахстана. Кругом поля, еще несколько лет назад бывшие степями, ни одного дерева. Старенькие вагончики, в которых их поселили, были видны уже за многие километры, как, впрочем, и крыши соседнего села, где жили какие-то мрачные и чрезвычайно неразговорчивые люди, возможно, бывшие политические ссыльные. На обустройство дали сутки, после чего началась работа. Вставали в 6 утра, завтракали и шли на развод. Все отряды получали свои трудовые задания, каждый раз новые. Сегодня группа Славы работала на тракторах прицепщиками, завтра — гребла траву, послезавтра — расширяла зерновую яму, разгружала машины с удобрениями, чистила конюшни, коровники и кошары. Работали, с перерывом на обед, до 6 вечера, потом каждый занимался, чем хотел. Кто-то писал письма, кто-то читал, девчонки заводили граммофон и устраивали танцы, свое представление показывала агитбригада, раз в месяц приезжала кинопередвижка. Слава

с другими ребятами чаще всего до умопомрачения, до слабости в и без того натруженных ногах гонял на самодельном поле в футбол. Или смотрел, как гоняют другие. Когда на улице окончательно темнело, а это случалось уже в восемь, студенты обычно разбивались на пары и уходили в поле или, наоборот, плотным кружком усаживались вокруг какого-нибудь источника света, которым мог быть и костер, и горящая на столбе одинокая лампочка, и фара трактора, и просто болтали или пели песни под гитару, баян или новомодный аккордеон. Но так сидеть или гулять можно было только часов до десяти. Потом на улице становилось уже нестерпимо холодно, и все расходилось «по палатам», в каждой из которых жили 8–10 человек.

Пшеница росла, колосья наливались, из светло-зеленых они превращались в ярко-золотые. В газетах печатались восторженные статьи, в которых передовые отряды перевыполняли план по уборке зерна на 180, а то и на 200 процентов. Однако по лицам руководства и по изменению их настроения Слава чувствовал, что что-то идет не так или не совсем так, как надо.

Наконец к концу сентября урожай был убран и начался его вывоз. На грузовиках, которые наполняли с помощью обычных лопат, гордо реяли натянутые транспаранты «Страну уважай — убирай урожай!», «Есть миллиард пудов хлеба!», «Даешь миллиард пудов!». Часто просто по борту были белой масляной краской нарисованы единицы с девятью нулями. Слава узнал, что он уже наработал больше чем на 2000 рублей, что было немало, хотя и не так много, как хотелось бы.

В этот вечер Слава не стал играть ни в футбол, ни в волейбол. Идти на танцы тоже настроения не было. Он залез в кресло стоявшего около летней столовой трактора, откинулся на жесткую спинку и задумался. Вот он, будущий химик, вырастил и убрал миллиард пудов пшеницы. Ну, пусть не совсем вырастил и убрал, но помог вырастить и убрать этот миллиард пудов. Миллиард. Миллиард — это много. А пуд — это тяжело. Что же нужно руководству, почему оно все дуется, все недовольно. Ведь миллиард же! 1 000 000 000.

И вдруг в голове вспыхнула мысль, которая давно уже брезжила, но никак не могла окончательно оформиться. А тут офор-

милась и вспыхнула так, что Славе стало страшно. И он сразу понял, почему и чем начальство недовольно. Конечно, как тут быть довольным...

«Что такое пуд? 16 килограммов с лишним. Но ведь это же только при царе в пудах считали, мера веса давно уже считается устаревшей. Мы же еще в 1920 году на метрическую систему перешли и давно уже не меряем ничего ни в верстах, ни в ведрах, ни в пудах. Разве что гири у нас до сих пор пудовые, полуторапудовые и двухпудовые. Почему же мы урожай в пудах считать опять стали, когда уже его в тоннах мерили? В чем причина, не может же быть, чтобы просто так про эту царскую единицу вспомнили? Еще раз, что такое пуд? 16 килограммов, 16,3, кажется. Пусть так. А что тогда такое миллиард пудов?» Думать дальше становилось страшно, но остановиться Слава уже не мог, мысль сама собой предательски рвалась вперед, не обращая внимания на здравый смысл. «Миллиард пудов — 16 миллиардов 300 миллионов килограммов. Это 16,3 миллиона тонн. 16,3 миллиона тонн пшеницы со всего Казахстана — что-то не впечатляет. Если учесть, что собраны они с 33 миллионов гектаров, получается по полтонны с гектара. И это при том, что средняя урожайность пшеницы даже в нашем Нечерноземье — почти полторы тонны. Так это же полный провал. Крах! А везде кричат: ура! здорово! даешь!!! А давать-то и нечего. Элеватор голый, только плакаты кругом, лозунги и песни по радио... А «миллиард» само по себе уже красиво звучит, да и «пуд» всеми воспринимается как что-то тяжелое. Так что, если бы такой меры «пуд» не было, ее пришлось бы создать. К счастью, она была, и даже еще не совсем забыта». Уже в полутьме Слава вытащил из нагрудного кармана крохотный блокнотик и коротенький, сантиметров пяти, притупленный химический карандаш, посплюснул его и записал на листочке: «Успешность всякого вновь начинаемого серьезного дела обычно находится в обратно пропорциональной зависимости от масштабности публичных акций, направленных на его информационную поддержку и обеспечение».

На черном небе появились первые звезды. Большие и яркие. В Москве Слава таких никогда не видел.

ПЛЮС ВИТАМИНИЗАЦИЯ ВСЕЙ СТРАНЫ

Вячеслав учился старательно. На «красный», правда, не шел, но при его 5-м пункте в начале 1960-х этого было добиться сложно. Сейчас бы его назвали трудоголиком и «жаворонком», но тогда, на рубеже 1950–1960 годов, таких понятий не существовало. Слава вставал рано, до ухода в институт успевал перечитать несколько конспектов и просмотреть свежие газеты.

Хотя институт и располагался на противоположном конце Москвы, добираться до него было несложно. Весь путь занимал меньше часа. Сначала надо было пешком полкилометра пройти до площади трех вокзалов, там сесть на метро, вернее, залезть в него, поскольку утром сделать это было достаточно проблематично. Зато потом можно уже без остановок ехать до недавно открытой станции «Фрунзенская», по пути перечитывая припасенную как раз на этот случай химическую литературу. Вместе со станцией «Спортивная» «Фрунзенскую» запустили как раз перед VI Всемирным фестивалем молодежи и студентов в Москве в 1957 году для того, чтобы облегчить зарубежным гостям, которых в таком количестве Москва никогда не видела, доступ к главной советской alma mater, гордости страны, отстроенному в 1953 году небоскребу главного здания Московского государственного университета на Ленинских горах. Слава давно научился и в людном месте отрешаться от внешнего мира и полностью погружаться в себя. При этом, как ни странно, он никогда не пропускал свою остановку. От метро до массивного, постройки начала века, величественного здания института спокойным шагом можно было дойти минут за 10. Часто студенты собирались у метро и дальше уже шли вместе, шумно обсуждая новости и проблемы.

В институте теоретическим занятиям он предпочитал практические работы. Способности свои студент полностью раскрывал лишь в просторных, вмещавших одновременно десятки студентов, хорошо оборудованных лабораториях. Преподаватели уважали Славу за дотошность, с какой он проводил свои лабораторные работы, опыты и эксперименты, которые он ставил в студенческом кружке, и охотно прощали застенчивость и нелюдимость,

не мешающие, впрочем, нормальным занятиям наукой. Он был в числе первых студентов, об этом можно судить уже по тому, что после окончания института его не распределили в провинцию, как обычно случалось, а оставили в Москве.

Можно предположить, что тут большую роль сыграл опять же профессор Преображенский, который так же, как брал в свою группу хороших абитуриентов, хороших студентов пристраивал рядом с собой — в Институте витаминов.

Советский Союз озаботился проблемой витаминов в начале 1930-х годов. Тогда перед страной со всей остротой встала проблема нормального питания. Разразившийся в 1932—1933 годах голод показал, что народ мало накормить, надо еще накормить его полноценно, иначе при малейшем несоблюдении пропорций в рационе голодомор переходил в цингу, рахит и другие неприятные заболевания. Кроме того, применение витаминов, которые пока большей частью приходилось выписывать из-за границы, позволяло значительно уменьшить количество необходимых продуктов. А перед СССР того времени стояла поистине великая задача: накормить семью хлебами миллионы человек. Надеяться на чудо не приходилось, а значит, надо было развивать научную базу, чтобы творить чудеса на законных основаниях. К тому же все понимали, что дело идет к большой войне, поскольку две такие противоположные системы, как советская и западная капиталистическая, просто не могли долго уживаться друг с другом. В конце концов противостояние обязательно должно было разрешиться каким-то крупным и кровопролитным конфликтом. И тут также применение доступных, недорогих, легких в транспортировке и в употреблении витаминов позволяло существенно укрепить боеспособность действующих войск.

Уже в 1931 году тогда еще известный только в узком кругу советских биохимиков ученый Александр Александрович Шмидт (1892—1978) создал в Ленинградском филиале Центрального института пищевой промышленности витаминную лабораторию. Сам филиал вскоре превратился в отдельную научно-исследовательскую единицу, в основном занимавшуюся

вопросами консервации продуктов и холодильным оборудованием. Однако такими же вопросами занималась и масса других научных заведений, а вот сильное витаминное подразделение было только тут. Поэтому через некоторое время прочие направления были признаны не представляющими серьезного интереса, и 28 ноября 1935 года приказом наркома пищевой промышленности Анастаса Микояна¹⁵ Ленинградский институт пищевой промышленности был переименован во Всесоюзный научно-исследовательский витаминный институт (ВНИВИ). 19 мая 1936-го его директором, согласно приказу того же наркома, назначили Александра Шмидта. На полную реорганизацию учреждения ему было отпущено полгода. Александр Александрович в назначенный срок уложился, и уже 19 октября Совнарком СССР специальным постановлением утвердил структуру, задачи и цели нового института.

В то время главным источником получения витаминных препаратов была вытяжка их из природного сырья. Каротин выделяли из морковки, D₂ — из дрожжей, С — из лука и лимонов. Однако это было дорого и малоэффективно, поэтому стояла задача научиться синтезировать их искусственно, химическими методами, из более дешевых и доступных исходных материалов.

Для того чтобы добиться цели как можно быстрее, из-за границы были приглашены иностранные специалисты, главным из которых стал ученик будущего лауреата Нобелевской премии по химии Рихарда Куна¹⁶ Эдгар Ледерер. В Советский Союз он приехал не столько за деньгами, сколько по зову сердца.

¹⁵ Анастас Иванович (Ованесович) Микоян (13 (25) ноября 1895 года, село Санаин, Борчалинский уезд, Тифлисская губерния (ныне в Армении) — 21 октября 1978 года, Москва) — советский государственный и политический деятель, Герой Социалистического Труда (1943). Анастас Микоян начал свою политическую карьеру при жизни Владимира Ильича Ленина и ушел в отставку лишь при Леониде Ильиче Брежневе.

¹⁶ Рихард Кун (3 декабря 1900 года, Вена — 31 июля 1967 года, Гейдельберг) — немецкий химик и биохимик. Нобелевская премия по химии (1938) за работы по каротиноидам и витаминам.

В начале 1930-х годов многих западных ученых привлекали идеи социализма, и СССР они рассматривали как глобальный социально-политический эксперимент, поучаствовать в котором почитали за честь. Правда, и финансовый вопрос играл свою немаловажную роль.

В 1930-м году Ледерер в Вене получил степень PhD (по-нашему, кандидата наук) за труды по синтезу индольных алкалоидов¹⁷, после чего под руководством доктора Куна провел много успешных работ по хроматографии и каротиноидам в Институте кайзера Вильгельма в немецком Гейдельберге. Однако в 1933 году, опасаясь ареста нацистами, он вместе с молодой женой Элен Фреш, дочерью известного французского математика Мориса Рене Фреша (1878–1979), вынужден был бежать в Париж, где долгое время искал подходящую работу. «Все мои симпатии, — писал он позже в своих воспоминаниях, — тогда были целиком на стороне социализма, который, как мне казалось, успешно строился в СССР. Я даже выучил русский язык специально для того, чтобы иметь возможность принять участие в происходившем на Востоке уникальном эксперименте». В марте 1935 года его пригласили работать в Одессу. До этого черноморского города он добирался по железной дороге, причем, как пишет ученый, во время пересечения бессарабской границы под Подволочиском¹⁸ был в поезде единственным пассажиром. То, что ему предложили в Одессе, не показалось заманчивым. Однако возвращаться в Париж Рихард не торопился. Напротив, он решил, раз уж пересек границу, поездить по стране и поискать работу посolidнее. А потому

¹⁷ Индольные алкалоиды — класс алкалоидов, содержащих в своей структуре ядро индола или его производных. Один из наиболее многочисленных классов алкалоидов (наряду с изохинолиновыми). Многие индольные алкалоиды обладают физиологической активностью, некоторые из них находят применение в медицине.

¹⁸ Подволочиск — поселок городского типа, районный центр Подволочиского района Тернопольской области Украины. Находится на правом берегу реки Збруч, напротив города Волочиск Хмельницкой области.

отправился из Одессы в Киев, где профессор Александр Палладин¹⁹ обещал ему место доцента в университете. Но когда Ледерер добрался до столицы Советской Украины, место оказалось занято. Просоциалистически настроенному ученому пришлось вернуться к семье в Париж, где его уже ждала весточка от культурного атташе советского посольства. По рекомендации известного физика Поля Ланжевена²⁰, также поклонника социалистических идей, ставшего первым председателем общества «Франция — СССР», ему предложили должность в только что созданном ВНИВИ. Ледерер не заставил себя долго упрасивать и опять отправился в Страну Советов. Из-за наводнения Пулковский аэропорт был закрыт, однако химика это не остановило. На самолете он через Берлин долетел до Таллина, откуда уже на поезде добрался до Ленинграда. В институте его ожидали место заведующего специально под него созданной и прекрасно оборудованной лаборатории синтеза с шестью сотрудниками, довольно большая зарплата и трехкомнатная квартира в доме № 25 на Фонтанке с видом на набережную. Кроме того, институт взял на себя все заботы по перевозке из Парижа в Ленинград семьи Рихарда, жены и двух дочерей, младшей из которых едва исполнилось 4 месяца, и его мебели. Подписав контракт на три года, Ледерер уже в октябре приступил к работе.

В институте тогда собрали довольно серьезные силы. Коллегами приглашенного зарубежного специалиста стали профес-

¹⁹ Александр Владимирович Палладин (29 августа (10 сентября) 1885 года, Москва — 6 декабря 1972 года, Киев) — биохимик. Президент Академии наук Украинской ССР (1946—1962), академик Академии наук УССР, Академии наук СССР и Академии медицинских наук СССР. Основатель украинской школы биохимиков.

²⁰ Поль Ланжевен (23 января 1872 года, Париж — 19 декабря 1946 года, там же, прах перенесен в Пантеон) — французский физик и общественный деятель, создатель теории диамагнетизма и парамагнетизма. Член Парижской академии наук (1934), член-корреспондент Российской академии наук (1924) и почетный член Академии наук СССР (1929), иностранный член Лондонского королевского общества (1928).

сора Николай Иванов²¹, Абид Садыков²², доктор Василий Букин²³, доктор В. Лебедев, доктор Н.В. Новотельнов, доктор Крестинская. По словам Ледерера, профессор Шмидт был очень энергичным и высокоэффективным менеджером. Он постоянно носил пенсне, поэтому голова его всегда была приподнята, что придавало еще больше строгости его и без того строгому взгляду. В 1936 году институт «приобрел» еще двух ценных спецов – американских химиков Франца Ратмана и Сулонуори Карджалу, также мечтавших строить цивилизованный социализм.

Первой задачей, которую поставили перед специалистами института, было создание технологии производства витамина С для борьбы с цингой, особенно распространенной в Сибири. Ученые быстро придумали, как получать его практически в неограниченных количествах из хвойных игл, коими как раз Сибирь

²¹ Николай Николаевич Иванов (25 октября (6 ноября) 1884 года, Гатчина, ныне Ленинградской области – 3 декабря 1940 года, Ленинград), советский биохимик. Ввел биохимические методы в селекцию растений, что позволило отобрать и внедрить в практику ряд ценных культур (безалкалоидный люпин, малокумаринный донник и др.). Ряд работ по обмену мочевины у грибов и новым растительным источникам витаминов.

²² Абид Садыкович Садыков (1913–1987) – узбекский химик-органик, академик (1947) и президент (1966–1984) АН Узбекистана, академик АН СССР (1972), Герой Социалистического Труда (1973). Труды по химии природных соединений, главным образом алкалоидов.

²³ Василий Николаевич Букин (15 (27) января 1899 года, с. Знаменское, ныне Пензенская область – 21 января 1979 года, Москва) – советский биохимик, член-корреспондент АН СССР (1964). В 1932–1938 годах работал в Институте растениеводства в Ленинграде, где организовал одну из первых в СССР лабораторий по витаминам. Основные труды по биосинтезу витаминов, их роли в обмене веществ, способам получения. На основе работ Букина и его сотрудников налажено отечественное производство витаминов А, В₁₂, В₁₅, D₂ и их использование в пищевой промышленности, лечебной практике и животноводстве. Государственная премия СССР (1949), премия им. А.Н. Баха (1963). Награжден орденом Трудового Красного Знамени и медалями.

была бесконечно богата. Однако вкус препарата, мягко говоря, оставлял желать лучшего; к тому же в нем в больших количествах присутствовали вредные для здоровья примеси. Тогда химики зашли с другой стороны и предложили выделять витамин из экстракта шиповника. В 1937 году Ледерер вместе с Валентиной Розановой выделил из рыбьей печени новый витамин, получивший обозначение A_2 (дегидроретинол), недостаток которого в организме приводил к куриной слепоте, сухости роговицы и конъюнктивиту. Кроме работы в институте Ледерер преподавал на факультете медицины спецкурс по витаминам. Одним из его любимых учеников был Семен Евстафьевич Манойлов (1912–2004). Позже, в блокадном Ленинграде, Семен Евстафьевич наладил производство препаратов каротина, чем спас жизни многих сотен, а может, и тысяч людей.

Несмотря на то что контракт с Ледерером был подписан на три года, в конце 1937-го ему неожиданно отказали в продлении визы. Был самый разгул ежовщины, и все иностранцы по умолчанию считались диверсантами и саботажниками. Дороживший спецами Шмидт предложил своему завлабу вместе поехать в Москву на прием к Молотову. Но Ледерер был ученым и, несмотря на социалистические идеалы, умел трезво смотреть на вещи. Наблюдая, как одного за другим арестовывают и отправляют в лагеря лучших людей страны, он предпочел не противиться режиму, а благополучно уехать обратно в Париж. Вскоре вслед за ним ВНИВИ покинули и другие иностранные специалисты. Когда уже в 1955 году Ледерер на приеме, которое французское посольство устраивало в Москве, встретился с Микояном, он напомнил министру о том, как два года работал под его началом. Анастас Иванович в ответ на это улыбнулся, сказал, что прекрасно все помнит и добавил: «Вы знаете, Сталин всегда говорил, что витамины — это чрезвычайно важно».

Институт же продолжал развиваться, опираясь уже исключительно на отечественные кадры. В 1940 году в нем была разработана первая установка по производству синтетической аскорбиновой кислоты. В лаборатории, руководил которой известный гастроэнтеролог, в будущем членкор АМН СССР

Симон Михайлович Рысс, работали над способами витаминизации продуктов.

С началом войны и блокады Ленинграда институт оказался отрезанным от страны. Тогда на его базе было организовано производство из той же хвои витамина С, для госпиталей здесь выпускали синтетические витамины В₁ и РР. Функции главного государственного витаминного центра на это время передали филиалу ВНИВИ — созданной в 1937 году в подмосковном Щелкове Центральной научно-технической лаборатории (ЦНТЛ) Союзвитаминыпрома. В конце 1942 года было решено перенести Институт витаминов в Москву. Однако перенос ограничился сменой названий и переездом в столицу руководства НИИ. Почти все основные специалисты, кроме тех, что уже были переведены в ЦНТЛ, остались в Ленинграде, в старом институте, который теперь стал называться Ленинградским филиалом ВНИВИ. Родина отблагодарила сотрудников института. «За выдающиеся заслуги в области развития советской витаминологии и за отличное выполнение заданий правительства по снабжению Красной армии витаминными концентратами и препаратами» многие его сотрудники в 1944 году получили ордена и медали.

После войны в институте прошли большие преобразования. В 1945 году Александра Шмидта перебросили на работу в Латвию, а директором назначили Василия Букина. С тех пор директора ВНИВИ менялись достаточно часто. Уже в 1947 году на этот пост поставили Е.Н. Волкова, в 1952-м его сменил С.И. Корольков, а в 1956-м директором Витаминного института стал П.И. Калугин.

Но все эти перестановки были не особенно существенны, так как с 1946 года фактически руководила институтом переведенная сюда из Белоруссии заместитель директора по научной работе Екатерина Степановна Жданович. Вот ее уже никто сменить не мог и не смел, и она была научным руководителем ВНИВИ вплоть до своей смерти в 1970 году. На пост директора она не претендовала, поскольку обостренным честолюбием не страдала и не особенно стремилась заниматься хозяйственными вопросами вроде капитального ремонта, добычи нового оборудования, контроля за работой технических служб и так далее.

Все это входило в компетенцию директора, поэтому должность эта всегда была больше административной, чем научной. Место же заместителя позволяло Екатерине Степановне полностью сосредоточиться на управлении научной частью, чем она и занималась. И весьма эффективно.

В 1945 году в институте появился синтетический отдел, который возглавил уже хорошо нам знакомый профессор Преображенский. В состав отдела входили три лаборатории: полиеновых соединений, гетероциклических соединений и полигетероциклических соединений. Позднее, в начале 1960-х годов, к ним добавилась лаборатория тииорганических соединений. Тогда же в отделе разработали технологии производства огромного количества синтетических витаминов, которые вскоре были внедрены в производство.

НЕ ЛИЧНОЕ ГЛАВНОЕ

В апреле 1962 года счастливый Слава Копелевич получил большую синюю книжечку с тисненым золотом на обложке волшебным словом «ДИПЛОМ» за № 511081. В книжечке говорилось, что он, КОПЕЛЕВИЧ ВЯЧЕСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ, в 1956 году поступил в Московский институт тонкой химической технологии имени М.В. Ломоносова и в 1962 году «окончил полный курс названного института по специальности „технология глекарственных и душистых веществ“». Отныне ему присваивалась квалификация инженера-технолога.

Но во ВНИВИ его взяли уже не простым инженером, а старшим, что равнялось старшему лаборанту с окладом 88 рублей. Для того чтобы стать младшим научным сотрудником и получать на 10 рублей больше, надо было отработать не меньше 2 лет. Тогда институт находился в небольшом здании недалеко от станции метро «Новокузнецкая». Кабинеты и лабораторные помещения были маленькие, тесные, а народу в них работало довольно много. В одной только лаборатории гетероциклических соединений, куда взяли Славу, 25 человек. Люди, которые застали те времена, рассказывают, что инженеры, лаборанты и научные сотрудники разной степени старшинства сидели друг у друга на плечах. Один стол занимали несколько человек. Часто на нем не хватало места для того, чтобы, как говорят химики, собрать прибор. Коллектив был преимущественно женский, поэтому появление молодого инженера первоначально встретили с воодушевлением. Однако очень скоро выяснилось, что юный Слава хоть и не относился к женоненавистникам, но крутил роман только с химией и изменять ей не собирался. В лаборатории он вел себя тихо и был почти незаметен.

И все-таки, как бы он ни стремился, живя в социуме, быть свободным от социума, получалось это плохо. Общественная жизнь не могла не засосать молодого инженера, и в 1963 году его на комсомольском собрании института почти единогласно избрали сначала членом комитета комсомола, а потом и секретарем комсомольской организации института. Это могло бы стать началом хорошей партийной карьеры, если бы Слава пожелал

стать кандидатом в члены КПСС, о чем ему мягко намекали в райкоме, тем более что определенная квота на продвижение евреев там была. Но он не пожелал и в 1965 году, по достижении 27 летнего возраста, с легким сердцем покинул и комитет комсомола, и весь комсомол вообще.

Для Славы много важнее была другая организация, несколько более древняя, чем ВЛКСМ или КПСС, и в среде ученых-химиков, несомненно, значительно более авторитетная. Членством в ней Вячеслав Копелевич гордился до конца своей жизни.

К середине XIX века свои научные общества уже были у химиков Великобритании, Франции и Германии. В 1860 году их представители собрались в Карлсруэ²⁴ на первый Международный конгресс химиков. От России на сей форум были приглашены Дмитрий Менделеев, Александр Бородин и прочие видные деятели российской науки.

Первый съезд отечественных естествоиспытателей состоялся несколько позднее — в конце декабря 1867 года. Именно на нем было оглашено заявление, суть которого в протоколе была выражена следующим положением: «Химическая секция заявила единодушное желание соединиться в Химическое общество для общения уже сложившихся сил русских химиков». В феврале Дмитрий Иванович Менделеев представил черновик разработанного им устава нового общества, который с минимальными изменениями вскоре утвердило Министерство народного просвещения. Первое заседание новосозданного Русского химического общества состоялось 26 октября 1868 года. На нем большинством голосов президентом был избран выдающийся русский химик... Нет, не угадали, не Менделеев, а Николай Николаевич Зинин²⁵, кстати, если кто не знает, первый учитель

²⁴ Карлсруэ — город в Германии, в земле Баден-Вюртемберг, расположенный в окрестностях реки Рейн недалеко от французско-германской границы.

²⁵ Николай Николаевич Зинин (13 (25) августа 1812 года, Шуша — 6 (18) февраля 1880 года, Санкт-Петербург) — выдающийся российский химик-органик, академик Петербургской академии наук, первый президент Русского физико-химического общества (1868—1877).

создателя динамита и самой престижной научной премии Альфреда Нобеля. Ему же последний был обязан почти всем своим состоянием.

В 1876 году, стремясь сократить орграсходы, Дмитрий Менделеев предложил слить Русские химическое и физическое общества в единую организацию — Русское физико-химическое, что и было сделано. Однако и в новом обществе первенство химиков было совершенно очевидно. Даже президентом физической секции РФХО избрали химика Александра Бутлерова²⁶. А вот химическую секцию теперь возглавил Менделеев.

РФХО оказалось одной из немногих организаций, которые не закрыли после Октябрьской революции 1917 года, хотя, конечно, нельзя сказать, чтобы оно продолжало работать столь же активно, как и раньше. Почти полтора десятилетия организация была почти мертва, но не совсем. Промежуточную точку поставили в 1931 году, когда РФХО официально упразднили. Ренессанс произошел год спустя в Харькове, на 6-м Менделеевском съезде. Собравшиеся на нем химики, чувствуя за собой мощную государственную поддержку, постановили вспомнить хорошо забытое старое и создать новое ВХО — Всесоюзное химическое общество, — которому тут же было присвоено имя кого? Вот теперь правильно, Менделеева. Первым президентом избрали академика Алексея Баха²⁷.

²⁶ Александр Михайлович Бутлеров (3 (15) сентября 1828 года, Чистополь — 5 (17) августа 1886 года, деревня Бутлеровка, Алексеевский район Татарстана) — русский химик, создатель теории химического строения органических веществ, родоначальник бутлеровской школы русских химиков, ученый-пчеловод и лепидоптеролог, общественный деятель, ректор Императорского Казанского университета в 1860—1863 годах.

²⁷ Алексей Николаевич Бах (5 (17) марта 1857 года, Золотоноша, Полтавская губерния — 13 мая 1946 года, Москва) — советский биохимик и физиолог растений, академик АН СССР (с 12 января 1929 года), Герой Социалистического Труда (1945), лауреат Сталинской премии первой степени, основоположник советской (русской) биохимии.

Вот в эту уважаемую организацию Вячеслав Копелевич и вступил в 1963 году, а несколько лет спустя он уже состоял в ней членом совета ВХО при родном институте. В самом процессе вступления ничего сложного не было, ему пришлось лишь написать заявление, принести справку, в которой подтверждалось, что он является химиком и занимается химией в официальном государственном химическом учреждении, и заплатить вступительный взнос. Получив членский билет, он вместе с ним получил право посещать довольно богатую и, без сомнения, профессионально полезную библиотеку ВХО, участвовать в мероприятиях, которые общество проводило регулярно, и писать везде о том, что он является членом ВХО, что, безусловно, прибавляло ему и солидности, и уважения. Кроме того, вступив в общество, он автоматически подписался на выходивший с 1956 года раз в два месяца «Журнал Всесоюзного химического общества им. Менделеева», в котором он теперь, чисто теоретически, мог стать внештатным редактором реферативных химических журналов.

Жизнь летела вперед, стремительно увлекая за собой молодого специалиста, только вчера поменявшего институтскую скамью на собственный стул в профессиональной лаборатории. События сыпались одно за другим. Плохие сменялись хорошими, хорошие — нейтральными, но значимыми, на смену общественным приходили личные и так далее, далее, далее.

В 1964 году ВНИВИ переехал в новое здание. Даже не в здание, а в целый комплекс зданий, расположенных по адресу Научный проезд, дом 14. Это было и хорошо, и плохо одновременно. Хорошо, потому что здесь уже хватало места всем. Теперь у Славы была уже не часть стола, как раньше, а свой собственный стол со множеством ящичков, на котором можно было запросто раскладывать и расставлять что угодно и как хочется. А плохо то, что теперь добираться до работы приходилось в два раза дольше. Сначала в переполненном метро надо было с пересадками, совершенно сумасшедшими в часы пик, когда станции больше напоминали муравейники или пчелиные ульи, чем транспортные залы, доехать до «Новых Черемушек». В середине 1960-х годов эти Черемушки и правда были новыми: чистое поле, кругом —

новостройки и полное отсутствие хоть чего-то, что напоминало бы инфраструктуру. От метро до института через это чистое поле пешком идти минут тридцать. Поэтому все, не обращая внимания на объявление «Станция «Новые Черемушки», конечная. Просьба освободить вагоны», «случайно» проезжали дальше и высаживались уже в электродепо ТЧ-5²⁸, откуда путь до места работы отнимал значительно меньше времени. Тем не менее теперь на дорогу до института только в один конец уходило часа полтора. Только в 1972 году, когда совсем рядом с Научным проездом открылась станция «Калужская», сотрудники вздохнули с облегчением. С тех пор от метро до родной проходной доходили за 10 минут, а можно было и не идти, а проехать пару остановок на автобусе.

Пора было думать об аспирантуре.

²⁸ ТЧ расшифровывается как «Тяговая часть».

**МОСКВА, ОЛЬХОВСКИЙ ПЕРЕУЛОК,
КВАРТИРА КОПЕЛЕВИЧЕЙ –
НАУЧНЫЙ ПРОЕЗД, ВНИВИ, 1965 ГОД**

Слава сидел на кухне и молча ковырял вилкой рыбную котлету. Есть совершенно не хотелось, и ему приходилось буквально заставлять себя глотать один кусок за другим. Котлета была мягкой, нежной и щедро нашпигованной луком, как любил отец. После второго инфаркта он совсем сдал, часто жаловался на боль в сердце и постоянно сосал нитроглицерин. Вот и сейчас отец лежал у себя на диване, а Слава тихо сидел на кухне, никого не беспокоя. Мама же бегала то в комнату, то на кухню, стараясь одновременно и кормить пришедшего со службы сына, и ухаживать за больным мужем.

Мысли в голову лезли все больше какие-то отвратительные и неинтересные. Надо было срочно определяться с темой кандидатской, тем более что замдиректора и одновременно завлаб Екатерина Степановна, пожелавшая быть его научным руководителем, требовала от него этого уже достаточно долго. А два дня назад к нему подошел Николай Алексеевич Преображенский и, немного постояв молча, неожиданно сказал:

– Вячеслав Михайлович, защищайтесь!

Тогда Слава даже вздрогнул, не сразу поняв, к чему именно относится это резкое «защищайтесь», а Николай Алексеевич продолжил:

– Защищайте диссертацию, и тогда ваше благосостояние значительно вырастет. Вот я в свое время защитил сначала кандидатскую, потом докторскую и теперь даже летом имею возможность ходить в кальсонах.

Сказав это, он приподнял штанину и продемонстрировал действительно дорогие голубые шелковые кальсоны. Но как раз на теме диссертации сейчас сосредоточиться было никак невозможно, потому что сейчас перед Славой стоял призрак несоборных профсоюзных взносов. Каких-то полгода назад его бы это не касалось, но угораздило же кого-то из девушек на очередном профсоюзном собрании сказать:

— Я предлагаю Славу в профорги выбрать. Он аккуратный, умный, деньги считать умеет. И начальство его ценит. Сможет нам путевки пробить, ему не откажут. Славочка, ведь ты согласен?

Ну что было отвечать? Что не согласен? Нет, ну конечно, не согласен, но как это сказать? Ведь кого-то должны выбрать, и, конечно, никто этого особенно не хочет. Сопротивляться было бесполезно, и Слава кивнул головой. Под одобрительный гул девичьих голосов и разумное молчание мужчин. Тут же проголосовали и быстро вручили Славе маленькую печать с подушечкой для чернил и комплект марок профсоюзных взносов в конверте. И с тех пор вопросы неплательщиков уже стали его вопросами. Правда, было в этом и что-то хорошее. Уже после собрания к Славе подошла завлаб и, похлопав по плечу, заговорщически прошептала на ухо:

— Ничего... Тебе как моральная компенсация: в августе собирается группа для поездки в ГДР. Молодежная группа молодых аспирантов. Я тебя пишу от нашей лаборатории. Так что готовься.

Это было, конечно, здорово. Выехать за границу — об этом можно было только мечтать. Ради такого чуда можно пожертвовать личным и послужить лаборатории профоргом, хотя Слава прекрасно понимал, что, раз уж принял на себя эту должность, отказаться от нее будет чрезвычайно сложно.

Через несколько дней заведующая дала Славе отпечатанный на машинке под копирку, видимо, какой-то 8-й копией, список необходимых документов. Ничего необычного в списке не было, чего-то подобного Слава и ожидал:

1. Характеристика — 5 экз.
2. Справка-объективка — 5 экз.
3. Фотографии размером 3х4 см — 12 шт.
4. Справка о здоровье — 2 экз.
5. Личный листок по учету кадров
6. Выездное дело — 2 экз.

Характеристику «на КОПЕЛЕВИЧА Вячеслава Михайловича, 1938 года рождения, уроженца г. Москвы, беспартийного, еврея, старшего инженера лаборатории гетероциклических соединений» завлаб написала моментально, рука у нее была набита.

Из нее Слава узнал, что он «за время работы в институте... проявил себя как серьезный исследователь в области синтеза и изучения свойств физиологически активных соединений», что он «политически грамотен и морально устойчив. Повышает свой идейно-политический уровень, занимаясь в семинаре «Экономика — основа управления производством». На то, чтобы подписать характеристику у директора, секретаря партбюро и председателя месткома, ушло всего чуть больше двух часов, тут Славе повезло: все оказались на местах. На то, чтобы утвердить ее в райкоме партии, ушла еще неделя. И вот у него на руках уже все 5 необходимых экземпляров с заветной резолюцией: «Черемушкинский РК КПСС рекомендует тов. Копелевича В.М. для дружественной поездки в Германскую Демократическую Республику в составе группы советской молодежи сроком на 11 дней».

За справкой-объективкой тоже дело не стало. Ее выдали в отделе кадров, и пунктов в ней было совсем немного: не успел еще молодой специалист поработать на большую справку. Место работы всего одно — ВНИВИ, должность тоже одна. Правда, дальше шло еще про общественные обязанности и, как и в характеристике, про всякие полезные качества: дисциплинирован, исполнительен и так далее. «Выездное дело», выданное в ОВИРе²⁹, очень напоминало пачку документов, заполняемых при приеме на работу: то же «заявление-анкета», с обязательным указанием всех родственников, кто чем занимается, кто был за границей, кто был в оккупации, только тут был еще пункт о размере зарплаты, та же автобиография.

Все складывалось замечательно, основной комплект документов уже был отправлен и в райком партии, и в ОВИР, запасной комплект (на всякий случай) лежал в папке. До самой поездки оставался еще месяц с лишним, на завтра назначили инструктаж для отъезжающих, и вот теперь пять неплательщиков грозили испортить ситуацию. Слава твердо решил, что, если

²⁹ ОВИР — аббревиатура от «отдел виз и регистрации» (иностранцев), организация, существовавшая в СССР и постсоветской России (1935—2005) и занимавшаяся регистрацией иностранцев, прибывших в СССР и Россию, и оформлением выездных документов.

завтра они не внесут денег, он сам вложит в кассу эти злосчастные 6 с лишним рублей, а уж потом будет с ними разбираться. Не хватало еще, чтобы из-за такой мелочи поездка сорвалась.

В кухню вошла бледная мать:

— Слава, надо «скорую» вызывать, папе совсем плохо...

К счастью, для того чтобы вызвать врачей, не надо было бежать на улицу к автомату. У ответственного работника газеты «Гудок», а теперь и вообще главного редактора линейной газеты, телефон стоял в квартире всегда, с самого начала. Это в других московских семьях он был чудом и роскошью, и даже Виктор, купивший вместе с молодой женой кооперативную квартиру у Белорусского вокзала, никак не мог добиться его установки; здесь же он воспринимался как что-то само собой разумеющееся. Слава быстро и привычно набрал на диске 03, проговорил заученный уже текст, кто, что, в чем дело и так далее, услышав в ответ «Ждите», повесил трубку и зашел к отцу.

Михаил лежал на диване и тяжело дышал открытым ртом. Звук дыхания слышно не было, было только видно, как тело вздрагивает, отзываясь болью на каждый вздох. Глаза отца были закрыты, но он словно почувствовал, что вошел сын, и тихо позвал:

— Слава, сынок, поди, присядь рядом.

Слава подошел и, присев на стоявший рядом стул, взял отца за руку. Рука была большая и горячая.

— Сын, помнишь «Графа Монте-Кристо»? — отец говорил очень тихо и как-то удивительно спокойно. — Я его еще в начале 20-х читал. Там аббат Фариа после двух приступов говорит, что третий будет последним. Я тогда еще подумал, что три приступа — предел, третий всегда должен быть смертельным. Я лимит уже исчерпал.

Слава хотел возразить, но отец словно бы почувствовал это и сжал руку.

— Молчи, не говори ничего, все это ерунда, слушай. Слушай. Все это так, я уже этот приступ не переживу.

— Нет.

— Да, слушай. И я не хочу, я устал уже. А там боли не будет. У меня на книжке две тысячи рублей. 500 отдайте Виктору, ему

нужно, у него семья, кооператив. 200 — тебе, остальное — маме. Ты о ней заботься, не обижай ее, мы с ней всю жизнь прожили, она вас родила.

— Хорошо, отец...

Отец так и лежал, не шевелясь, с закрытыми глазами. Вдруг Славе стало страшно: он представил, что отец сейчас откроет глаза и больше уже не закроет их никогда. Чтобы отогнать эту мысль, он тряхнул головой и погладил большим пальцем тыльную сторону отцовской ладони. Тот благодарно чуть пожал руку сыну.

— Слава. Ты меня послушай. Живи так, чтобы не отступать. Не ломись никуда, тот, кто ломится, быстро ломается, но не отступай. Стой на своем. Мягко, но стой, не отходи. Я один раз отступил, а потом всю жизнь жалел. И сейчас жалею. Ты дедушку не помнишь, но он хороший был человек. Ты не отступай. Тому, кто не отступает, все дается. Повтори.

— Тому, кто не отступает, все дается, — повторил юноша.

— Молодец. Меня не забывай. Я вас с Виктором люблю и любил всегда. Может, мало времени с вами был, но так получилось. Посиди со мной...

Слава сидел и молчал, а отец все говорил, и было видно, что он не хочет отпускать сына. Копелевичу-младшему очень хотелось заплакать, но слезы почему-то не шли, да и нельзя было рядом с отцом. Он только сидел и гладил отцовскую ладонь.

Приехавший врач констатировал острую сердечную недостаточность.

— Положение серьезное, — сказал он, выведя Риту Яковлевну в коридор и набирая на телефоне номер подстанции. — Госпитализируем в кардиологию.

— У нас тут больница рядом, ведомственная, министерская, имени Семашко, — сказала Рита, — на Язуе. Там его врачи, они его знают, туда везите.

— Отвезем, если примут.

— Примут. Мне с вами можно?

— Нет.

— Я тогда на такси. А ты, — мама повернулась к стоявшему рядом Славе, — оставайся тут, тебе завтра на работу. Прямо

после работы можешь приехать, я тебе позвоню, скажу, что привезти.

К счастью, для инструктажа никуда ехать не пришлось. Поскольку группа от института собиралась довольно большая, инструктор сам приехал и расположился в парткоме. Невзрачного вида круглолицый средних лет мужчина, с тщательно зачесанной остатками волос лысинкой, одетый в слегка помятый серый костюм, дождался, когда все сядут, и начал инструктаж. В руках он держал бумажку, но глядел в нее редко, и было видно, что текст он знает наизусть. Зато он зорко вглядывался в лица слушателей, причем смотрел не на кого-то одного, как обычно делали профессиональные лекторы-пропагандисты, а постоянно менял свои объекты, уделяя каждому минуту-полторы. За время инструктажа каждый из присутствовавших побывал в его прицеле, а некоторым, особенно женщинам, повезло даже дважды.

— Товарищи! Мы тут собрались для того, чтобы разобраться, как советский человек должен вести себя за границей, чтобы не уронить честь нашей великой страны. Все вы являетесь гражданами СССР, и именно по вашему поведению граждане ГДР будут судить о нас, о нашей культуре, политике, а в вашем случае — и о науке. Так вот, — он мельком взглянул в текст, после чего опять перевел глаза на аудиторию. — Во время пребывания за границей вы, как советские граждане, используя имеющиеся возможности, должны в умелой форме разъяснять миролюбивую внешнюю политику советского правительства и достижения советского народа в развитии экономики, науки, культуры и других областях коммунистического строительства. Самое главное: вы должны постоянно проявлять политическую бдительность, помнить о том, что разведывательные органы капиталистических стран и их агентура стремятся получить от советских граждан интересующие их сведения, скомпрометировать советского человека, когда это им выгодно, вплоть до склонения к измене Родине.

— Так мы же не в капстрану едем, а в ГДР, — перебила инструктора молодая и незнакомая Славе девушка.

Мужчина строго взглянул в ее сторону.

— Это ничего не значит. Разведка капстран орудует и в соцлагере, и ГДР в этом плане — одна из наиболее опасных стран. В силу того что социализм в этой стране довольно молод, там до сих пор осталось немало скрытых врагов и даже бывших нацистов, которые всеми силами помогают спецслужбам ФРГ, а еще больше — службам Западного Берлина, этим американским марионеткам. Для них невыносимо видеть, как успешно, на фоне капиталистических кризисов и массовой безработицы, развивается под руководством СЕПГ³⁰ Германская Демократическая Республика. К тому же не забывайте, что, в отличие от СССР, в ГДР многопартийная система. Хотя руководящая роль СЕПГ и закреплена в Конституции, но и другие партии обладают немалой силой. А среди них есть, например, Христианско-демократический союз ГДР. Вы уже по названию должны понимать, чего, какой агитации можно ждать от представителей этой партии. Есть еще Либерально-демократическая партия, а вы все, конечно, помните, что говорил Владимир Ильич Ленин о буржуазной сущности либералов в своих работах «О либеральном и марксистском понятии классовой борьбы» и «Революционная борьба и либеральное маклерство».

Он обвел аудиторию взглядом, словно бы стараясь по глазам определить, кто не помнит эти работы. Никто не сознавался.

— В этих целях, — продолжил инструктор, вновь на секунду заглянув в текст, — разведки империалистических государств, используя современную технику, применяют методы подслушивания, тайного наблюдения и фотографирования, а также методы обмана, шантажа, подлогов и угроз. Агенты капиталистических разведок действуют часто под видом гидов и переводчиков, врачей и преподавателей, портных, продавцов, шоферов такси, официантов, парикмахеров и другого обслуживающего персонала. Разведывательные органы капиталистических стран стремятся использовать в своих целях и такие слабости отдельных лиц, как склонность к спиртным напиткам, к легким связям с женщинами, азартным играм, приобретению различных вещей и неумение жить по средствам, а также беспечность, болтливость,

³⁰ Социалистическая единая партия Германии.

небрежность и халатность в хранении служебных и личных документов.

Так он говорил долго, и больше никто его не перебивал. Все поняли, что инструктор — мастер своего дела, набивший руку на трудах классиков марксизма и свободно ориентирующийся во всем, что касалось ГДР, по которой он, видимо, специализировался. В своей лекции мужчина кратко и весьма умело рассказал об истории страны, о ее культуре, обычаях, о том, что можно там делать, а чего делать не следует, какими словами можно обидеть ее граждан, а какими, напротив, расположить. От себя он добавил, что им, как ученым, особенно внимательно следует присматриваться к достижениям тамошнего научно-технического прогресса, чтобы все наиболее удачное привезти в страну и внедрить у нас. Тем более что в программе пребывания делегации значительное место занимало посещение различных химических предприятий, научных центров и неформальное общение с коллегами, при котором не стоило забываться, дабы не выболтать тайну.

Особо инструктор остановился на том, что можно с собой взять за границу. Слава записал:

«Пальто — 2 шт.

Костюмы — 3 шт.

Плащ — 1

Верхний трик. (свитеры и т.д.) — 3 пред.

Обувь — 3 пары

Рубашки — 3 шт.

Белье синт. — 3 компл.

Шарф — 3

Мелкие предметы обихода (одеколон, лезвия и т.д.) — в необх. кол.

Радиоприемник, киноаппарат, фотоаппарат, проигрыватель, бритва, бинокль и т.д. — по 1 шт.

Музинструменты — 2 шт.

Часы наручные (не золотые) — 2

Ч. настольные — 1

Кольцо с камнем — 1, обручальное — 1

Серьги — 1

Очки в драг. оправе — 1

Продукты без упаковки — до 6 кг
Водка — 1 л
Вино — 2 л
Сигареты — 250 шт.».

— Теперь, товарищи, важное — валюта. Всем вам перед выездом обменяют на марки по 30 рублей. Еще 30 вы можете взять с собой. Но! Обменять в ГДР вы можете только 10, остальные 20 должны будете предъявить на таможне по возвращении в СССР, это вам, так сказать, на обратную дорогу до дома и на всякий случай, которого лучше чтобы не было. Если у вас будут найдены еще деньги, их конфискуют, а о попытке несанкционированного вывоза сообщат по месту работы. Честное слово, очень не советую это делать, неприятности будут не только у вас, но и у тех, кто за вас поручился. И еще, 10 рублей, которые вы сможете обменять в Банке ГДР, должны быть одной купюрой, купюры другого достоинства приниматься не будут. Из документов с собой можно брать ТОЛЬКО загранпаспорт, все остальное, любые документы, оставляете дома. Гражданский паспорт, комсомольский билет, профсоюзный, пропуск, читательский билет — все это остается дома. Запомните, даже проездной и лотерейный билеты — все это официальные документы СССР и вывозить их категорически запрещается.

После завершения инструктажа мужчина ответил на вопросы (можно ли везти лекарства, считается ли документом аптечный рецепт, что делать, если заболеешь, можно ли в гостинице смотреть телевизор, какие можно покупать книги, что делать, если отстанешь от группы, и так далее), заставил всех будущих туристов расписаться в ведомости и распустил по лабораториям.

Часа через полтора Славу позвали к телефону. Звонила мама.

— Мама, что надо купить?

Рита Яковлевна на том конце провода ответила каким-то странным, сухим голосом:

— Ничего не надо покупать. Папа умер.

БЕЗ «ПАНТОВ»

1965 год выдался очень напряженным. Но в плане научной карьеры, безусловно, главным событием было поступление молодого инженера Славы Копелевича в аспирантуру. Рекомендацию ему дал профессор Преображенский, а руководить работой молодого аспиранта вызвалась лично Екатерина Степановна Жданович, бывшая в то время в институте одновременно и заместителем директора по науке, и заведующей лабораторией, в которой трудился инженер. Группа сотрудников лаборатории гетероциклических соединений, куда входил Слава, занималась витамином В₅, пантотеновой кислотой. И научный руководитель посоветовала ему заняться исследованием в области химического синтеза ее производных.

Многие, кто сталкивается с названием «пантотеновая кислота», думают, что происходит оно от слова «пАнты», то есть рога оленя в пору их роста, когда они еще не затвердели и не окостенели. Все знают, что из этих самых пантов делается большое количество чудодейственных медицинских препаратов. В китайской медицине, например, ценность «пантовых» препаратов можно сравнить лишь с ценностью корня женьшеня. Считается, что они увеличивают силу, выносливость, борются с огромным количеством болезней и даже возвращают молодость. Но на самом деле пантотеновая кислота, если и имеет какое-то отношение к рогам оленя, то самое малое, не более чем ко всем другим биологическим веществам, в которых она присутствует. А таких веществ великое множество. Имя этой полезной кислоты восходит к греческому слову *panthos*, что в переводе обозначает «вездесущий». Так ее называли как раз за то, что присутствует она почти везде. Какой биологический объект ни возьми, везде столкнешься с ней, в той или иной концентрации. И в пантах она, конечно, есть, но несравненно больше ее можно найти в печени, почках, животном мясе, сердце, яйцах, пивных дрожжах, зеленых овощах, семечках и орехах. Кроме того, в организме человека она в весьма значительных

количества вырабатывается таким нашим врагом/союзником, как кишечная палочка.

В неясной форме ученые столкнулись с ней еще в самом начале XX века, в 1901 году, когда пытались понять природу «биоса» — комплекса стимуляторов роста. Однако выделить из него непосредственно пантотеновую кислоту удалось лишь в 1940 году. Тогда же ей и дали такое красивое название, одновременно отнеся по витаминной литеро-цифровой индексации к витамину В₅. Пантотеновая кислота играет чрезвычайно важную роль в обмене веществ, поскольку входит в состав Кофермента А, ответственного за биосинтез жиров, распад углеводов и прочие жизненно необходимые процессы. Суточная потребность человека, 5—10 мг, вполне удовлетворяется нормальным смешанным питанием. Однако если все-таки кислоты человеку недостает, это грозит ему развитием дерматитов разной степени тяжести, депигментацией, выпадением волос, остановкой роста, нарушением работы надпочечников, нервной системы, сердца, почек, желудка, кишечника, нарушением координации движений.

Молодой химик отнесся к делу более чем серьезно. Уже в 1966 году Славе удалось путем химического синтеза создать группу производных пантотеновой кислоты. Но мало препараты синтезировать, их надо было еще где-то исследовать на биологическую активность. В родном институте специалистов, которые могли бы взяться за это дело, не оказалось. И вот тут Славе очень помогла его научный руководитель. Екатерина Степановна посоветовала ему обратиться на кафедру клинической биохимии Гродненского государственного медицинского института, которой тогда заведовал ее знакомый, Юрий Михайлович Островский³¹. Вопрос, в чем послать в Белоруссию полученные препа-

³¹ Юрий Михайлович Островский (29 июня 1925 года, Минск — 31 декабря 1991 года) — выдающийся советский биохимик. Академик Национальной академии наук Беларуси (1986; член-корреспондент с 1977 года), доктор медицинских наук (1965), профессор (1966). Заслуженный деятель науки БССР (1978).

раты, Слава решил быстро. В качестве тары он придумал использовать коробки из-под сигарет. Достаточно прочные, в меру твердые, они удобно открывались, легко упаковывались, не вызывали у работников почты лишних вопросов и вообще представляли собой идеальный контейнер для пересылки малых партий химических препаратов. Но, конечно, первым делом он отправил в Гродно письмо, и только получив ответ, в котором говорилось, что там его темой заинтересовались, он выслал туда же маленькую бандерольку с сигаретной коробкой.

В то время профессор Островский как раз получил от Госкомитета по науке и технике программу проведения витаминных исследований. Сами исследователи, молодые ученые, аспиранты, научные сотрудники, «бывшие копытом» и жаждавшие интересной работы, у него были, а вот чего ему недоставало, так это как раз производителей, кто поставлял бы препараты для таких исследований. Так что бандеролька из Москвы пришлась как нельзя кстати. Но, конечно, сам Островский был уже достаточно серьезным ученым, и его дело заключалось в том, чтобы думать и, исходя из своих дум, руководить, а работать непосредственно руками должна была молодежь. Поэтому Юрий Михайлович передал работу Вячеслава Копелевича одному из своих аспирантов.

КТО ТВОЙ ДРУГ

Андрей Георгиевич Мойсеенок родился в июне 1943 года в городе Глубокое Витебской области. Родители его были врачами, и он решил повторить их путь, поступив после окончания в 1959 году средней школы на лечебный факультет Гродненского государственного медицинского института. Однако его прельщала не столько медицина, сколько связанная с ней биохимия, поэтому уже в 1961 году он вошел в состав научного студенческого кружка, созданного при своей кафедре профессором Островским, и к 1965 году уже опубликовал несколько серьезных научных работ в этой области. В 1964 году его избирают председателем студенческого научного общества Гродненского медицинского института, а в 1965-м он с отличием заканчивает обучение и, по рекомендации ученого совета института, поступает в аспирантуру при кафедре биохимии ГГМИ. Правда, в самом начале обучения ему пришлось сделать перерыв на службу в рядах Вооруженных сил СССР, но это не сказалось отрицательно на его научном потенциале, который профессор Островский ценил весьма высоко.

Андрей Георгиевич Мойсеенок, апрель 2011 года

С членом-корреспондентом Национальной академии наук Беларуси, доктором биологических наук, профессором, заведующим Отделом витаминологии и нутрицевтики ГУ «НПЦ «Институт фармакологии и биохимии» НАН Беларуси» Андреем Мойсеенком я встретился в Москве, куда он приехал на ежегодную конференцию «Человек и лекарство». Андрей Георгиевич оказался очень энергичным, веселым и общительным человеком, совершенно не выглядевшим на без малого 70 лет. Он явно представлял собой тип ученого, для которого процесс передачи информации не менее интересен, чем процесс ее получения. В сущности, ему можно было задать лишь один начальный вопрос, а дальше просто следить за тем, как течет его живой и энергичный рассказ, время от времени подправляя его, дабы он не уходил слишком далеко от нужной мне цели в сторону его любимой науки.

— Не верится даже, что это было так давно. Кажется, это был 1966 год. После некоторого перерыва на армейскую службу я продолжил учебу в аспирантуре у своего учителя, вдохновителя, светила, тогда еще молодого профессора Островского. Он тогда получил из московского Витаминного института письмо от Копелевича Вячеслава Михайловича, тогдашнего тоже аспиранта. В письме говорилось, что вот есть синтез ряда производных пантотеновой кислоты и он ищет партнера биолога, которому интересны были бы исследования этих производных. Я ему ответил и получил в том же 1966 году такие образцы. Вячеслав почему-то присылал их всегда в папиросных коробочках, видимо, не было другой тары. Он их коллекционировал, наверное, для этой цели. И мы начали тогда многолетнюю, а как потом оказалось, вообще пожизненную совместную работу.

У Островского была такая идея — изучить взаимоотношения между витаминами. Так называемые межвитаминные отношения. Был вопрос, что лучше, — применять моновитамины или комплексы? Как функционально связаны витамины в комплексе? Или пары витаминов никак нельзя применять по каким-то причинам, вроде конкуренции между витаминами? И я получил от ныне академика, а тогда профессора Островского на это дело полный карт-бланш. Потому что очень важно для такого рода работы получать вещества, субстанции. Там, в Москве, были химики, которые их синтезируют, а мы здесь могли их вводить и смотреть производимый эффект. Для меня это была настоящая находка. Препараты поступили, и я начал активно с ними работать. Работал 3 или 4 года, и закончилось все в 1970 году моей кандидатской диссертацией на тему «Изучение межвитаминных взаимоотношений тиамин и пантотеновой кислоты».

К тому времени мы с Копелевичем уже пару раз встретились в Москве. Почувствовали симпатию, потому что Вячеслав Михайлович оказался как бы продолжателем исследований в области пантотеновой кислоты, структурной единицы Кофермента А, которые были начаты нашей землячкой профессором Жданович Екатериной Степановной. Она стала основоположником изучения этой группы соединений, и Копелевич продолжил это

направление. Оно как для него, так и для меня стало основным направлением, делом всей нашей научной жизни.

Тут Вячеслав Михайлович несколько опередил Андрея Георгиевича. Ему удалось защитить свою кандидатскую уже в 1969 году.

К тому времени в институте произошла очередная смена руководства. В 1967 году пост директора занял профессор Виктор Андреевич Яковлев. Работавший до того в подмосковной Черноголовке, в Институте физиологически активных веществ РАН, профессор относился к науке более ответственно, чем его предшественники, поэтому, получив в руки бразды правления, он занялся крупномасштабными преобразованиями. Первым делом он ликвидировал подразделения, занимавшиеся исследованиями в области выращивания и переработки витаминных растений. Правда, не обошлось тут и без перегибов. В порыве борьбы за чистую химию Виктор Андреевич уничтожил вместе с другими и лабораторию, занимавшуюся витамином С. Впрочем, вскоре он понял, что хватил лишнего, и работа лаборатории возобновилась. Но в целом решение его было абсолютно верным: пытаться обеспечить огромную страну естественными препаратами — это никаких садов и огородов не хватит. Поэтому новый директор сделал решительную ставку на синтетические лаборатории, которые могли организовать полномасштабные крупнотоннажные производства. И не только самих витаминов, но и основанных на них лекарственных препаратов вообще и коферментов в частности.

Ферменты (или, по-другому, энзимы) в организме играют огромную роль. Подобно катализаторам, они многократно ускоряют ход химических реакций, составляющих биологическую сущность нашей жизни. Но саму молекулу фермента можно деактивировать, разделив на две части: кофермент (коэнзим) и апофермент — белок. Коферменты при этом — активный центр, а в их роли чаще всего выступают как раз витамины. Легко соединяясь, кофермент и апофермент образуют мощную молекулу активного фермента. Система, в грубом приближении, получается простая. Предположим, в каком-то организме количество апоферментов сильно превосходит число коферментов. В этом

случае объем получающихся при их объединении ферментов невелик. Но, для того чтобы его увеличить, не надо вводить ферменты, достаточно дать недостающее число коферментов.

Как уже говорилось, любимая Славой Копелевичем пантотеновая кислота была важной составной частью Кофермента А, или сокращенно КоА. Кофермент А считается одним из важнейших коферментов вообще. Поэтому совершенно естественно, что исследованиям Славы была открыта самая широкая дорога и дан самый что ни на есть зеленый свет. В том же 1967 году у Вячеслава появилась первая серьезная работа в академическом «Журнале органической химии». Называлась она «Исследования в области Кофермента А», а соавтором выступали Екатерина Степановна Жданович и профессор Николай Алексеевич Преображенский. Работа делилась на две части, вышедшие в двух номерах. Первая часть посвящалась синтезу D-(-)-β-ПАНТЕТИНА, а вторая — (+)-S-БЕНЗОИЛ-2'-O-МЕЗИЛПАНТЕТИНА. Почти сразу вслед за первой публикацией Слава получил и первое авторское свидетельство за № 258308 на «способ получения γ-оксибутирил-γ-аминомасляной кислоты». И опять в списке соавторов были главные учителя — Екатерина Степановна Жданович и Николай Алексеевич Преображенский.

ДАЕШЬ МОЛОДЕЖЬ

Все это совпало с новейшим государственным трендом. На XIX Московской городской партийной конференции Генеральный секретарь Коммунистической партии Советского Союза Леонид Ильич Брежнев произнес традиционно объемную речь, сплошь и рядом прерывавшуюся бурными и продолжительными аплодисментами, переходившими под конец в овацию. Длилась она больше часа, и сказано в ней было много. Однако сидевшие в райкомах партии и комсомола специалисты по чтению между строк верно вычленили из нее основные, «несущие» фразы. Одна из них звучала следующим образом: «Политически зрелая и вооруженная новейшими научно-техническими знаниями молодежь сможет еще плодотворнее вносить свой вклад в общенародное дело строительства коммунизма». Словосочетание «строительство коммунизма» всегда служило кодом, обозначающим на самом деле «высшую цель». Это был такой маячок, показывавший, что копать надо где-то тут, рядом. И правда, тремя предложениями раньше для понимающих приводились четкие инструкции, согласно которым следовало «активнее вовлекать молодежь в научно-техническое творчество. Партийные, комсомольские и профсоюзные организации вузов должны развернуть широкую работу по привлечению молодежи в научно-технические общества, в научные кружки, где молодежь может получить представление о новейших достижениях науки и ее применении в производстве, это важная задача. Речь идет о том, чтобы организовать действительно массовое движение молодежи за овладение высотами современной науки и техники». Все это означало, что наступило время продвигать молодежь.

Уже в 1968 году Слава окончил аспирантуру и был повышен в должности. Приказом по ВНИВИ 30-летнего химика произвели в младшие научные сотрудники. Исследования по Коферменту А были в основной своей части завершены. Работа оказалась настолько удачной, что институт решил выдвинуть ее на проводившийся Октябрьским районным комитетом комсомола Второй

смотр научно-технического творчества молодежи. Хотя по возрасту Слава в комсомоле уже не состоял, но все-таки в свои 30 лет он считался молодым специалистом, а делами молодежи в стране заведовал комсомол. Даже девиз конкурса звучал вполне беспартийно: «Пятилетке — мастерство и поиск молодых». На смотре работа Копелевича получила диплом победителя, после чего ее совершенно закономерно «продвинули» дальше — на Выставку лучших работ молодых изобретателей, рационализаторов и молодежных творческих объединений г. Москвы и Московской области, посвященной 50-летию Всесоюзного Ленинского коммунистического союза молодежи. Но и на этом ее торжественное шествие не остановилось. Получив самую лестную оценку, работа младшего научного сотрудника ВНИВИ В.М. Копелевича была допущена до участия в совсем уже глобальном форуме — проходившей на базе ВДНХ Всесоюзной выставке технического творчества молодежи, на которой ее отметили бронзовой медалью.

Успехи молодого химика оказались настолько очевидными, что его, еще даже не кандидата, без каких-либо проблем приняли во Всесоюзное биохимическое общество, созданное ровно 10 лет назад, в 1958 году. Тогда в этой организации, первым президентом которой был знаменитый академик Александр Опарин³², состояли уже около 6000 биохимиков, объединенных в 15 республиканских (свое отделение было в каждой республике СССР) обществ и 53 городских отделения. Общество, которым тогда руководил академик Александр Палладин³³, проводило конгрессы, съезды, конференции по самым разнообразным разделам биохимии, издавало ежегодный альманах

³² Александр Иванович Опарин (1894—1980) — советский биолог и биохимик, создавший теорию возникновения жизни на Земле из абиотических компонентов; академик АН СССР (1946; член-корреспондент с 1939 года), Герой Социалистического Труда (1969).

³³ Александр Владимирович Палладин (29 августа (10 сентября) 1885 года, Москва — 6 декабря 1972 года, Киев) — биохимик. Президент Академии наук Украинской ССР (1946—1962), академик Академии наук УССР, Академии наук СССР и Академии медицинских наук СССР. Основатель украинской школы биохимиков.

«Успехи биологической химии», печатало труды съездов, конференций и симпозиумов. На его площадках читались лекции, доклады, устраивались семинары для повышения квалификации. Но главным было то, что ВБО входило в Международный биохимический союз и Федерацию европейских биохимических обществ, а значит, его члены могли относительно просто общаться со своими западными коллегами, да и выехать за границу на проводимые этими организациями мероприятия членам общества было значительно легче. Даже в капстраны.

24 февраля 1969 года Слава успешно защитил кандидатскую диссертацию. Теперь, после того как он забрался на эту промежуточную высоту, настало время, как у альпинистов, подтянуть за собой других. Первой руководимой им аспиранткой стала молоденькая белорусская девочка Тоня Лысенкова.

Заведующая кафедрой зоологии и физиологии человека и животных Гродненского государственного университета им. Янки Купалы, доцент Антонина Владимировна Лысенкова, январь 2011 года

— Вячеслава Михайловича я знала с 1968 года. Я тогда еще училась в институте, но через Андрея Георгиевича Мойсеенка мы уже начали с ним сотрудничать. Наша первая совместная публикация была в 1970 году. Я как раз заканчивала институт, он синтезировал свои производные, потом присылал нам, а мы их проверяли на биологическую активность. Одним из первых препаратов, которые он нам прислал для исследования, был никотиноил-ГАМК, производная никотиновой и гамма-аминомасляной кислоты. Я как раз принимала участие в работе с ним. Сейчас его хорошо знают как препарат «Пикамилон», первый советский ноотроп.

Я потом меняла города, меняла институты, лаборатории, но никогда не меняла основную тему своей научной работы — «Роль гамма-аминомасляной кислоты в механизмах действия мозга». Гамма-аминомасляная кислота — это основной медиатор торможения в мозге. На системе ГАМК сейчас работает очень известная группа лекарственных препаратов — бензодиазепины — тазепам, феназепам. Они очень широко используются и как раз

действуют на эту систему, изменяют активность этой кислоты. Снимают состояние излишней тревожности, напряжения, страха. ГАМК-система снижает излишнюю возбудимость, она основной медиатор торможения со стороны нервной системы, основная система, которая ограничивает стресс, чтобы не было слишком сильной реакции. Чтобы мы на каждую ерунду не реагировали слишком бурно.

Есть и другой препарат, относящийся к этой структуре, — пирацетам. Но у всех у них общая философия. Формально пирацетам — производное гамма-аминомасляной кислоты. Если рассматривать его химическую структуру, то это то же самое, просто другая форма. Препараты отличаются действием, применением и так далее. На самом деле подобных препаратов можно назвать с десяток. Врач должен иметь большой спектр таких препаратов, потому что на одного пациента лучше действует один препарат, на другого — другой. Скажем, ноотропы мягче действуют. Это хорошо, когда в руках врача несколько препаратов, похожих по действию.

Первый ноотроп в СССР синтезировал Слава Копелевич. Я порой отходила в сторону, но потом все равно наши пути как-то пересекались. Вячеслав Михайлович всегда очень помогал мне. В те времена ведь нельзя было ни ксерокс достать, ни обложку какую-нибудь сделать. А Вячеслав Михайлович все это делал. Договаривался, обычно за пол-литра спирта. Тогда у нас спирта было много, а в стране его было мало. Он кому-то давал спирт, а ему делали ксерокс. Тогда вообще-то это было чудо. И обложки он мне делал. С ним не было никаких проблем. Лично в моей жизни, в моей науке он очень много сделал. Он был таким замечательным человеком! Я к нему, к такому отношению так привыкла, что потом даже удивлялась, что другие руководители могут к своим аспиранткам по-другому относиться! Когда мне рассказывали, что есть такие, за которыми целыми днями ходят, ищут, мне не верилось. С ним легко было: начался день — пришла к нему, спросила, сказала, что тебе надо, и больше не надо никаких вопросов и никаких разговоров. Все разъяснит и все сделает.

Это был очень умный, очень знающий и очень интеллигентный человек. И настоящий гуру во всем, что касалось его группы

медпрепаратов, их взаимодействия с другими препаратами, их внедрения в производство. Это было его хобби, его интерес, его жизнь. Он выискивал статьи в библиотеке, делал выписки. Он знал все препараты, ну не все, но очень многие, разбирался в них, интересовался ими. Не только витаминами, но и другими препаратами. Был в курсе всех новинок, особенно японских, немецких, журналы выписывал. Но в то же время нельзя сказать, чтобы он на этом зацкливался. Это был человек очень широкого спектра интересов.

СКАЧКИ НА КЕНТАВРАХ

В то время интерес к ГАМК проявляли не только в СССР. С ней работали в химических и фармакологических лабораториях всего мира. Все знали, что ГАМК в большом количестве присутствует в мозговом веществе и что она для центральной нервной системы играет роль главного тормозного медиатора. Поэтому ученые видели в ней большую силу и огромную перспективу, которая, однако, упиралась в один барьер, названный гематоэнцефалическим барьером, или, коротко, ГЭБ.

«Гемос» — по-древнегречески обозначает «кровь», «энцефалос» — «головной мозг». ГЭБ присутствует у всех позвоночных животных. Это не что иное, как своеобразный фильтр между кровеносной и центральной нервной системами. Природа создала его специально для того, чтобы бактерии, различные иммунные элементы, токсины, гормоны и прочая ерунда не проникали в нейроны и не мешали их работе. Это такой полупроводник, пропускающий из крови в мозг необходимые для него питательные вещества, а из мозга в кровь — продукты его жизнедеятельности. Но эта полезная функция ГЭБа часто сводит на нет усилия ученых, не допуская в мозг огромное количество разработанных специально для него препаратов. Ту же ГАМК пытались применять уже с начала 1960-х годов, но из-за помех, которые создавал этот барьер, приходилось скармливать ее пациентам лошадиными дозами, чтобы взять ГЭБ не качеством, так количеством.

С другой стороны, как раз любимая младшим научным сотрудником Вячеславом Копелевичем пантотеновая кислота этот барьер легко преодолевала. И не только она, но и многие ее производные. Похожим свойством обладала никотиновая кислота, она же — витамин В₃, она же — витамин РР. Но раз так, то почему бы не прицепить ГАМК к молекуле пантотеновой или никотиновой кислоты, для которых путь в мозг открыт? Чтобы она туда прошла «паровозом»?

Ту самую никотиноил-ГАМК, активность которой проверяла молоденькая белоруска Тоня Лысенкова и которая стала первым советским ноотропом, Копелевич синтезировал вместе с двумя коллегами по лаборатории — Л.М. Шмуйловичем и В.И. Трубниковым.

Зиновий Израилевич Итов, сотрудник лаборатории химии и технологии гетероциклических соединений, коллега Вячеслава Копелевича, май 2011 года

Как и многие бывшие советские ученые, Зиновий Израилевич уже много лет живет в США. Поэтому разговаривал я с ним по телефону, когда у нас была глубокая ночь, переходившая в утро, а там — поздний день, вырождавшийся в ранний вечер.

— Мы с Вячеславом Михайловичем работали в одной лаборатории в Витаминном институте. Правда, он туда пришел раньше меня, я был его немного моложе. Вы знаете, что представляла собой наша лаборатория?

— В общих чертах. Если вы расскажете, то будет интересно.

— Ну, весь Витаминный институт был весьма многопрофильный. С одной стороны, у нас разрабатывали различные витаминные препараты, а с другой стороны, исследовали биологически активные вещества на основе витаминов. Наша лаборатория называлась лаборатория химии и технологии гетероциклических соединений, и там было несколько групп, которые занимались витаминами или связанными с ними веществами. Наша группа занималась витамином В₆. Там есть такая коферментная форма, пиридоксальфосфат, это все наше было; другие группы занимались другими витаминами. Вячеслав Михайлович работал на пантотеновую кислоту и гамма-аминомасляную кислоту, он придумал что-то типа химического кентавра. Знаете, такой кентавр, человек-лошадь.

— Читал, как же, легенды и мифы древней Греции. Они еще героев учили, Ясона, Ахилла. Мудрые были очень...

— Совершенно верно. Так вот, Вячеслав Михайлович создал такого фармацевтического кентавра. Лошадью была никотиновая кислота, а вросшим в нее человеком — ГАМК. Когда ГАМК

в мозг проникает, это вызывает эйфорию, настроение повышается, память улучшается и так далее. У никотиновой же кислоты есть интересный побочный эффект: она расширяет мелкие кровеносные сосуды, капилляры. Когда она только появилась в аптеках, я тогда еще только в школу пошел, так у нас один купил пачку никотиновой кислоты за 20 копеек и всю сразу выпил. У него такой прилив крови был, он весь красный стал. Если в мозг попадает никотин, то он расширяет капилляры, циркуляция крови улучшается. Это было очень важно для престарелого состава Центрального Комитета нашей Коммунистической партии Советского Союза. А тут, кроме того, что сама никотиновая кислота полезна, так еще и проносит на себе ГАМК. То есть Копелевич сделал вещь простую: соединил две разные молекулы воедино — и получилось хорошо. Оно, кстати, далеко не всегда хорошо получается, потому что от такой «сборки» свойства часто меняются. Многие химики что-то соединяют, у кого-то получается хорошо, у кого-то — нет. У Славы получилось хорошо. И до сих пор этот его «Пикамилон» производят, и до сих пор его люди покупают, и до сих пор он им помогает.

— Лечит?

— Я бы не сказал, что лечит, но помогает. Если у человека серьезная болезнь, то надеяться на него не стоит, а вот если легкая, мигрень какая-нибудь или просто надо мозги немного просветить, тогда да. В общем, он хорошо работает на здоровых людях.

— Делает их еще более здоровыми?

— Более умными. Память улучшает, сосредоточенность, реакцию. По «Пикамилону» был проведен полный комплекс самых всесторонних медико-биологических исследований. К нему тогда очень серьезно отнеслись, потому что, повторюсь, он был очень важен для ЦК. И Вячеслав Михайлович очень серьезно занимался этим делом. Потом он занимался пантотеновой кислотой. У него было несколько сотрудниц, которые ему в этом помогали. Была такая Буланова Люда, потом Татьяна Дмитриевна Мариева... Потом была у него очень толковая девочка от Белорусской академии наук, Лысенкова Антонина. Существует несколько методов получения препаратов, подобных ГАМК.

Она сделала похожие на гамма-аминомасляную кислоту всякие ее производные, больше 300. Потом они, конечно, проходили проверку. Она была в целевой аспирантуре, за 3,5 года сделала свою диссертацию и благополучно ее защитила.

— А сам Копелевич синтезировал?

— Тогда уже нет. Он не руками работал, а мозгами. Да и не было возможности у него руками особенно работать: комната маленькая, народу много, там для двоих места мало, а у него было всегда 3–4 человека. Так что он больше работал головой, но и, конечно, был связан с людьми, которые все это проверяли, Кругликовой, Ковлер, Авакумовым, заведующим лабораторией фармакологии, по-моему.

— Пантотеновой кислотой только Копелевич занимался?

— Нет, конечно, нет. Она многих интересовала. В нашей же лаборатории с ней работала еще Галина Сергеевна Козлова, жена замдиректора по науке. Но вот такая удачная мысль про кентавра пришла именно к нему. Однако Вячеслав Михайлович не только этим занимался. Когда я пришел, он тогда еще был внештатным редактором реферативного журнала «Химия» Всесоюзного института научной и технической информации, ВИНТИ. Туда со всех сторон приходили научные химические журналы, там были статьи, их надо было реферировать и редактировать. Ну что значит редактором? Я, например, референт, мне присылает какой-то редактор статью какую-нибудь, я ее перевожу, сокращаю, делаю из большой маленькую, выжимку такую, самое существенное. И отдаю ее внештатному редактору. И вот Копелевич был одним из таких внештатных редакторов. Денег это особых не приносило, зато приносило дополнительные знания и расширяло кругозор. Ты же все это читаешь, корректируешь, проверяешь, выверяешь. Хочешь не хочешь, а объем твоих знаний по этой теме растет. И не только знания растут, а и круг знакомств соответствующих растет. У Вячеслава всегда были знакомые, связанные со всякими биологическими веществами, у него был соответствующий круг общения. Знаете, когда человек варится в какой-то сфере, у него в этой сфере что-то и получается. Это как червяк, который все через себя пропускает, и получает-

ся почва, работает, работает, и получается плодородная земля, вот и он так работал, работал, и вот такое получилось. Пришло ему такое озарение в результате мозговой работы, мозгового штурма.

— Он был талантливым ученым?

— Знаете, я, честное слово, не хочу сейчас анализировать, был ли он талантливым, или просто трудолюбивым и удачливым, или кропотливым и дотошным. Но я одно хочу сказать. С ним было приятно общаться. И дело даже не в том, что он был вежливым и доброжелательным, просто когда с таким человеком общаешься, много для самого себя получаешь, таких людей мало. Его слушать было поучительно, полезно и очень приятно.

Следом за «Пикамилоном» настала очередь нового препарата, в котором в роли лошади выступала уже пантотеновая кислота. К 1969 году Слава, проведя длительную серию экспериментов, создал несколько удачных ее аналогов. Один из них, ее высший гомолог, — гомопантотеновая кислота, или ГПК, — как раз и содержал в себе ГАМК вместо бета-аланина. Ученым было известно, что ГПК в небольших количествах присутствует в мозге, кроме того, совсем недавно Вячеслав прочитал сообщение: японские биохимики установили, что она проявляет нейротропную активность, то есть реально воздействует на центральную нервную систему. Однако каких-то данных о ее медицинском применении не было. Соответственно, работы в этом направлении представлялись замечательно перспективными. Это подтвердил и Андрей Мойсеенок, работавший тогда в недавно созданном в Гродно Отделе регуляции обмена веществ.

Но начать дело оказалось значительно сложнее, чем его задумать. Работа над ноотропными препаратами тогда в Витаминном институте не только не поощрялась, но, напротив, всячески тормозилась. Витаминпром, к которому относился ВНИВИ и который утверждал планы института и финансировал его работу, ставил главной задачей совершенствование технологий синтеза витаминов и примыкавших к ним коферментов. На втором плане была фармакология витаминов и их производных. На третьем — разработка на их основе лекарственных форм. Кроме того,

в институте совершенно отсутствовали специалисты по психофармакологии. Как результат, от темы разумнее было бы отказаться и заняться чем-то более реальным. Но именно это направление, сама возможность создать препарат, который «залезет в мозг», были настолько привлекательными и заманчивыми, что Слава ни о чем другом и думать не мог. К счастью, старые и более мудрые товарищи не стали подрезать крылья молодому ученому и стаскивать его на грешную землю. Напротив, бывшая научный руководитель Копелевича Екатерина Степановна Жданович поддержала своего ученика. Она и сама была увлечена новой идеей, но заниматься ею вплотную предоставила подрастающему поколению. Используя свою административную силу, она пробила ГПК-направление в работе лаборатории.

Андрей Георгиевич Мойсеенок, апрель 2011 года

— Вышло так, что каждый из нас удовлетворил тогда свои кандидатские амбиции. Слава стал кандидатом химических наук, я кандидатом медицинских наук. Встал вопрос: а что делать дальше? А дальше получилась очень интересная вещь. У нас были, конечно, контакты с Москвой, с одесситами, с киевлянами, но в Гродно тогда начал активно развиваться второй всесоюзный витаминологический центр. Основная химия, технология были в Москве, а у нас — вся биологическая подоплека: механизмы, показания к назначению витаминов и прочее.

Тут началась традиция гродненских витаминологических симпозиумов. Сначала тиаминовых, то есть по витамину В₁ (В-прим). Островский был большим любителем этого В-прима, он ревниво следил за тем, чтобы каждый шаг в сторону от тиаминана не очень сильно от него уводил. И эти межвитаминные собрания ему нравились. Но постепенно наши контакты с Витаминным институтом и с Копелевичем привели меня к глубокому убеждению, что нельзя работать с одним витамином и неправильно, когда весь наш коллектив кормит один тиамин!

Постоянный контакт с Витаминным институтом, встречи на конференциях убедили нас обоих, и Копелевича, и меня, что мы должны держаться нашей пантотеновой кислоты. И это оказалось правильным решением и нашим основным коньком. Мы на-

чали контактировать в 1967 году, а уже где-то в 1972—1973 годах у нас стало постепенно вырабатываться стремление бросить все и заниматься только этим. Островский тогда, подготовив в Минске при поддержке Москвы за короткий срок — 5—6 лет — группу кандидатов наук, организовал Отдел регуляции обмена веществ, я был его первым заместителем и ученым секретарем. И примерно с 70-го года мы стали уже академическими людьми, а не просто, как раньше в Мединституте, научной группкой. С 1970 года пошел отсчет нашей Гродненской витаминной школы АКАДЕМИЧЕСКОГО плана! То есть мы уже были профессиональными научными работниками. Никакой преподавательской деятельности, ты сидишь и занимаешься только своими исследованиями.

В Москве тоже дело пошло на лад. В начале 1970-х в институт из НИИ фармакологии РАМН пришли два новых человека, также поддержавших идею Копелевича. Первым был новый заведующий лабораторией профессор Владимир Михайлович Авакумов. Ему мысль о том, что, скрестив «коня и трепетную лань», можно получить эффективное средство для воздействия на психику, пришлась весьма по вкусу, и он благословил подчиненного на продолжение работы. Вячеславу Копелевичу доверили руководство исследовательской группой, что, в общем-то, соответствовало должности старшего научного сотрудника. Вторым человеком была Маргарита Арнольдовна Ковлер. Заразившись энтузиазмом молодого химика, эта энергичная и талантливая женщина буквально за два года провела новый препарат через весь комплекс фармакологических и токсикологических испытаний.

Постепенно Славе удалось подключить к исследованиям ученых — специалистов по ГАМК из совершенно разных учреждений: московского Института медико-биологических проблем (занимающегося в основном космической биологией и медициной), Ленинградского университета, Одесского университета и так далее. Как и предполагалось изначально, гомопантотеновая кислота в деле перехода через гематоэнцефалический барьер с контрабандной ГАМК на спине показала себя настоящим

профессионалом. При этом она практически не мешала гамма-аминомасляной кислоте проявлять свою нейротропную активность.

В ноябре 1974 года в лаборатории гетероциклических соединений состоялся коллоквиум № 13, на котором 36-летний Вячеслав Копелевич отчитался о том, чего ему удалось добиться за последнюю пятилетку — с 1970 по 1974 год. Важных дел, как оказалось, было сделано немало. В протоколе таковых зафиксировали пять:

«1. Осуществлен синтез метаболитов пантотеновой кислоты — предшественников Кофермента А. Показано, что эти соединения являются эффективными витаминными препаратами и могут использоваться для лечения заболеваний, связанных с недостаточностью пантотеновой кислоты.

2. Разработан метод получения нового лекарственного препарата — гомопантотената кальция, составлена лабораторная пропись его получения, осуществлена наработка препарата для клинического изучения.

3. Синтезированы аналоги пантотеновой и гомопантотеновой кислот с модифицированной аминокислотной частью.

4. Разработаны методы получения никотиноил- γ -аминомасляной кислоты — нового психофармакологически активного соединения.

5. Осуществлен синтез ряда фармакологически активных веществ на основе γ -аминомасляной кислоты».

Доклинические испытания указанного во втором пункте гомопантотената кальция были проведены в самый короткий срок, и уже в том же 1974 году ученые получили разрешение на клинические испытания нового препарата, который вскоре назвали пока еще условно «пантогам» по имени двух «родителей»: пантотеновой и гамма-аминомасляной кислот.

Теперь к закрученному Копелевичем маховику подключились ведущие клиники СССР. В 1977 году на гродненском симпозиуме «Химия, биохимические функции и применение пантотеновой кислоты» пантогаму было посвящено 15 докладов и сообщений. Наконец, в том же 1977 году Фармакологический комитет при Управлении по внедрению новых лекарственных

средств и медицинской техники Министерства здравоохранения СССР разрешил препарат для медицинского применения, а его название в качестве товарного знака было закреплено за созданным к тому времени на основе ВНИВИ НПО «Витамины». В списке авторов числились:

Державин Валтер Михайлович,
Вишневский Евгений Леонидович,
Авруцкий Григорий Яковлевич,
Ласкова Наталья Борисовна,
Райский Валентин Александрович,
Гунар Владимир Иванович,
Авакумов Владимир Михайлович,
Ковлер Маргарита Арнольдовна,
Кругликова-Львова Рита Петровна,
Копелевич Вячеслав Михайлович,
Мариева Татьяна Дмитриевна.

СЕМЕЙНАЯ САГА

Список этот был явно неполным. Я просто уверен, что в него следовало обязательно добавить еще одну женщину, с которой Вячеслав Копелевич подружился во время поездки на конференцию в Ташкент. Она окончила школу на год раньше Славы, причем окончила с золотой медалью. Училась в том же МИТХТ, только курсом старше. Познакомился Слава с ней в 1968 году, хотя до этого работали они практически в соседних комнатах: он — в 345-й, а она — в 347-й. Нет, конечно, он и раньше ее встречал. В коридорах, в залах, в приемных, но никогда даже и подумать не мог, что эта красивая и острая на язычок женщина вообще может обратить на него внимание.

Тамара Ариевна Шапиро, жена и подруга Вячеслава Михайловича Копелевича, май 2011 года

Старый, мощный, добротный дом сталинской постройки, расположенный неподалеку от Рижского вокзала. Во дворе, на мое счастье, несколько свободных мест для парковки. Что ж, ставим машину, находим подъезд, домофон. «Я тот самый журналист, который пишет про вашего мужа». Заходим, поднимаемся на старинном лифте в сетчатой шахте, звоним. Дверь открывает красивая женщина, на вид — лет 60. Конфеты (нельзя же приходиться в гости с пустыми руками, даже если эти «гости» — твоя работа). Женщина слегка прихрамывает, видно, что ей трудно ходить.

В большой комнате несколько темновато, но уютно. На низеньком журнальном столике разложены фотографии. Тут и Тамара Ариевна, и Вячеслав Михайлович, и масса незнакомых мне людей. Фото давних лет, тех, где все молоды, среди них почти нет, в основном — двух последних десятилетий.

Глупо ждать от женщины, оставшейся одной, потерявшей человека, с которым прожила почти 40 лет, особенной жизнерадостности. Однако Тамара держится хорошо, хотя видно, что ей это нелегко. Говорит негромко, но с энергией, как бы

погружаясь при рассказе не просто в само повествование, но и в ситуацию.

— Тамара Ариевна, ключевой момент. Как все-таки состоялось ваше знакомство?

— Знаете, в истории нашего знакомства не было ничего особенного. Мы со Славой работали на одном этаже, я в 347-й комнате а он в 345-й. Кроме того, мы же и учились в одном институте, только я на курс старше. Я окончила МИТХТ в 1961-м, а он — в 1962 году. Но, несмотря на это, мы с ним практически не общались. То есть я про него знала, но им не интересовалась совершенно. Мы с ним близко познакомились только в 1968 году, когда вместе отправились в Ташкент на советско-индийский симпозиум. Из нашей лаборатории поехала еще одна девушка, я, а от другой лаборатории — он. Впрочем, тогда у нас ничего такого серьезного не было, ну, просто познакомились, и я впервые почувствовала, что Слава — очень интересный человек.

— В 1968-м вам было 30 лет. И вы были не замужем, извините за вопрос?

— В 1968-м — не замужем. Я до Вячеслава Михайловича уже была замужем, но разошлась еще в 1967 году. И с того времени была, что называется, в свободном полете. А он и не был женат никогда, он ждал меня, как потом говорил. Ждал до 1970 года.

— Но он, я так думаю, был не единственным кандидатом на ваше сердце?

— На различных конференциях и «школах» некоторые научные сотрудники предлагали мне совместные работы. И я часто использовала эти знакомства для того, чтобы достать нужные реактивы или заказать в их институтах химическую посуду.

— Как же так вышло, что вы с первым мужем расстались?

— Знаете, есть такая в судах по разводу устойчивая формула: не сошлись характерами. У Славы характер был не сказать чтобы покладистый, но и не взрывной. Первый муж, помимо того что он был жуткий бабник, еще по малейшему поводу, а то и совсем без повода начинал кричать, злиться, скандалить. С ним жить было очень сложно. Когда я с ним разошлась, я целый месяц плакала, думала, что никто на меня уже внимания не обратит.

А потом мама мне дала денег, и я поехала отдохнуть в Венгрию. И что-то, верно, во мне такое было, видимо, дух свободы, что, куда бы я ни приезжала, местные всегда мною интересовались. А поскольку я знала, что сведения обо всех туристах отправляются «куда надо», я жутко боялась, что меня после этого никогда никуда не пустят. В нашей группе был такой молодой человек Юра, который по всем признакам был как раз таким «следящим», и я ему всегда говорила: «Юра, ты видишь, я ничего не делаю — они сами ко мне пристают. Так что, когда будешь писать отчет об этой поездке, ты, пожалуйста, так и напиши».

— Написал?

— Не знаю. Но дополнительных проблем у меня с выездом потом вроде не возникало.

— То есть в 1968-м вы со Славой начали разговаривать. И сколько это продолжалось?

— Два года. В 1970 году мы уже вдвоем поехали на какой-то июпаковский³⁴ конгресс по органической химии в Ригу. Вот там уже все случилось по-серьезному, и вскоре после этого мы поженились. Нам тогда было по 32 года. Вернее, мне было 32, а ему вскоре исполнилось, я его старше на 9 месяцев. Мы поженились и почти 40 лет, 39 с половиной, прожили вместе. Никакой особой романтики не было, нам было просто хорошо рядом друг с другом.

— В Риге Слава сделал вам предложение?

— В Риге у нас все как-то само собой произошло. Он там просто за мной почти все время ходил. Правда, с нами тогда была моя начальница, не буду говорить ее имя и фамилию, которая мне вечно завидовала. Хотя чему было завидовать? У нее муж был доктор наук, она сама была старшим научным сотрудником,

³⁴ Международный союз теоретической и прикладной химии (ИЮПАК, англ. *International Union of Pure and Applied Chemistry, IUPAC*) — международная неправительственная организация, способствующая прогрессу в области химии. Состоит из национальных организаций-участниц. Это авторитетная международная структура, занимающаяся разработкой и распространением стандартов в области наименований химических соединений через межрегиональную комиссию по номенклатуре и обозначениям.

а я была самым младшим научным. Но она мне жутко завидовала, всякие пакости делала, защищаться мешала. Если бы я не была уже к тому времени замужем за Славой, я бы, наверное, защититься не смогла бы. Но у него голова была такая хорошая, что он разгадывал все ее ходы.

— Как шахматист?

— Ну да. Она, кстати, тоже, как шахматистка, всегда все наперед просчитывала. Когда она с мужем разводилась, ей не хотелось отдавать ему какую-то новую стиральную машину. И она тогда говорила: если он так сделает, то я так сделаю, если он так, то я так. Он ушел, забрав только свои вещи, оставив ей квартиру, которую получали его родители. Она же сказала: «Вот наглец! Забрал чемодан итальянский и приемник мой любимый!»

Была конференция по коферментам, я обычно ходила там в библиотеку, переводила статьи, искала информацию и собранный материал записывала в литературную тетрадь. Начальница должна была делать доклад на этой конференции, она взяла мою литературную тетрадь и все переписала, что ей нужно было. Но все доклады этой конференции должны были издать отдельной книжкой. Редактором назначили Марию Николаевну Преображенскую, дочь профессора Преображенского. Я с ней была хорошо знакома. Начальница в то время ушла в отпуск, да и вообще она не владела новым материалом, поэтому Мария попросила меня дописать статью. Я дописала, и эта добавка получилась весьма существенной, примерно треть всего материала. Но в авторы меня, тем не менее, уже не поставили. То есть начальница там не была фактически ни автором, ни даже редактором. А потом, когда ей выдали за публикацию какие-то очень небольшие деньги, она пришла на работу и говорит: «Как хорошо, что я тут одна автор».

— За что же она вас так не любила?

— Не только меня, она так почти ко всем относилась.

— И к Вячеславу Михайловичу?

— Представьте, и к нему. Его все уважали, а она ему такие мелкие пакости делала. Она перешла в орготдел, и когда надо было сдавать отчеты руководителям групп, она никогда ему не говорила об этом. Моя и Славина подруга Вера говорила: «Слав,

надо сдавать отчеты». Он говорит: «Мне никто ничего не говорил». — «Она ж тебе специально ничего не говорит, ты же знаешь. Она хочет, чтобы ты не сдал, тогда она пойдет в дирекцию и скажет: вот Копелевич не сдал отчет». Удивительно, вот такие мелкие пакости ей доставляли удовольствие.

— И как же она вам мешала защищаться?

— Перед самой защитой я работала в Черноголовке с нашими коллегами, бывшими сотрудниками Виктора Андреевича Яковлева. Мы тогда с одной из них написали статью, где начальница была соавтором. И она постоянно вычеркивала из списка авторов нашего заведующего. Я вставляла, а она вычеркивала. Я ей звоню, говорю: «Почему ты его вычеркиваешь? Ты же знаешь, что у меня защита совсем скоро». Она отвечает: «Я знаю, что он у вас там ничего не делал». Меня так и подмывало спросить: «А ты-то что у нас делала?» В конце концов она его все-таки исключила. Вот такая мелкая пакость, которая мне могла дорого стоить. Заведующий на меня, конечно, обиделся. Я ему сказала, что моей вины нет, я все что могла сделала для того, чтобы он был среди авторов, но он только губы поджал и ничего не ответил. Он вообще был мужчина очень суровый, и я его боялась ужасно.

— Была причина?

— С одной стороны, была. Но когда я с ним уже начала работать напрямую, я поняла, что он не такой уж и страшный, что его даже где-то можно обвести вокруг пальца. Это иногда приходилось делать, и тут мне часто Слава помогал. А как еще поступать, если от тебя требуют анализ соединения, который сделать просто невозможно? Я пыталась доказать, литературу показывала, где было написано, что такая-то группа не смогла провести анализ такого-то вещества, поскольку, как только его начинали высушивать, оно начинало разлагаться. Но тут мне как раз Слава помог, подсказал, что надо ехать в Институт органической химии АН СССР, где были прекрасные условия для анализа на фосфор. И там я уже сделала этот анализ и определила количество фосфора в своих соединениях.

Слава мне и в написании диссертации очень помог. Правда, я уже почти все подготовила еще до замужества, даже сделала

в Ташкенте доклад по основному синтезу. Но именно в написании, конечно, он мне очень помог. Во-первых, у него слог был очень хороший, а во-вторых, был какой-то опыт, потому что и он сам тогда уже защитился, и многие из его сотрудников тоже защитились. Но это было уже в 1974 году, а поженились мы в 1970-м.

Свадьбу Тамара и Слава справили тихо, почти по-семейному. В ресторане, пригласив только родных и самых близких друзей. Брать фамилию мужа невеста не стала, осталась при своей. А что вы хотите? Как может красивая женщина отказаться от по рождению ей принадлежащей фамилии Красивая? А слово «шапир» в переводе с древнееврейского обозначает именно это. Кроме этой романтической, существовала и вполне практическая причина: к моменту замужества все публикации Тамары были подписаны этой фамилией.

Жить молодые сразу решили отдельно, хотя Рита Яковлевна долго уговаривала их остаться в Ольховском переулке.

— Мои родители Славу очень любили. Правда, мама все время волновалась, почему он хлеб не ест. Она ему все время говорила: «Слава, почему ты хлеб не ешь? Ешь хлеб». Я его тогда защищала, говорила: «Мама, отстань от него, пусть ест, как хочет». Свекровь очень хотела, чтобы мы жили с ней, у нее была большая двухкомнатная квартира, но я ей сразу сказала, что нет, мы будем жить отдельно. И Славе говорила: «Слава, мы должны жить отдельно именно для того, чтобы сохранить со всеми хорошие отношения».

— Вы с ней не ссорились?

— Нет, что вы. Она меня очень любила, называла Тamarочкой. Когда она уже в последние свои годы жила в Америке, у нее случился инсульт, после него она все забывала и всех путала. И старшая невестка, которая ее навещала в клинике, все время мне рассказывала: «Представляешь, я к ней каждый день хожу, а она меня называет Тamarочкой».

— Вы решили квартиру снимать?

— Нет, нам помогли мои родители. Они получили квартиру, такую вот малюсенькую, а нам с братом Женей оставили свою старую. Но брат там практически не жил. У него была совершенно кошмарная жена, с которой он никак не мог развестись и совместная жизнь с которой была просто невозможной. Суд никак не соглашался на развод, потому что она на всех заседаниях говорила, что безумно Женю любит, а сама постоянно водила в нашу квартиру каких-то непонятных молодых людей. Дошло до того, что на заседание суда пришел Женин друг с оригинальной фамилией Тапкин и поднял в зале плакат «Свободу Жене Шапиро!».

— После такого не развести невозможно.

— Даже после развода она никак не хотела съезжать с квартиры. У Славы была комната в доме напротив Бутырской тюрьмы, и мы предложили ей переехать туда. Она согласилась, мы даже сделали там ремонт, но она неожиданно решение свое изменила и переезжать отказалась. Стала денег за переезд просить. Причем сначала попросила не так много, 300 рублей, мы, конечно, согласились. Но тут ее аппетиты начали расти, и она стала повышать цену. Запросила сначала 500, потом 1000, а когда дошло до 1500, мы поняли, что без суда нам опять не обойтись. И суд этот, наверное, длился бы всю жизнь, потому что заседания постоянно переносились, то тот не придет, то этот заболит, то еще что-нибудь. Но нам повезло. Оказалось, что моя мама работает с женщиной, которая в этом суде была народным заседателем и нашего судью знала лично. И у этого судьи был сын, которого надо было устроить на хорошую работу. Мой папа помог ему устроиться, и нас довольно быстро рассудили. Жену брата отселили в ту комнату.

— На этом мучения кончились?

— Наши — да. Там ее соседкой была сотрудница Бутырской тюрьмы, такая очень красивая крупная женщина, Мария Семеновна. У нее, в силу специфики профессии, через каждые два слова вставлялся термин ненормативной лексики. Когда мы с ней разговаривали, она мне сказала: «Тамарочка, вы меня извините, я не ругаюсь, я просто так говорю». Потом она мне звонила и спрашивала: «Кого вы мне подсунили?» Я отвечаю: «Ну, вы же

со своим контингентом справляетесь, значит, и с ней можете справиться». Так и получилось.

— И все-таки вы жили не совсем отдельно, а с братом.

— Два года. Потом разменялись и переехали в отдельную квартиру, в дом номер 4 по улице Павла Корчагина. Мы в ней прожили 10 лет. Двухкомнатная, но крохотная, одна комнатка — 14 метров, вторая — 8. Была там, правда, еще кухня, большое удобство которой заключалось в том, что, сидя за столом, не требовалось вставать, можно было дотянуться и до плиты, и до холодильника.

— А как вы эту получили? Не в очереди же выстояли 10 лет?

— Нет, там все интереснее было. У соседки снизу ребенок был больной, и с ним почти никто не общался. А я всегда, когда его встречала, что-то ему говорила, что-то спрашивала, как дела, как он себя чувствует, чем занимается, он мне что-то отвечал. Я даже внимания на это особенного не обращала, все казалось совершенно естественным. Но соседка мне как-то сказала: «Знаете, как он вас ждет, когда вы с работы придете? Домой затащить невозможно». И потом как-то раз эта соседка сказала, что у нее знакомые из хорошей квартиры в доме номер 10 хотят переехать в маленькую квартирку, вроде нашей, с доплатой. Мы подключили к делу свекровь, она была женщиной энергичной и умела торговаться. В конце концов мы заплатили четыре с половиной тысячи и переехали сюда. Две тысячи дала Рита Яковлевна, и две с половиной мы уже сами добывали. Это был 1982 год, и 4500 рублей были большими деньгами.

ГОТОВАЯ ФОРМА

У всех людей, приходящих в этот мир, в том числе и хороших, есть неприятная особенность. Рано или поздно они этот мир покидают. В 1970 году его оставила Екатерина Степановна Жданович. Институт витаминов объявил конкурс на замещение должности заведующего лабораторией гетероциклических соединений. Около года ее на полставки занимал Марат Яковлевич Карпейский, доктор химических наук, сотрудник Института молекулярной биологии АН СССР, ученик известного биохимика Александра Евсеевича Браунштейна. Именно Марат Яковлевич рекомендовал себе на смену нового завлаба.

Владимир Иванович Гунар пришел во ВНИВИ из вполне академического Института органической химии, в котором проработал 17 лет. Уже будучи старшим научным сотрудником, он заинтересовался связанными с витаминами природными соединениями и последние годы полностью отдался их изучению. К тому же был он неплохим организатором, так что место витаминного завлаба вполне ему соответствовало.

Владимир Иванович Гунар, доктор химических наук, март 2011 года

— В лабораторию я пришел не на голое место, до меня там уже работали люди, в том числе и Вячеслав Михайлович. Тут важно было сделать так, чтобы смена руководства не навредила работе. Там было четыре группы, каждая отвечала за свой конкретный участок, и у них все двигалось вполне хорошо. Поэтому после назначения просто провели небольшое собрание, на котором директор меня представил. Мы поздоровались, а потом я уже разговаривал с руководителями групп и другими сотрудниками отдельно. У меня еще по прошлому институту был опыт работы с небольшими группами, поэтому контакт нам удалось наладить довольно быстро. Пообщавшись с Вячеславом Михайловичем, поговорив с ним о делах, я сразу понял, что он довольно самостоятельный человек и в его работу не надо особенно вмешиваться. Он помощи и не просил, для него главное было —

чтобы ему не мешали. И вот в этом я как раз старался ему помочь, ограждая от всяких не касающихся исследований дел и вопросов.

— Вместо него на политзанятия ходили?

— Нет, такой льготы даже я не мог дать. А если серьезно, то в чем заключалась должность заведующего? Мы привыкли к тому, что заведующий должен общаться с руководителями групп практически через день или каждый день, как ему удобно или как требуют дела, узнавать, чего не хватает, что мешает, как движется работа. Поэтому я приходил в комнату, здоровался, узнавал, как дела, какие приняты решения, какие планы. Были такие организационно-технические мероприятия, связанные с производством, от которых зависела наша работа, мы их потом обсуждали и приходили к какому-нибудь приемлемому решению.

— Вы собирали планерку и...

— Нет, у нас в лаборатории планерок не было, у нас были коллоквиумы. Тематика витаминов довольно разнообразная, нельзя собрать всех за один раз. Если мы занимались пантогамом или каким-нибудь еще препаратом, то этим занималась не только группа из моей лаборатории, там было еще много других сотрудников института, отвечавших за готовые формы, за аналитику и так далее. И потом, я вообще старался не собирать людей в своем кабинете. Я придерживался принципа академика Несмеянова.

— Не слышал о таком.

— Зря, очень хороший принцип. Александр Несмеянов был академиком и президентом Академии наук в 1950-х годах. Даже будучи президентом, он предпочитал разговаривать с сотрудниками, приходя к ним, не приглашая в дирекцию. Когда его спросили, почему он так поступает, он ответил, что так ему удобно: «Так я могу в любой момент встать и уйти, а когда вызываешь человека к себе, часто бывает просто неудобно сказать ему, что разговор окончен».

— Да, не прогонять же человека.

— Именно. С самого начала контакт с Вячеславом Михайловичем у нас был налажен хороший. Нам нечего было делить, у него были дела, у меня были дела, и все это превращалось в дела

общие. Как заведующий лабораторией я должен был помогать с источниками финансирования, заниматься договорами, внедрением, если это связано было с внедрением, и так далее. Вячеслав Михайлович брал на себя литературную работу, контакты с клиникой и так далее. Все это он делал очень хорошо, так что мне как заведующему приходилось подключаться лишь в редких случаях, когда это было необходимо.

Но пока в Москве работа шла тихо и размеренно, в Гродно Андрей Мойсеенок прищипывал ее, как только мог. Полная противоположность Славы Копелевича во всем, что касалось науки, он не мог долго сидеть в кабинете и усердно думать над вопросами синтеза или анализа. Ему требовалось действие, без которого жизнь теряла всякий смысл. Уже в 1974 году на базе своего академического центра при поддержке Островского ему удалось организовать Всесоюзный симпозиум по витаминным отношениям. Основными гостями были представители московских институтов. Кроме Копелевича, помогавшего Андрею Георгиевичу в организационных вопросах, на симпозиум приехали директор ВНИВИ Виктор Андреевич Яковлев и Владимир Иванович Гунар. Почетным гостем стал настоящий корифей советской витаминной школы, отец легендарного «Ундевита», заслуженный деятель науки РСФСР, профессор Виктор Васильевич Ефремов. В ту пору ему уже исполнилось 75, однако он был бодр, активен и даже выступал с докладами. Профессор Ефремов прожил 96 лет, и долголетие он объяснял тем, что каждый день съедал по одному драже своих поливитаминов. На симпозиум приехали одесситы, развивавшие свою витаминную школу и тоже приглядывавшиеся к проблеме межвитаминных отношений. В процессе работы выяснилось, что нормализовать в общем-то неидеальные отношения между всесоюзными витаминологами непросто, но возможно. И это было очень важно. Постепенно ученые пришли к убеждению, что работать надо только вместе.

В 1977 году, после смерти Виктора Андреевича Яковлева, директором института был назначен Владимир Иванович Гунар. Тогда же ВНИВИ объединили с Московским экспериментальным и Калининским витаминными заводами, создав на их базе Науч-

но-производственное объединение «Витамины». При этом курс института, заложенный Яковлевым, не изменился: он и дальше продолжал работы в области крупнотоннажных витаминных производств. Однако появились в нем и новые тренды. Если старый директор отказался в свое время от исследований по витаминным растениям, то новый, кроме химического синтеза, организовал работы в области микробиологического производства. Вскоре в институте была разработана и внедрена в производство микробиологическая технология синтеза каротина, за которую группу сотрудников в 1984 году даже удостоили премии Совета Министров СССР.

Но не будем забегать вперед и вернемся в 1977 год. К этому времени Копелевич уже крепко оседлал тему пантотеновой кислоты. Мойсеенку это было сделать сложнее. Для того чтобы иметь возможность заниматься наукой, он отказался от административной должности ученого секретаря при Островском, оставшись только руководителем подразделения. Однако Островский не одобрял увлечения своего любимого ученика пантотенами. Чтобы убедить шефа в своей правоте и в важности всего, что связано с B_5 , Андрей добился проведения на базе Отдела регуляции обмена веществ первого научного мероприятия в области пантотеновой кислоты. Им стало научно-техническое совещание по разработке совершенно оригинального, синтезированного Вячеславом Копелевичем препарата под названием фосфопан — 4-фосфат-пантотеновой кислоты. В дело включился Гунар, организовавший на московском заводе производство экспериментальной партии. И для Славы, и для Андрея это было большое событие. Они не только впервые в мире выходили на новую лекарственную субстанцию, они выходили на новое вещество, на новое метаболическое действие соединения. Но даже в следующем году влюбленный в тиамин Островский еще сомневался, стоит ли с этой пантотеновой кислотой так серьезно возиться. Он был настоящим «королем» тиамин, и ему казалось, что хотя там уже много сделано, тем не менее еще многого можно добиться. Чтобы окончательно «добить» шефа, Мойсеенок пошел на отчаянный шаг и, заручившись поддержкой всех известных советских пантотенщиков, создал в Гродно настоящий пантотеновый

центр. Биохимию процесса обеспечивали одесситы, Гунар через хоздоговоры (поскольку все выходило на производство) организовал дополнительное финансирование, что позволило Мойсеенку подключить к работе еще трех фармакологов. Копелевич отвечал за разработку и оптимизацию технологий химического синтеза. Направление оказалось настолько плодотворным, что только через руки Мойсеенка прошло больше дюжины посвященных производным пантотеновой кислоты кандидатских и докторских диссертаций плюс около десятка прошло через Копелевича.

В июне 1978 года Вячеслав Михайлович получил диплом старшего научного сотрудника. В протоколе коллоквиума лаборатории, на котором коллектив рекомендовал ученому совету присвоить ему это звание, говорится, что за период с 1975 года «Копелевичем В.М. выполнены важные научно-исследовательские работы по разработке и внедрению в практику новых лекарственных препаратов — пантогама и никотиноил-аминомасляной кислоты, — а также по синтезу целого ряда биологически активных производных пантотеновой кислоты и γ -аминомасляной кислоты». Вскоре он вступил в еще одну солидную научную организацию — Всесоюзное научное общество фармакологов. В СССР оно было создано в 1960 году, и принимались в него, как несложно догадаться, специалисты в области фармакологии. В 1966 году общество вошло в только что созданный Международный союз фармакологов, периодически, раз в три года, проводивший международные конгрессы в одной из стран-участниц.

Андрей Георгиевич Мойсеенок, апрель 2011 года

— Переломным для нас стал 1977 год. Виной перелома был сам Копелевич. Во-первых, он завершил Тонину диссертацию, а там еще несколько диссертаций у него было. И потом, он стал сам расти! Ведь мало препарат просто синтезировать, его же надо изучать. Кое-что он в Одессу отсылал, но преимущественно давал нам. У нас тут еще и фармакологическая группа создавалась, кроме биохимической. И мы активно уже тогда начали работать по фосфопантотеновой кислоте.

По сути, это был новый лекарственный препарат. Вы представляете, на какое дело мы замахнулись! Это, конечно, было

крутое решение. Но жизнь внесла некоторые коррективы. Копелевич начал интенсивно дорабатывать свою докторскую, параллельно у нас активно действовали фармакологи. Из разных точек страны они стали щупать наши препараты. В Иркутске, в Сибири, в Минске, в Гродно. Это нарастало как снежный ком. И был поставлен вопрос: а что же у нас с пантотенатами в медицинской промышленности происходит? Гунар был обеспокоен. Активность растет, а, надо сказать, пантотенат, который у нас делался, был нехорош.

Проверка пантотената кальция показала, что он не особенно качественный. Срочно стали менять технологию.

Постепенно подошли 80-е годы, новые времена. И тут началась одна очень интересная штука. Параллельно изучая эффекты японского препарата пантотин-пантесин, мы, гродненцы, получили в этом деле приоритет. Наш пантотеновый авторитет был настолько велик, что мы могли оценить фармакокинетику, специфические эффекты и прочее. И тут мы нашли партнера в лице ректора Иркутского мединститута врача-психиатра Михаила Александровича Рыбалко. Он загорелся нашей идеей еще и потому, что группа пантотеновых соединений фантастически эффективно работала при алкоголизме.

Знаете, у нас в Гродно начал отмечаться высокий уровень смерти у молодых людей от алкогольного делирия³⁵. Оказалось, что есть такой район, где выгоняют очень крепкую самогонку, и дети, мальчишки, которым очень важно попробовать что и как, стартовали с очень высокой концентрации. Не так, как обычный подросток, которому дадут сначала чуть-чуть пивка, потом — винца и еще чего-то. А тут — нет, тут сразу эту самогоночку. А в ней свыше 60 градусов. И в результате быстро наступало привыкание, и они очень быстро спивались, естественным образом вытекала и высокая смертность.

К тому времени, когда мы провели клинические наблюдения совместно с психиатрами, как раз потихоньку подошла и кампа-

³⁵ Алкогольный делирий, белая горячка алкогольная, состояние отмены алкоголя с делирием, в просторечии — «белочка», «белка» (лат. *Delirium tremens* — буквально «трясущееся помрачение») — психоз, протекающий с нарушением сознания, связанный со злоупотреблением алкоголем.

ния борьбы с алкоголизмом. И перед нами открылась поистине огромная перспектива. И тот же Гунар, и Копелевич были мобилизованы на создание новой лекарственной формы, специально предназначенной для алкоголиков! Мы увидели в наших препаратах высокий детоксицирующий эффект. Он, конечно, не снимал последующее влечение, но он блестяще помогал вывести человека из тяжелого посталкогольного состояния. Кроме того, возрастала и эффективность последующей алкогольной терапии. Это был очень важный вопрос. И мы не только получили эти эффекты, мы совместно с Копелевичем и одесситами, которые занимались фармакокинетикой этих препаратов, постепенно вышли на тщательный анализ всей группы субстанций.

Мой сотрудник Дорофеев благодаря поддержке Копелевича переехал потом в Гомель. Он, к сожалению, умер. Ирония судьбы — от алкоголизма. Так бывает. Тоня уехала из Гродно туда же. Эти двое стали заведующими кафедрой во вновь открытом медицинском институте. Тут получилась такая история. В Иркутске открылся институт клинических испытаний в области алкоголизма. Там тоже стали готовиться три диссертации, одна из которых — докторская. Ректор нас активно поддерживал, он в наших работах был прямо заинтересован. И мы провели там несколько симпозиумов. В Иркутске и в Чите, в Прибайкалье и в Забайкалье. Мы с Копелевичем там бывали дважды или трижды, выступали в качестве кураторов этой идеи.

СВЯЩЕННЫЙ БАЙКАЛ

В то время, когда компьютеры были большими, а ксероксы нереальными, проблема сохранения информации оставалась для ученых одной из основных организационных проблем. Вячеслав Михайлович часто решал ее с помощью ножниц. В его архиве много вырезок из журналов и газет. Почти все это вырезки со статьями, посвященными самым различным медицинским препаратам и химическим соединениям. А вот эта газета сохранена полностью. Она аккуратно сложена вдвое и помещена в отдельную папку. В органе парткома, ректората, комитета ВЛКСМ и профсоюзной организации Иркутского государственного медицинского института газете «Медик», в номере от 9 сентября 1983 года на 4 страницах формата А3 (два машинописных листа) уместилось 11 относительно больших и малых материалов. На второй полосе — большая статья «Проблемы дисциплины. Решены ли они?» с подзаголовком «Постановление о трудовой дисциплине — в жизнь!». Сразу под статьей стоит коротенькое письмо в редакцию, рассказывающее о встрече выпускников 1953 года и озаглавленное «Встреча с юностью». В заметке «Обращайтесь за помощью» заведующий учебно-методическим кабинетом истории КПСС призывает первокурсников усиленно изучать курс истории партии. Чуть выше градус серьезности снижает легкая репортажная заметка «На заготовке кормов». На третьей полосе — два репортажа: «Торжественно обещаю» — о принятии вчерашних абитуриентов в первокурсники — и «Первая лекция». Четвертая страница по традиции отдана культурному блоку.

А вот все три материала первой полосы посвящены одному событию — научному симпозиуму «Биохимия, фармакология и медицинское применение производных витаминов и других предшественников коферментов», проходившему в Иркутске с 8 по 10 сентября 1983 года. Передовица, озаглавленная «Форум — практической медицине», была написана лично ректором ИГМИ доцентом Рыбалко, исполнявшим еще и обязанности председателя оргкомитета. Колонку «Успехи и задачи современной

витаминологии» подготовил профессор из Московского института питания Владимир Борисович Спиричев. Последний, помещенный прямо под передовицей материал назывался «За опытом к иркутским коллегам»:

«Одними из первых для участия в симпозиуме прибыли заместители сопредседателей оргкомитета К.Н. Груздева — зав. кафедрой медицинской химии Омского медицинского института, профессор и зав. лабораторией Отдела регуляции обмена веществ Академии медицинских наук Белорусской ССР А.Г. Мойсеенок. Андрей Георгиевич в аэропорту дал нашей газете короткое интервью:

— Иркутск не случайно выбран местом проведения данного научного форума. В вашем мединституте успешно работает в течение семи лет на базе кафедры психиатрии и ЦНИЛ тематическая группа, которой руководит ректор ИГМИ, доцент М.А. Рыбалко, по лечебному применению препаратов пантотеновой кислоты. Эта группа имеет уже около 20 научных публикаций. Четыре авторских свидетельства, участие в монографии, две кандидатские диссертации говорят сами за себя. Иркутские ученые доложат о результатах своих исследований, участники из других городов поделятся своими итогами в изучении этого препарата.

Полученные в Иркутске экспериментальные данные дали большой материал всем ученым, занимающимся пантотеновой кислотой, явились основой для апробации и применения его в клинической практике. Эта область научных исследований особенно тесно связывает иркутских ученых и ученых Белорусской академии медицинских наук. Данный симпозиум явится реальным воплощением наших деловых контактов.

Итогом форума должно стать издание обобщающей монографии и подготовка к республиканскому съезду психиатров, который состоится в 1985 г. в Иркутске. Совершенствование методов изучения витаминной недостаточности у различных категорий больных и расширение показаний к применению витаминов в медицинской практике будет еще одним шагом вперед в борьбе за жизнь и здоровье советских людей».

Состоявшийся в самом начале осени 1983 года иркутский симпозиум и правда был уникальным и представительным.

Подобное мероприятие проводилось в СССР впервые. Организаторами выступали Иркутский медицинский институт, гродненский Отдел регуляции обмена веществ АН БССР и проблемная комиссия «Проблемы витаминологии» Научного совета по медицинским проблемам питания АМН СССР. Участие в нем приняли ученые из институтов питания АМН СССР, биохимии им. А.Н. Баха, молекулярной биологии АН СССР, биохимии АН УССР и Литовской ССР, экспериментальной и клинической медицины СО АН СССР, канцерогенеза Всесоюзного онкологического научного центра АМН СССР, экспериментальной ботаники АН БССР, эндокринологии и обмена веществ Минздрава УССР, экспериментальной и клинической медицины Минздрава Латвийской ССР и такой же Эстонской ССР, НПО «Витамины», Белорусского НИИ кардиологии, Одесского НИИ глазных болезней, Казахского филиала Института питания АМН СССР, Центральной научно-исследовательской лаборатории 4-го Главного управления при Минздраве СССР (в сферу его компетенции входило поддержание здоровья членов советского правительства) и Московского государственного университета.

Составленная Копелевичем, Мойсеенком и Рыбалко программа симпозиума включала в себя четыре основных вопроса:

1. Биохимия и биотехнология коферментов, включая Кофермент А, и предшественники его биосинтеза.

2. Фармакологические свойства, фармакокинетика и применение витаминов и их производных при экспериментальной патологии.

3. Сравнительная клинко-экспериментальная оценка применения пантотената кальция, пантетина и других производных пантотеновой кислоты.

4. Применение витаминов в лечебных и профилактических целях.

Виднейшие советские авторитеты в области витаминологии прочитали доклады по самому широкому спектру связанных с витаминами и коферментами вопросов. Доктор биологических наук, профессор, руководитель лаборатории Научно-исследовательского института питания АМН СССР Владимир Спиричев

рассказал, что, по его мнению, задачей будущих исследований должно стать выяснение механизмов утраты у человека и животных способности к самостоятельному синтезу витаминов, применение методов генной инженерии для коррекции врожденных нарушений обмена и функций витаминов, разработка методов введения готовых коферментных форм через клеточные и субклеточные мембраны, изучение механизмов синтеза витаминов у растений и микроорганизмов с целью направленного создания новых сортов — эффективных производителей витаминов и коферментов и использование в этих целях набирающей силу генной инженерии.

Владимир Гунар выступил с докладом, посвященным основным проблемам, возникающим при создании современных промышленных производств витаминов и основанных на них лекарственных препаратов. Мойсеенку удалось вытащить на симпозиум и своего шефа — профессора Островского. Он говорил о проблемах изучения витаминзависимых реакций в обмене этанола и о том, как можно применять витамины при лечении алкоголизма. Сам Вячеслав Михайлович выступил с сообщением «Сравнительная оценка химических и биотехнологических методов получения Кофермента А». Итогом мероприятия стало принятие учеными программы по разработке нового лекарственного препарата на основе пантотеновой кислоты.

Для Копелевича это был потрясающий успех. В Союзе именно его и Мойсеенка считали основными экспертами по пантотеновой кислоте и ее производным, и такое признание важности их работы со стороны всех этих институтов и ученых давало Вячеславу Михайловичу настоящий и почти государственный карт-бланш на расширение дальнейших исследований.

Три дня симпозиума пролетели незаметно. И пролетели они не только в научных заседаниях, обсуждениях и докладах. Участники дружной компанией заседали на банкетах в иркутских ресторанах, посещали сауну, выезжали на природу, на Байкал, до которого от Иркутска чуть больше 60 километров. Ученые загорали на берегу в лучах не по-сибирски жаркого, почти августовского солнца, а Слава, подзуживаемый неукротимым Андреем, плескался в холодных водах «славного моря».

Вернувшись домой, члены московской делегации занялись литературным творчеством. Вячеслав написал статью о прошедшем симпозиуме. Генеральный директор НПО «Витамины» Владимир Иванович Гунар подготовил отчет для вышестоящего начальства. Отчет состоял из нескольких документов. Один из них, на полстраницы машинописного текста, был посвящен активной деятельности на симпозиуме «ст. научного сотрудника НПО «Витамины» В.М. Копелевича». Заканчивался он коротким резюме: «С заданием по командировке В.М. Копелевич справился успешно».

БЫЛ БЫТ БИТ

Институт, пусть и не крупный, но и отнюдь не мелкий, не академический, зато с серьезной материальной базой, был в условиях СССР если не государством в государстве, то своеобразной буферной зоной. Люди, здесь служившие и работавшие, ощущали свою принадлежность к интеллектуальной элите страны, потихонечку тиражировали на ксероксе самиздатовскую литературу, пользуясь служебным положением, читали зарубежную прессу, сравнительно часто и свободно выезжали за границу. Обычные советские граждане могли только мечтать о поездке в Болгарию на знаменитый «Солнечный берег» или на «Золотые пески», а Вячеслав Копелевич только в туристические поездки за 1970-е годы выезжал несколько раз. В 1974 году он посетил две страны — Венгрию и Югославию. Югославия, всегда стойко соблюдавшая свою независимость от «старшего брата» и даже не входившая в Варшавский договор, считалась страной почти капиталистической, и ее допускалось посещать тем из советских граждан, в отношении лояльности которых не возникало никаких сомнений. Дальше уже можно было надеяться на то, что тебя выпустят и в страну враждебного, капиталистического лагеря. Не посрамив страну в Югославии, Вячеслав Михайлович уже в 1976 году получил разрешение выехать на 11 дней в Финляндию. К тому времени он уже опубликовал более 50 серьезных научных работ и получил 4 авторских свидетельства.

Конечно, Финляндию сложно назвать настоящей заветной капстраной, но вот в отношении Швейцарии, куда Копелевич должен был поехать уже через год, сомнений возникнуть не может. Это уж такая капстрана, всем капстранам капстрана. Это сейчас мы ее считаем почти социалистической, а тогда, в конце 1970-х, о ней известно было только то, что именно там хранились деньги всех мировых миллионеров и миллиардеров, что там выбросился из окна профессор Плейшнер и что туда недавно сбегал Виктор Корчной.

Конгресс проходил в Цюрихе с 18 по 23 сентября. В программе значились две секции: секция противомикробных соединений

и секция противораковых соединений. Вячеслава Михайловича больше интересовала первая, поскольку любимая им пантотеновая кислота и ее производные активно воздействовали на жизнедеятельность одноклеточных и мешали им вести паразитический образ жизни. Кроме того, его внимание привлекала устроенная в рамках конгресса выставка новейшей фармацевтической продукции, аппаратуры и фармацевтических книг.

Но поехать туда, по не зависящим от Вячеслава Михайловича обстоятельствам, так и не вышло. Нашлись «доброжелатели», постаравшиеся сделать все, чтобы поездка сорвалась, несмотря на то что доклад Копелевича уже был принят.

В 1978-м его вместе с супругой выпускают в Польшу, уже не в составе туристической группы, а к знакомой и не на каких-нибудь жалкие две недели, а на полноценные 30 дней. На маленьких записочках — объекты, которые в Польше обязательно надо посетить:

- 1) Лазенки-парк³⁶, памятник Шопену;
- 2) памятник Неизвестному Солдату;
- 3) костелы;
- 4) Варшавский дворец³⁷.

У второй записки более утилитарный характер: «Автобусом — до улицы Новый Свет. Надо перейти на другую сторону и дойти до улицы Рутковского — на ней много магазинов, по ней дойдете до магазинов центра». Еще надо обязательно посетить фармацевтический завод и Министерство внешней торговли. На обратной стороне одной из записок мелким почерком записано (видимо, писалось где-то в транспорте): «Антагонисты пантотеновой кислоты,

³⁶ Лазенковский парк в Варшаве. В парке находится Лазенковский дворец (также Дворец на воде и Дворец на острове) — небольшая камерная резиденция последнего польского короля Станислава Понятовского.

³⁷ Видимо, Королевский замок в Варшаве. Был построен в 1598—1618 годах королем польским и великим князем литовским Сигизмундом Вазой на месте средневекового замка мазовецких князей. Дворец был воздвигнут на искусственном возвышении, имел форму пятиугольника и выделялся на фоне городской застройки 60-метровой Сигизмундовой башней, прообразом которой, по мнению некоторых авторов, послужили фортификационные сооружения Смоленска.

которые тормозят рост пат. микробов, нуждаются в пантотеновой кислоте и могут быть применены как антимикробные вещества при лечении различных заболеваний...».

А вот Болгарию, с которой у жителей СССР обычно начинались выезды и которая, как известно, была столь же не за граница, сколь курица не птица, ему вместе с Тamarой удалось посетить лишь в сентябре 1980 года. На курорте этой черноморской народно-демократической республики он праздновал немаленькое событие: буквально накануне, 30 июля, его группа получила патент за номером 00850083 на «Средство для лечения расстройств мочеиспускания „Пантогам“». Улыбаться тут нечего: расстройство мочеиспускания не менее, а в некоторых случаях и более серьезная проблема, чем зубная или головная боль. А подобный патент признавал за «Пантогамом» право быть уже не просто витамином или профилактическим препаратом, а делал его именно лекарством, лечебным средством.

В институте кипела не только научная, но и общественная жизнь. Кроме председательства в обществе Красного Креста, Вячеслав Копелевич, если верить выданной к отъезду в Болгарию райкомом партии характеристике, активно посещал семинар «Конституция СССР. Проблемы теории и практики». Коллектив периодически выезжал «на картошку». Правда, Вячеславу Михайловичу удавалось всеми возможными способами избегать этого мероприятия. Во всяком случае Тамара Ариевна говорит, а Владимир Гунар ее слова подтверждает, что Вячеслав почтил овощебазу своим присутствием лишь два раза. И от своих сотрудников он никогда не требовал обязательной явки: хочешь — приходи, не хочешь — нет. Кстати, многие приходили вполне сознательно, поскольку за работу на овощебазе полагались отгулы.

Заведующая кафедрой зоологии и физиологии человека и животных Гродненского государственного университета им. Янки Купалы, доцент Антонина Владимировна Лысенкова, январь 2011 года

— В институте, в коллективе Вячеслав Михайлович чувствовал себя на своем месте. Он был такой человек. Вы знаете, как было в советские времена? Надо идти на овощебазу, начальник всех го-

нит. А он не гнал, он говорил: «Сходите». Хотите — сходите. Никого не гнал и никого не сдал. Вперед с флагом — этого у него не было. Он в этом плане был очень лояльным, очень демократичным.

Но и диссидентом не был. А если и был, то очень тихим. В то время, вы сами понимаете, сказать что-нибудь было опасно, а Вячеслав Михайлович был тихий, осторожный такой. Все политические разговоры тогда велись в основном на кухне.

Я думаю, что он в то время очень много читал всякой литературы самиздатовской, но нам, молодым, он про это никогда не говорил. Когда мы обсуждали, например, Солженицына, он всегда активно вступал в разговор, и было видно, что он его читал.

Конечно, самиздат в то время в той или иной степени читали все. Слушали по вечерам «Голос Америки», радио «Свобода», читали ксерокопированных, а чаще машинописных Войновича, Соложеницына, Булгакова. Да что Булгакова, эпиграммы Гафта, сказку про Федота-стрельца Леонида Филатова, Ахматову и ту читали со схваченных металлической скрепкой или подшитых в картонную папку с надписью «ДЕЛО №» печатных листков. И, что интересно, никто особенно этого не боялся и особо не скрывал. Конечно, на всех углах не трубили, поскольку «добрые люди», всегда готовые «капнуть» начальству или в партком, всегда находились, а тем хочешь не хочешь, а приходилось реагировать. «Засветившегося» виновного вызывали на собрание, ставили ему на вид, объясняли, как нехорошо он поступает, и брали с него твердое обещание никогда так больше не поступать. Хуже было, если заявление от «добротого человека» поступало в отношении того, кто множил эту литературу, и не начальству, а в органы. Потому что в таком случае виновный и правда мог «загреть» в места, довольно отдаленные. И сразу по нескольким статьям Уголовного кодекса СССР. Самой серьезной была, конечно, статья 70, «Антисоветская агитация и пропаганда», по которой за «распространение... клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно распространение либо изготовление или хранение... литературы такого же содержания» вполне реально можно было получить до семи лет. Если антисоветчины на 70-ю не набира-

лось, хорошо шла статья 190-1 — «Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй». Под нее идеально ложилась практически вся сатира, от «Ивана Чонкина» Войновича до «Мастера и Маргариты» Булгакова, не говоря уже о «Собачьем сердце». В этой статье, кстати, весьма интересен был разброс наказаний: или лишение свободы на срок до трех лет, или штраф до 100 рублей. А в случае с ксероксом или с только вошедшими в обиход матричными принтерами и подключенными к ЭВМ электронными печатными машинками (чаще всего гэдээровскими «Консулами») могли еще приплюсовать мелкое хищение государственной собственности в виде расходных материалов.

Виктор Михайлович Копелевич, брат Вячеслава Михайловича Копелевича, июнь 2011 года

— Знаете, вот в 1960—1970-е годы были популярны споры между физиками и лириками, между научной интеллигенцией и культурной. Люди слушали на магнитофонах Галича, Окуджаву, потом Высоцкого. Так Слава к этому, честно говоря, был равнодушен. Что его волновало, так это самиздат. Особенно книги Солженицына, вот это его живо интересовало. Мы их читали запоем, просто по причине нехватки времени. Давали такие книги буквально на ночь, и надо было за ночь прочесть «Раковый корпус», «Как теленок с дубом бодался», «Один день Ивана Денисовича». Славу больше интересовали политические книги.

— Значит, Вячеслав Михайлович понимал, что страна идет не по тому пути. Но как он к этому относился?

— Я уже говорил, что после 56-го года мы хорошо это поняли, и он, и я. Мы были пассивны, в число диссидентов не входили, но хорошо себе представляли, что такое страна победившего социализма.

— Тамара Ариевна тоже советскую политику осуждала?

— Наверное, но точно сказать не могу. Она очень мало разговаривала с нами. Если честно сказать, мы почти не встречались, она бывала у нас только на праздники, в мой день рождения или в дни рождения моей жены, мамы. Просто в семейном кругу мы виделись очень редко, мы с братом больше общались.

Даже когда мы оба женились, мы без жен встречались и ходили куда-нибудь, просто по улицам гуляли, разговаривали. Несколько лет подряд мы с ним и с еще одним моим другом ездили отдыхать на зимние каникулы на две недели в Подмоскowie. Вот там мы, конечно, общались по полной программе. Слава очень любил зимние лыжи, впрочем, как и я.

— А в какое место ездили?

— Даже не вспомню сейчас. Это был дом отдыха Министерства сельского хозяйства, а ездили мы туда по Рижской дороге на такси. Место было очень хорошее.

В лабораториях устраивались политинформации; сотрудники вели непримиримую борьбу за путевки в санатории и дома отдыха. К праздникам дирекция выдавала продовольственные заказы, в которые входили сухая колбаса, шоколадные конфеты, баночка с икрой, красной или черной, баночка с печенью трески, пара банок сгущенного молока и прочий дефицит.

Регулярно институтским активистам удавалось заманить в актовый зал известных артистов. Весной 1980 года, незадолго до смерти, тут выступил Владимир Высоцкий. Те, кто присутствовал на концерте (билеты стоили по три рубля), говорят, что по виду его нельзя было сказать, что певец болен. Он шутил, балагурил, с надрывом пел, смеялся, выкладываясь на все сто процентов. Зрители с первых рядов видели выступающие у него на лице капельки пота. Певец их не вытирал, и они постепенно скатывались и падали на гитару. Но таким он был на сцене. За кулисами же до начала концерта двум фармакологам, кандидатам медицинских наук Маргарите Арнольдовне Ковлер и Маргарите Петровне Кругликовой, пришлось провести сеанс медицинской терапии, чтобы певец смог просто выйти на сцену. Приехавшему Высоцкому было очень плохо, и он попросил врачей вколоть ему лекарства. Это были никакие не наркотики, а вполне нормальные, хотя и не слабые, сердечные препараты, поэтому медсестры с удовольствием выполнили просьбу любимого артиста, певца и поэта.

Вскоре за Высоцким те же культмассовые активисты попытались пригласить и другую советскую эстрадную суперзвезду, Аллу Пугачеву. Гонорар ей был собран такой же, как и Владимиру

Семеновичу. Однако посланные на переговоры представители вернулись ни с чем. По их словам, Алла, узнав о сумме, сказала: «За такие деньги вам пусть Валька Толкунова воет». Кстати, Валентина Толкунова выступила в Институте витаминов, и вполне удачно. Побывали тут и Геннадий Хазанов, и Михаил Жванецкий; творческие вечера проводили Леонид Филатов, Евгений Леонов, Валентин Гафт и многие другие советские знаменитости.

Не принимать участия в засасывавшей всех общественной жизни института было просто невозможно. Даже максимально старавшийся от нее дистанцироваться Вячеслав Михайлович на рубеже десятилетий занимал в институте сразу две общественные должности: бригадира агитаторов и председателя общества Красного Креста. У меня нет информации о том, что он себя в них как-то особенно проявлял, будет правильнее сказать, что никак не проявлял, просто занимал, потому что кто-то их все равно должен был занимать, так почему не он? А вот Тамара, бывшая в своей лаборатории проффоргом, общественной работе отдавалась со всей страстью и присущей ей активностью. Обязанности свои она выполняла настолько хорошо, что в 1979 году ее признали одним из лучших проффоргов института и выдали талон на внеочередное приобретение автомобиля «Запорожец» в комиссионном магазине.

Конечно, «Запорожец» к числу престижных марок не относился. 40 лошадиных сил, максимальная скорость — 120 километров в час, две двери, двигатель сзади (как у Porsche), багажник спереди, что послужило поводом для множества анекдотов. В ряду общедоступных отечественных легковушек он занимал почетное четвертое место вслед за «Волгой», «Жигулями» и «Москвичом», дальше была только легендарная «инвалидка» СМЗ (кстати, и сам «Запорожец» нередко называли «инвалидкой»). Но все равно это была настоящая машина, с приобретением которой граждане переходили в элитную касту автомобилистов, коих в Союзе насчитывался 1% от народонаселения.

Тамара Ариевна Шапиро, жена Вячеслава Копелевича, Москва, июнь 2011 года

— Это был 1979 год. Мы получили талон на внеочередную покупку и вместе с братом Женей, который лучше всех нас раз-

бирался в автомобилях, поскольку у него уже были «Жигули» «копейка», поехали на огромное поле, где стояли «Запорожцы». Они были старые, уже использованные, до нового я, видимо, тогда еще не доросла. Вот, и мы ходили с ним выбирали, выбирали, ну и выбрали какой-то, более менее подходящий. Мы его взяли, но потом оказалось, что у него что-то плохо переключается. Кажется, скорость. Рычаг не держался и постоянно выключался. И мы, когда ехали на нем домой, папа со Славой ехал впереди, Слава вел, а папа держал эту штуку, где переключение скоростей, чтобы она не выключалась. Но потом мы этот рычаг починили и довольно долго этой машиной пользовались.

— А Вячеслав Михайлович тогда уже умел водить?

— Не очень, но умел. Он вообще не был таким уж хорошим водителем. Но он очень аккуратно ездил, и когда Женя, мой брат, уезжал из страны, он оставил свою машину нам. Это были уже «Жигули», значительно лучше чем «Запорожец». Потом мы эту «копейку» продали за 200 долларов и купили «пятерочку». Это была уже новая машина, и Слава ездил на ней долго, наверное, больше десяти лет. А потом купили Ford Fusion, но на ней Слава ездил всего год. Это хорошая была машина: там автоматическое переключение скоростей было, климат-контроль.

— Вы на ней не пробовали ездить? На автомате ведь легко научиться.

— Нет, у меня нервная система не выдержит такого. Все же нагло так ездят. Если бы я была помоложе, то, может, и подумала бы об этом, а так нет. Все ездят нагло, нахально, все стараются запереть как-то, подрезать. И вообще с машиной много хлопот. Ведь у нас даже тот «Запорожец» угоняли.

— Разве «Запорожцы» угоняли? Я помню, их хозяева как раз хвастали, что им за них можно не беспокоиться, это же не «Волга» и даже не «Жигули»...

— А вот представьте. Мы же всегда его во дворе парковали, напротив окон, гараж ведь не достанешь. Это была осень, кажется, 1986 года. Я утром выглянула в окно, смотрю, а нашей «чебурашки» нет. Позвала Славу, говорю: «Слава, кажется, у нас машину угнали!» Но он пока шел, я присмотрелась и вижу, она стоит у стены, только не там, где мы ее оставили. Ну, Слава побежал

на улицу, смотрит — машина открыта, а вся левая часть разбита. Фара разбита, бампер, крыло левое погнуто, багажник. То есть это, наверное, подростки полезли покататься, но не справились с управлением и, когда пытались проехать в арку, врезались в стену, бросили машину и убежали. Мы тут же вызвали ГАИ, а Слава написал заявление в страховую компанию на возмещение «в размере причиненного ущерба». Я точно не помню, но, кажется, нам так ничего и не выплатили.

— Конечно, насколько я помню, в СССР машины от угона вообще страховались сложно, а если и страховались, то обязательным условием было наличие гаража.

— Возможно, точно не могу сказать. Женя ее тогда долго ремонтировал. Ведь даже просто фару было сложно достать, надо было кучу денег переплачивать. И мастера, чтобы все выровнять и поставить, тоже были в дефиците. Но без машины нам уже было непривычно.

— Ну да, на работу в другой конец города...

— Не только, еще ведь мы на дачу ездили, пока мои родители живы были, хотя Слава ее не особенно любил. Иногда, когда надо было что-то достать кому-то, Слава целый день по Москве ездил. Вот когда первой жене Гарика, Ирине, нужно было антидепрессанты достать, Слава несколько дней по институтам мотался. Но не помогло. Сначала помогло немного, но потом она все равно с собой покончила. Ушла в лес, там наглotalась снотворного и уснула навсегда. Ее долго не могли найти.

— Гарик — это кто?

— А вы не знаете? Вам не говорили? Это двоюродный брат Славы Игорь Бунин, политолог.

Игорь Михайлович Бунин, политтехнолог, президент фонда «Центр политических технологий», генеральный директор информационного сайта политических комментариев «Политком.ру», Москва, июнь 2011 года

Пожалуй, Игоря Бунина должны вспомнить все, кто в эпоху перестройки был уже в сознательном возрасте. Тогда его имя гремело по всей стране наравне с другими известными демократами, Боровым, Артемом Тарасовым и так далее. Родившийся

в 1946 году в Риге, он в середине 1960-х приехал в Москву и поступил на исторический факультет МГУ. В Москве он, кстати, до того как получил комнату в общежитии, довольно долго жил у тети Риты, в Ольховском переулке. В 1970-м он окончил МГУ, а в 1973-м — аспирантуру при Институте мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) АН СССР. К концу 1980-х он подошел уже доктором политических наук и ведущим научным сотрудником Института сравнительной политологии и рабочего движения АН СССР. В середине 1990-х его называли «гуру и лидером всего политологического цеха». Один из первых российских политтехнологов, эксперт «Горбачев-Фонда», директор Центра предпринимательских исследований «Экспертиза», он в 1993 году стал генеральным директором, а в 2007-м — президентом фонда «Центр политических технологий». В каком качестве пребывает и сейчас.

К сожалению, его телефоны, которые оставались у Тамары Ариевны, уже давно не работали. Поэтому доставать контакты пришлось самому. Попытки связаться с Игорем Михайловичем по электронной почте, адрес которой указывался на сайтах «Политком.ру» и Центра политических технологий, успеха не имели. Возможно, до Игоря Михайловича послания и не доходили, отсеиваемые на подступах к начальнику бдительными секретарями. К телефонам в приемной и в редакции либо никто не подходил, либо Игоря Михайловича не было на месте. Но я был бы плохим журналистом, если бы через цепочку знакомых не достал прямой мобильный телефон под обещание не говорить, кто его дал.

При первом звонке Игорь Михайлович, узнав о цели, попросил перезвонить назавтра, часов в 11 утра, когда он будет в машине и у него будет время для разговора. Времени потребовалось немного — около пяти минут:

- Игорь Михайлович, вы родились в Риге, Вячеслав Михайлович в Москве, скажите, когда вы первый раз с ним встретились?
- Еще в самом детстве, когда мы приезжали в Москву к тетке.
- Скажите, каким был Вячеслав Михайлович в детстве?
- Ну, вы знаете, у нас большая разница в возрасте, лет 10, и я жил в Риге, он жил в Москве, в общем, я по этому поводу ничего не могу сказать. Это был такой типичный интроверт.

— Когда вы переехали в Москву, поступили в МГУ, вы чаще стали с ним встречаться?

— Нет, очень редко. Только когда тетя Рита, его мама, собирала родственников у себя. Ну знаете, там праздники всякие, дни рождения и так далее. Скажите, а что случилось, почему вас это так интересует?

— Он умер полтора года назад.

— Это я знаю.

— Ну вот, а меня попросили написать про него книгу.

— А, вот оно как... Я не могу сказать, что дам вам много информации, но давайте продолжим.

— Вы известный политолог, с вашей точки зрения, Вячеслав Михайлович насколько был политичен или, напротив, аполитичен?

— Не могу ничего об этом сказать. Политологом я стал уже в постсоветское время, когда мы с ним уже практически не общались. Так получилось, что у каждого была своя семья, своя жизнь. Один или два раза встретились, поэтому сказать, насколько он был политичен и как вообще относился к политике, не могу. Как любой нормальный интеллигент, он был настроен не очень приязненно к Советскому Союзу. Я так думаю, но никаких доказательств у меня нет. Обратитесь к его старшему брату, он в Штатах сейчас живет, он его хорошо знает, понимает, чувствует. Я мало что могу рассказать. Это был умный интровертный юноша, который хорошо учился, занимался химией, больше ничего не знаю.

— Когда вы встречались, легко ли было с ним общаться?

— Он был интровертом. Такой хороший, нормальный интроверт, с которым можно было поговорить. Но так получалось, что у нас было не так много общих тем, потому что я человек другого возраста. Раньше я для него был маленьким мальчиком, а потом наши пути разошлись.

— Понятно, спасибо большое.

— Не за что, извините, что не могу больше ничего рассказать. Если вы Вите позвоните, то многое узнаете, он его хорошо знал, они вместе росли. Я даже не знаю, к кому из родственников можно еще обратиться. Был дядя, который его хорошо знал, но он умер. Позвоните Вите.

Виктору я позвоню обязательно, только чуточку позже. Пока же мне надо вернуться в начало 1980-х.

МОСКВА, НПО «ВИТАМИНЫ», СЕНТЯБРЬ 1982 ГОДА

Это был даже не листок, а пол-листка очень плохой, дешевой, желтой полупрозрачной бумаги. Только напечатанная типографским способом шапка в левом верхнем углу указывала на то, что на самом деле эта бумажка являлась официальным бланком Дзержинского телефонного узла Московской городской телефонной сети. Текст на бланке отпечатан под копирку. Буквы угадывались с трудом, копия явно не вторая и даже не третья, а, скорее всего, пятая или шестая. Понятно, что машбюро организации производило такие «бланки-шаблоны» пачками, руководителю же оставалось только вписать в нужном месте нужные фамилию, адрес, номер телефона и расписаться. Хотя, скорее всего, он и этого не делал, доверяя сию рутинную процедуру помощникам. Текст в бумажке был лаконичен, а смысл предельно понятен и не допускал параллельных толкований:

«Тов. Копелевич В.М.

Адрес П-Корчагина 10-80

На Ваше письмо Дзержинский телефонный узел сообщает, что переключить телефон № 2826605 на отдельную линию не представляется возможным по техническим причинам.

Начальник ДТУ Галкин Ю.Н.»

Вячеслав перечитывал пришедший утром ответ на просьбу о распаривании телефона уже в пятый раз и все больше и больше раздражался. Это был, конечно, никакой не ответ, а самая настоящая отписка в наихудшем бюрократическом смысле этого слова.

Проблемы возникли почти сразу после переезда на новую квартиру, в июле. В один из вечеров Тамара подняла трубку телефона и не услышала в ней заветного гудка. В сердце вкралось неприятное предчувствие: ладно, если это просто аппарат сломан или линия оборвалась, а если... Самые худшие опасения оправдались спустя полчаса, когда аппарат «отвис» и Тамаре удалось дозвониться до своей старой квартиры, где теперь обосновались бывшие здешние жильцы.

— А что вы хотите? — сразу поспешила возмутиться женщина на том конце провода. Тамара сразу представила, как она, грузная, огромная, как языческая каменная баба, стоит в бывшей ее прихожей с «Примой» в зубах и радуется тому, что смогла хоть немного досадить партнерам по обмену. — Вы нашу квартиру почти за копейки взяли, за бесценок, так еще хотели, чтобы телефон был отдельный? Нет, дорогая моя, спаренный.

— Но почему вы не сказали?

— Так вы не спрашивали. Да и что бы изменилось? Вы бы отказались или еще цену сбросить постарались бы? Нет, вам же все за копейки досталось, а мы теперь в вашей комнатухе ютимся. Так что спаренный, моя дорогая.

— Но с какой квартирой?

— С 90-й.

— Так это же коммуналка!

— Коммуналка, там три семьи живут, восемь человек.

— Разве с коммуналкой можно спаривать?

— Ой, вот это вы меня не спрашивайте. Мы люди маленькие, шоферы, нам этот телефон и не нужен был особо. Мы все больше на работе, на колесах. Это вы у нас интеллигенция, вам звонить надо, докладывать, а нам без него и спокойнее было. Так что вам надо — звоните, пишите, выясняйте, может, и добьетесь чего. Я вам тут ничем не помогу.

Уже через пару дней Слава написал письмо начальнику телефонного узла, в котором указал, что он является старшим научным сотрудником научно-производственного объединения «Витамины» и «по роду своей деятельности связан с непрерывным химическим пожаро- и взрывоопасным производством, в связи с чем часто возникает необходимость срочной связи с заводом во внеслужебное время». В связи с вышеизложенным Вячеслав Михайлович убедительно просил по рассмотрении заявления распарить телефон и установить индивидуальный номер. Написанное письмо было отдано на суд Тамаре.

— А про меня почему не написал? — обиженно спросила жена. — Мне тоже телефон нужен.

Это было разумно. Любому понятно: чем больше будет приведено доводов в пользу какого-нибудь разумного решения про-

блемы, тем больше шансов, что проблема будет решена разумно. Слава взял бумагу и сделал вставку, в которой объяснил, что его жена, Т.Д. Шапиро является руководителем патентного подразделения объединения «Витамины», которое обслуживает предприятия отрасли, находящиеся в различных городах страны с разными часовыми поясами, поэтому ею часто ведутся служебные разговоры в утренние или вечерние часы. Немножко подумав, он добавил в самом конце: «Если возможно сохранить наш старый номер телефона, учитывая, что мы проживали на той же улице, то мы будем Вам весьма признательны».

На следующий день утром он вложил конверт с заявлением в пасть синего почтового ящика, висевшего напротив станции метро. Ждать ответа пришлось долго, больше месяца. И вот наконец вчера он пришел.

— Да они наше письмо и не читали, — сразу заключила Тамара, пробежав полулисток глазами. — Слава, неужели ты не понимаешь? Их там такими письмами не возьмешь. Им надо показать, что мы тоже не лыком шиты, что мы законы знаем, что коммунальные квартиры спаривать нельзя. Порезче написать, а то ты там так вежливо, «просим Вас», «рассмотрите и примите», сюсю-пусю. Они такой язык не понимают, с ними когда по-хорошему, они и вообще на шею сядут. Напиши им еще и не попроси, а потребуй.

Новый текст рождался в муках. Наконец Слава протянул жене три исписанных листа. Тамара взяла их, поднесла к настольной лампе и начала читать:

— «Уважаемый товарищ Галкин... » Какой он уважаемый товарищ? Хам и бюрократ. Так и напиши: «Уважаемый бюрократ Галкин!»

— Тома, так не пишут...

— Да ладно. Не пишут, а надо писать. Надо честно писать. А то мы им «уважаемый товарищ», а они нам отписку «не представляется возможным». «По техническим причинам». Будто мы не знаем их «технические причины». Им эти «причины» в конвертах заносят, и сразу «представляется возможность». Вот он тебя «уважаемым» не назвал, просто «товарищ Копелевич». Давай и мы тоже просто напишем «товарищ Галкин», без «уважаемый».

— Тома, давай не будем опускаться до его уровня. Мы представители науки, интеллигентные и культурные люди. Он пусть как хочет пишет, а мы будем писать так, как должны писать интеллигентные, культурные люди.

— Если бы он еще это понимал. Ну ладно, пусть. «Получил от Вас (или от Вашего ведомства) ответ на мое письмо с просьбой о переводе моего телефона на отдельную линию. На мой взгляд, Ваш ответ является хорошим примером формального отношения к письмам трудящихся и скорее всего указывает на то, что письма вообще не читали». Не на «мой взгляд», а вообще, не «ответ», а отписка. «Поэтому кратко изложу все обстоятельства. После обмена квартиры с индивидуальным телефоном у меня оказался номер телефона, спаренный с коммунальной квартирой, в которой проживают 3 семьи в количестве 8 человек. По роду работы мне необходимо иметь возможность срочной связи с предприятиями химической промышленности во внеслужебное время, о чем подробно написано в моем письме. По-видимому, Вы не обратили внимание на это обстоятельство. По известному мне правилу спаривание с коммунальной квартирой не разрешается, а если это сделано, то распаривание производится в первую очередь. Ссылка на мифические технические причины никак не может меня удовлетворить». Это хорошо, правильно. «Мне известно, что технические возможности телефонной службы нашего города достаточно велики, чтобы осуществить такое несложное дело, как распаривание номера телефона. В связи с вышеизложенным убедительно прошу Вас вновь вернуться к рассмотрению моей просьбы и ответить мне по существу вопроса с учетом представленных в нем аргументов». Опять «убедительно прошу»? Надо не «прошу», а «настоятельно требую».

— Тома, так не пишут. Он хам, но мы не должны скатываться до хамства.

— Ну ладно. Но надо еще, чтобы Гунар ходатайство написал от института. Ты к нему завтра зайди.

И вот теперь старший научный сотрудник Института витаминов, руководитель группы Вячеслав Копелевич сидел за своим столом и смотрел на большие круглые электрические часы, висевшие прямо над дверью. Он твердо решил пойти к начальству

ровно в полдень. Наверное, разумнее было бы идти после обеда, но Славе ждать не хотелось, хотелось решить все побыстрее, получить необходимое ходатайство от руководства, в котором будет написано, что советским ученым для нормальной работы просто необходима нормальная телефонная связь. Гунар — это величина. Директор института, член Черемушкинского райкома партии, председатель районной комиссии по науке. В принципе, он, кандидат наук, мог легко вызвать на ковер, скажем, вице-президента Академии наук академика Овчинникова, состоявшего в Черемушкинской партийной организации, и устроить проверку его института. Конечно, он этого не делал, но теоретически сделать мог. Против него никакой Галкин со всем его телефонным узлом не устоит. Жаль, конечно, что Дзержинская АТС не имела отношения к Черемушкинскому району, но все равно авторитет такого человека должен сделать свое дело.

Наконец большая и маленькая стрелочки часов слились в один вертикальный, направленный строго в потолок вектор. Вячеслав встал, взял бумаги и, не говоря никому ни слова, вышел из кабинета.

Искать директора по институту не пришлось. Он сидел в своем кабинете за массивным дубовым столом и как-то устало глядел на вошедшего сотрудника.

— Вячеслав Михайлович? Это хорошо, что вы пришли, я к вам хотел подойти поговорить, а вы сами пришли. Это хорошо.

Слава хоть и подробно, но довольно быстро изложил свою проблему. Владимир Иванович в это время медленно перебирал и осторожно просматривал бумаги — копию первого заявления, ответ и новое заявление, в конце которого было заранее приписано: «Ходатайство дирекции объединения «Витамины» прилагается».

— Владимир Иванович, я думаю, что вам несложно будет написать короткое требование, тем более что это важно не только для меня, но и для института, — Слава закончил свое объяснение и замолчал, ожидая ответа.

На несколько секунд, в течение которых директор продолжал разглядывать разложенные по столу бумаги, в кабинете повисла тишина.

— Да вы садитесь, — не поднимая глаз, проговорил Гунар, жестом показывая на стул, — что стоите-то?

Вячеслав Михайлович немного отодвинул стул и сел, положив правую руку на стол.

— Вы вот мне бумаги эти принесли, — наконец произнес Гунар. — Мы это все, конечно, решим, письмо вам напишем. Но вот мне вчера другую бумагу принесли, и я не знаю, что с ней делать. Хотел к вам сегодня подойти, спросить, может, вы подскажете...

Директор открыл ящик стола, вытащил из него листок и, не глядя, передал его Славе.

«Докладная, — прочитал Слава. — Довожу до вашего сведения, что ст. науч. сотр. лаб. гетероц. соед. В.М. Копелевич 29 августа ушел из института, не сообщив об этом непосредственному сотруднику Мариевой Т.Д. и табельщице лаборатории, а также не отметил своего ухода в книге ухода. Он был необходим Сорокиной Г.Д., которая его нигде не нашла. В ОНТИ³⁸ Сорокиной сказали, что он будет только в понедельник». Подписи под докладной не было, видимо, Владимир Иванович специально попросил секретаршу сделать анонимную перепечатку, чтобы уже ее предъявить обвиняемому.

— И кто это написал? — Слава вернул бумагу директору.

— Да какая разница.

— Я знаю, кто это написал.

— Ну и что тогда спрашиваете? Вячеслав Михайлович, ведь это уже было. В прошлом году. Ровно год назад. Я тогда вынужден был выехать у вас из зарплаты за два дня прогулов.

— Это же не были прогулы, я же все показал. Я работал в библиотеке, уточнил библиографические данные по нашей с вами статье о меченом пантетине и его аналоге и отредактировал текст нашей авторской заявки по получению фосфатных производных. Там же и отметки были сделаны, в библиотеке.

— Да при чем здесь отметки? Вячеслав Михайлович, ну как вы не понимаете... Я же к вам очень хорошо отношусь, все условия вам создаю, ничем лишним вашу группу не загружаю, только

³⁸ ОНТИ — отдел научно-технической информации.

работайте. Занимайтесь тем, чем ученые должны заниматься. И даже больше. Я же вот знаю, что вы две статьи дали, а меня в соавторы не поставили, хотя все, что исходит из нашего института, должно проходить через меня.

— Владимир Иванович, я хотел...

— Да я не против, не против я. Знаете, когда число публикаций заходит за 200, тут уже не важно, 201 или 203. Если хотите, можете и мою работу опубликовать без моего участия, я только рад буду, что дело продвигается. Можете опубликовать — публикуйте. Не в этом дело. Но вот с этой бумагой мне что теперь делать?

— Владимир Иванович, я тогда к врачу вынужден был поехать. У меня была сильная головная боль, головокружение и тошнота. Я два раза пытался к вам зайти и сказать об этом, но секретарь сказала, что вы заняты, можете у нее спросить. Справку я вам принесу.

— Это само собой.

— А что делать... Я могу это время отработать. Когда скажете.

— Скажу. А пока идите и напишите объяснительную. И смотрите, вы же сами знаете, с кем работаете. Будьте аккуратнее. Напишите объяснительную. И сразу ходатайство. Вы с какого года работаете?

— С 62-го.

— Вот, что с 62-го года работаете, что свободный телефон нужен для срочной связи. Напишите от моего имени и от Козлова и отдайте секретарше. — Эдуард Козлов был замом директора по науке. — Пусть отпечатает, а мы подпишем. И, главное, объяснительная, чтобы я эту бумагу прикрыть мог. Вячеслав Михайлович, вам же уже больше сорока, а вы все как ребенок.

— Это Мария Васильевна написала?

— Ну, я вам этого не говорил...

— Владимир Иванович, ну вы мне можете объяснить, вот что ей надо? Ну что это за филиал отдела кадров? Она же всех в лаборатории уже замучила своими докладными. И ведь химик из нее никакой.

Гунар усмехнулся.

— Вот потому, что она в химии не соображает, она на других фронтах и... работает. Потом, какая разница, она не напишет — другой напишет.

И это же надо было встретить Марию-доносчицу в коридоре, по пути обратно в лабораторию!

— Вячеслав Михайлович, — окликнула она Славу, — вас Марина искала. У нее вопрос по этому, по коферменту был вопрос.

Слава вздрогнул, будто сраженный какой-то неожиданной идеей, посмотрел сквозь Марию Васильевну куда-то вдаль и, ничего не ответив, пошел дальше.

Придя в лабораторию и сев за стол, он открыл тетрадь с черновиком статьи о синтезе и изучении зависимости между структурой и активностью в ряду биопредшественников Кофермента А и задумался. Статья была интересная и важная. Она содержала принципиально новую информацию, которая раньше была спрятана в химических дебрях, но Слава вместе с пятью соавторами ее нашли, вытащили на свет божий, и теперь она начнет работать на благо цивилизации. В этом состояла цель нормальных химиков: поиск новой информации, ее структурирование, унификация и передача на службу человеку. А какая цель у Марии, когда она пишет свои докладные? Остановить работу лаборатории, заставить всех нервничать, показать свою важность? Но зачем?

Вячеслав достал из кармана маленький блокнот, открыл его и записал: «При нарушении равновесия между прогрессом и регрессом вопрос выбора места приложения силы превращается из унитарного в определяющий».

СТРАННЫЕ СТРАНЫ

До начала 1980-х годов Страна Советов жила как в сказке о спящей царевне. С той только разницей, что царевны не было и спасти людей, томившихся в сонном царстве, простым поцелуем за отсутствием объекта поцелуя было объективно невозможно. Зато начиная с 1982 года ее просто залихорадило. Пока еще сквозь сон, но сон этот постепенно проходил. Высшее руководство менялось на глазах, кого-то сажали, кто-то стрелялся, одна кампания сменялась другой, вслед за «укреплением трудовой дисциплины», когда «тунеядцев» вылавливали на дневных киносеансах, пошла «борьба с нетрудовыми доходами», непостижимым образом вылившаяся в ограничение продажи хлеба жителям сел и деревень. Неожиданно выяснилось, что последние откармливали дешевым хлебом свиней, а потом продавали эту выращенную на государственных хлебах свинину на рынках, бывших чуть ли не рассадниками дикого капитализма.

В страну прилетела милая американская девочка Саманта Смит, просто покоровившая всех совграждан своей улыбкой и искренностью. Арестованы и расстреляны директор «Елисеевского» гастронома Соколов и директор Дзержинской плодоовощной базы Амбарцумян, арестованы и посажены в тюрьму на срок от 8 до 15 лет 174 высокопоставленных представителя торговой администрации, в числе которых оказались начальник главка торговли Мосгорисполкома Николай Трегубов и директор ГУМа Борис Тверитинов. Не дожидаясь ареста, покончил с собой директор «Смоленского» гастронома № 2 Сергей Нониев. 15 лет тюрьмы уже по другому, «брильянтовому», делу получил директор Союзгосцирка Анатолий Колеватов, дочь которого дружила с Галиной Брежневой. По делу сети магазинов «Океан» расстрелян заместитель министра рыбного хозяйства СССР Владимир Рытов, а самого министра Алексея Ишакова отправили на пенсию, заставив отдать в казну 260 тысяч рублей доказанных взяток.

Институт, хоть и отраслевой, это не магазин. А витамины совсем не похожи на черную икру, буженину и мандарины. Но на всеобщей волне покачивать стало и это научное учреждение.

**Владимир Иванович Гунар, доктор химических наук,
март 2011 года**

— Развал витаминной промышленности начался еще в конце 1970-х годов. Раньше, когда вы организовывали производство, вы были обеспечены сырьем, оборудованием и вообще всем необходимым. Это делалось в централизованном порядке. Для того чтобы произвести витамин С, необходима глюкоза, для другого витамина что-то еще необходимо и так далее, и это все обеспечивалось централизованно, на государственном уровне. Ну, по крайней мере, в приказном порядке. Потом, когда в начале 1980-х годов эта система начала разваливаться, уже никто ни за что не отвечал. Я 10 лет занимался витамином В₆, и вот ко мне приходит документация, в которой указываются плохие количественные показатели по производству. И что? Нет у меня сырья по 10 рублей, так я куплю за 20, и долгое время это так и было. А потом хватились, сырье исчезло, оборудование тоже, и стало все рушиться. Я подозреваю, что вообще, вольно или невольно, этому процессу у нас в России содействовали иностранные фирмы. Хотя они нас особенно за конкурентов не считали, мощности не те были.

В 1986 году мы в институте готовились отпраздновать полувековой юбилей, подготовили материалы по истории ВНИВИ. Я ходил по этому поводу в ЦК партии, и мне там очень доходчиво разъяснили, что нам не повезло с годом рождения. В 1936 году было создано так много предприятий, и гораздо серьезнее нашего, что на все юбилей денег просто нет. Я надеялся, что хотя бы орден какой-нибудь дадут, но и этого не получилось.

Некоторое время институт все еще продолжал развиваться по восходящей. В 1984 году Вячеслав Михайлович в очередной раз выехал за границу. В Чехословакию, на 8 дней. Опять по линии «научного туризма» — для участия в симпозиуме по химии гетероциклических соединений и компонентов нуклеиновых кислот. На этот раз в характеристике особым плюсом старшего научного сотрудника Копелевича В.М. стояло регулярное посещение семинара «Международное коммунистическое движение в борьбе за мир, демократию, национальное движение

и социализм». В 1985 году работа Вячеслава Михайловича по внедрению в производство, а стало быть, и в жизнь, новых медицинских препаратов была отмечена Бронзовой медалью ВДНХ. В 1987-м на Московском экспериментальном витаминном заводе запустили производство «Пикамилона». Ноотропные препараты стране тогда нужны были не меньше, чем продукты. «Пикамилоном» и «Пантогамом» лечили даже психические расстройства у чернобыльских ликвидаторов, и практика показала, что с этой задачей они справлялись совсем не хуже, а порой и лучше импортного «Пирацетама» (более известного как «Ноотропил»).

В ноябре того же 1987 года коллектив сотрудников НПО «Витамины», в число которых входили (привожу в том же порядке, в каком соавторы были пропечатаны в Почетной грамоте) В.М. Копелевич, Л.Н. Буланова, Р.П. Кругликова, М.А. Ковлер, Р.С. Мирзоян, А.П. Гришина, В.М. Авакумов и В.И. Гунар, получил за свою работу вторую премию на конференции, посвященной 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции. В 1989 году производство «Пантогама» на Уфимском заводе достигло максимального уровня — 8,5 тонны. Если принять во внимание, что в одной таблетке его было 250 мг, то 8,5 тонны — это 34 000 000 таблеток, 680 000 упаковок по 50 таблеток в каждой. К тому времени его производство было налажено еще на одном производственном предприятии НПО «Витамины» — бийском заводе «Алтайвитамины». В том же году Вячеслав Копелевич получает еще одну награду ВДНХ — на этот раз уже серебряную.

Андрей Георгиевич Мойсеенок, апрель 2011 года

— Кое-где были у нас и промашки, кое-что мы со Славой недоработали. В 1989 году мы высказали и непростительно пропустили одну интересную идею. Копелевич, мне кажется, тогда особенно обрадовался этой находке. Мы уже поняли, что пантотенат — хороший носитель, но еще не до конца поняли почему. Пантотеновый радикал является хорошим носителем чего-то другого. Пантотеновая кислота, пантенол — это масла, такие беленькие прозрачные масла. Но если вы опустите их в чай, они тут же растворяются! Значит, в этом случае мы имели дело

с чрезвычайно редкой комбинацией, когда препарат был одновременно жирорастворимым и водорастворимым. Слепить такие качества в одной форме — целая проблема, но эффективность их усвоения очень велика. Пантотеновая кислота у нас получилась в качестве растворителя, оставаясь при этом фармакологически, биологически активным веществом.

Идею эту мы опубликовали в книжке. Мы не переводили ее на английский, но те, кому надо, ее внима-а-ательно прочитали. Сразу после этого начался настоящий бум шампуней! Я уверен: это от Славы Копелевича пошло, где-то он обронил эту идею. У нас в Бресте тогда началось производство шампуней, мы думали над их рецептурой и хотели туда капнуть пантенол, но в тот момент у нас не было своего препарата. А это была идеальная форма. Я не могу дать голову на отсечение, что эту идею у нас украл, но это было развитие именно нашего дела. Знаете, «Пантин ПроВи» до сегодняшнего дня мне режет глаза. Многие фирмы, особенно Genopharma³⁹, мощнейший производитель, имея со мной контакты, отслеживают наши работы. Они нам бесплатно дают препараты, но не деньги. В какой-то момент они написали, что у них нет интереса работать с нами по расширению показаний по клиническому применению пантотеновой кислоты.

Мы с Копелевичем успели провести в 1989 году симпозиум по производным пантотеновой кислоты, точнее, по одной из форм, к которой у нас был совместный интерес. У нас еще в 2000-е годы появился целый ряд новых идей. По крайней мере 2—3 из них были абсолютно реальными. Но появление шампуней «Пантин ПроВи» и высокий интерес к ним, особенно в Европе, совершенно точно связаны с утечкой наших соображений. Но, конечно, сейчас это уже недоказуемо.

Когда настали 1990-е годы, работать стало сложнее, но мы не прекращали наших контактов. Мы тогда уже были очень сильно повязаны друг с другом. У меня продолжался роман с пантотеновой кислотой. Книжки о ней печатал, одну мы с Вячеславом Михайловичем вместе написали. Первую я издал, когда был пантотеновый симпозиум, а в 1980 году я написал очень подробную

³⁹ Genopharma — индийская фармацевтическая компания.

книжку — вот эта пантотеновая кислота, вот с чем ее едят, вот какие перспективы. И все были очень удивлены, что про это можно так много и довольно популярно написать. Мы тогда начали работать с фосфопаном, и ближе к концу 1980-х годов у нас уже вместе с Копелевичем совместная книжечка вышла. Это было научное издание, выпущенное нашей Академией наук.

Из-за всех этих дел он меня обставил и в 1991 году защитил докторскую! А я все тянул резину. Я пускал вперед своих учеников, потому что тогда у нас было очень странное положение в ВАКе. Если кто-то защитился, то второму уже нельзя было этот материал использовать. Поэтому я никак не мог стать доктором биологических наук. Уже мой ученик стал доктором медицинским по фармакологии пантотеновых производных, в Москве защищался. А Копелевич стал доктором химических наук.

Все в жизни движется вокруг общих центров, время от времени расходясь и вскоре опять сближаясь. На защите докторской диссертации Вячеслава Михайловича Копелевича оппонентом выступала заместитель директора Института по изысканию новых антибиотиков им. Г.Ф. Гаузе, руководитель лаборатории химической трансформации антибиотиков, доктор химических наук, профессор Мария Николаевна Преображенская, старшая дочь учителя Вячеслава Михайловича профессора Николая Алексеевича Преображенского. А чуть позже уже сам Вячеслав Михайлович будет оппонировать на защите докторской диссертации сотрудника Института антибиотиков Юрия Васильевича Ждановича. Сына Екатерины Степановны Жданович, научного руководителя Копелевича.

Но все это происходило уже в совершенно новой и пока абсолютно непонятной стране. Государственная поддержка института сократилась до минимума, средняя зарплата в нем упала до 86 рублей. И это в условиях галопирующей инфляции. Ведущий научный сотрудник, а после защиты Вячеслав Михайлович был утвержден научным советом именно в этой должности, получал немногим больше. В институте стали появляться новые лица, никак не связанные с витаминами. Сдавая помещения в аренду, директор всеми силами старался хоть как-то решить проблему

недофинансирования. Впрочем, в первую очередь аренда предоставлялась сотрудникам института, если они желали открыть свое дело.

В 1989 году группа местных ученых-химиков, старшим из которых был давний знакомый Вячеслава уроженец Ленинграда кандидат химических наук Исаак Григорьевич Гитлин, организовала во ВНИВИ научно-производственный кооператив «ЭХО». Название писалось тремя большими буквами и, в принципе, по правилам русского языка кавычек не требовало, поскольку являлось аббревиатурой. Сам Гитлин защитил диссертацию по электрохимии органических соединений, имел в этой области множество наработок, на которые в своей деятельности большей частью опирался, и назвал свою фирму он по любимому процессу — электрохимическому окислению. Именно на нем была основана одна из стадий синтеза аскорбиновой кислоты, который ученые наладили на базе опытного институтского цеха. Располагался он в отдельном одноэтажном здании площадью 1200 квадратных метров. Первый продукт был выбран исключительно верно: аскорбинка, она же витамин С, всегда пользовалась у народа исключительным спросом. Все, кто родом из СССР, прекрасно помнят большие цилиндрические конфетоподобные упаковки с десятком гигантских сладко-кисленьких белых таблеток внутри, которые школьники покупали в аптеках по несколько штук. Не потому что полезно, а потому что дешево и вкусно. Популярностью аскорбиновая кислота пользовалась и у военных, которые сдабривали ею скудный солдатский компот, и у гражданского населения, не особенно избалованного фруктами и сладостями. Поэтому дело пошло хорошо, и гитлинский коллектив двинулся дальше.

Ученые-кооператоры, не без помощи относившегося к ним весьма благожелательно директора Гунара, наладили связи с Уфимским витаминным заводом, организовали в опытно-промышленном масштабе синтез триметилгидрохинона — одного из основных компонентов в производстве витамина Е, — усовершенствовали синтез простагландинов, производных ряда витамина D и других биологически активных веществ. И, наконец, получили лицензию на выпуск «Пикамилаона» — препарата, который

Копелевич создал еще в начале 1970-х. Однако права на препарат принадлежали не ему, а институту, поэтому сам Копелевич от этого производства ничего особенного не получил. Кстати, компания, в 2002 году перерегистрировавшаяся в ЗАО «НПК ЭХО», производит его и по сей день, правда, по улучшенной технологии и под другим названием — «Пиканоил». Производит, несмотря на трудности, с которыми она столкнулась в середине первого десятилетия нового, XXI века. Хотя, конечно, трудности были всегда, в том числе и тогда, в начале 1990-х.

Тогда, в эпоху перемен, в той или иной степени тяжести и весомости они были у всех. И каждый решал их по-своему. Ученые, по большей части, старались уехать из этой сумасшедшей страны политического беспредела и экономического хаоса за границу, туда, где люди жили спокойно и благополучно. И тут как раз многим сильно помогало то, что раньше сильно мешало, — пресловутый пятый пункт почти любой советской анкеты (1 — фамилия, 2 — имя, 3 — отчество, 4 — число, год и место рождения), называвшийся просто и как-то неоригинально — «национальность». Первым из родственников Вячеслава и Тамары на рубеже десятилетий уехал по маршруту Москва — Вена — Рим — Сан-Франциско брат Тамары Женя. В 1992 году непонятно какую страну, то ли СССР, то ли Россию, покинул старший брат Вячеслава Виктор. Через некоторое время он забрал в США маму, Риту Яковлевну. Очередь была за Вячеславом.

Виктор Михайлович Копелевич, брат Вячеслава Михайловича Копелевича, июнь 2011 года

- Как получилось у вас тогда уехать в США?
- Как вам сказать, вообще путь был обычный, заявление на отъезд в Израиль. А дальше была уже прямая дорога из Вены. Хотя мы ехали по-другому, мы немножко опоздали. В 1989 году с 1 сентября закрыли выезд в Америку для тех, кто подавал документы в Израиль. Мы подали заявления в Израиль раньше, но получили разрешение уже после 1 сентября.
- Не успели.
- Да, мы не успели уехать общим путем, хотя изначально предполагали именно так. И мы уехали позже, но сразу в Америку,

напрямую. У жены моей, Инны, было приглашение на работу в музыкальном бизнесе. Она работала переводчицей с довольно известным американским импресарио, специализировавшимся в области кантри, он и помог нам получить такое приглашение. И мы приехали в Америку, в город Нэшвилл, центр музыки кантри, где и живем уже больше 20 лет.

— Вам в США понравилось?

— Как вам сказать... Я, честно говоря, сюда не очень рвался, тут больше жена действовала. Жена у меня в этом плане очень активная была. Для меня главной причиной отъезда был внук, я не хотел, чтобы он оставался в Союзе. Конец 80-х, страну лихорадило, все ждали еврейских погромов, это было ужасно, и я не хотел, чтобы мой внук рос в такой обстановке. И я нисколько сейчас не жалею.

— Слава почему не уехал?

— Он тоже хотел уехать, у него уже было разрешение на выезд. У Тамары здесь брат уже жил, и он им сделал приглашение. Не уехали они только по одной причине. Здесь Слава не смог бы работать профессором, здесь ему светила только должность лаборанта, а для него это было неприемлемо. Мне, в принципе, совершенно все равно было, кем работать, а ему нет. И он хотел уехать после того, как наступит пенсионный возраст, то есть 55 лет. В 1993 году он наступил, но к тому времени его право на отъезд уже просрочилось.

— Брат приезжал к вам в США?

— Три раза, по три недели. И то, он не у меня все три недели был, а неделю у брата жены, в Калифорнии, и две недели здесь. Тут город небольшой, смотреть особенно нечего, там интереснее.

— Но начало перестройки вы все-таки встретили в СССР. Как ее воспринял Вячеслав Михайлович?

— Поначалу, как почти все в СССР, хорошо. Я думаю, даже не думаю, а знаю, что падение Советского Союза он воспринял с воодушевлением и с энтузиазмом. Ну а когда пошли лихие 90-е, то, конечно, энтузиазма поубавилось. В ту пору я и вывез сюда нашу маму. Может, это помогло ей прожить еще несколько дополнительных лет и оставить мир уже в очень солидном возрасте — в 91 год.

Тамара Ариевна Шапиро, жена и подруга Вячеслава Михайловича Копелевича, июль 2011 года

— Сначала за границу уехала дочь брата Славы Виктора. Она вместе с мужем уехала в Израиль. Мы со Славой и со свекровью были у нее в гостях в 1991 году. А потом 19 лет назад уехали и Виктор с Инной. Инне было проще, она здесь преподавала на курсах английского языка, была синхронным переводчиком на фестивалях, ездила с какими-то оркестрами на фестивали по всему Советскому Союзу. Она язык знала хорошо, так что ей было полегче, а вот Виктор уехал, не зная ни одного слова по-английски. Сейчас он немножко знает, и то не очень хорошо. В школе-то он учил немецкий. Я учила английский, и то уже совершенно забыла, наверное, ни одного слова сейчас не вспомню. Но он сейчас что-то говорит, общается, работает.

— Логично было бы и вам вместе с ними уехать.

— Мы могли уехать, но решили этого не делать. Слава был химик, а химик может работать только в лаборатории. Я перешла из лаборатории в патентный отдел. Вернее, он назывался не патентным, а научно-информационным, но я занималась именно оформлением патентов и авторских свидетельств, оформлением авторских прав и так далее. Но ушла из лаборатории, потому что заболела. У всех, кто работает в химической лаборатории, обязательно что-то болит. Во-первых, вы стоите целый день у стола, сидеть мало приходится, и потом, вы дышите этим всем, что делается, какие бы мощные вытяжки ни стояли. Вот у меня обоняние совсем потеряно. А эмигранту никто работу в лаборатории не дал бы.

— Ну, не обязательно работать в лаборатории.

— А какую работу можно еще найти? Мы просто побоялись, так как много теряешь в своем статусе, когда переезжаешь, все приходится начинать заново. Вот мой брат тоже эмигрировал, здесь он был заведующим лабораторией, а когда приехал в Италию, сначала вообще работал на стройке. Хорошо, что у меня брат очень энергичный, в отличие от меня, деловой очень. Когда Женя приехал в Америку, он долго не мог никуда устроиться, и он чинил машины, так как в этом хорошо разбирался, проводил газ людям. Потом один клиент устроил его в фирму к поляку,

который своих рабочих, таких же эмигрантов, эксплуатировал совершенно нещадно. Но вообще я смотрю, все, кто помоложе был и уехал, все там устроились. Вот мой брат, ему 68 лет, и он еще не на пенсии.

— Но вы так и не решились.

— Нет. Как-то страшно было, хотя можно было бы уехать. И родители были старые, как их оставить? Понимаете, это все сложно. Как-то мой брат, по жизни оптимист, мне с такой тоской сказал: «Ты не представляешь, что такое эмигрантская жизнь». Но дети этого уже не ощущают. У Жени двое сыновей, они там школу окончили, университет, у них совсем другие ощущения. Когда они уезжали, старшему, Мишке, было 11 лет, а младшему, Лене, — 6. Мама, когда их провожали, сидела у двери и плакала: «Женечка, как же, я же вас теперь не увижу уже, ни вас, ни внуков». И правда, она умерла после этого через полтора года. Папа прожил еще 6 лет.

— Отъезд тогда вообще был решительным шагом. Ведь все думали, что их уже больше сюда, в тогда еще СССР, не пустят.

— Разумеется, никто и не представлял, как оно все повернется. Тогда для того, чтобы уехать, надо было быть очень смелыми. Я за несколько дней до отъезда повела младшего племянника в парикмахерскую. Там парикмахерша его стрижет и спрашивает: «Кто это тебя привел? Мама?» А он молчит как партизан. Пришлось мне отвечать за него, что не мама, а тетя. Она опять спрашивает: «Ты ходишь в детский сад?» Он молчит, я отвечаю: «Ходит». Так он всю стрижку промолчал. Как вышли, я его спрашиваю: «Лень, но почему ты ничего не отвечаешь, ты что, заблудился?» А он говорит: «Я боялся проговориться, что я уезжаю». То есть ему сказали, чтобы он никому не проболтался.

— Тамара Ариевна, простите за такой вопрос, но почему у вас детей не было?

— Что поделаешь, Бог не дал. Хотя Слава и не очень хотел. Но он очень любил племянников, особенно много на даче с ними возился. Как-то Мишка, когда ему еще было только 5 лет, говорит: «Дядя Слава, давайте в слова играть! Вот отгадайте, что это такое, на букву «и», что-то белое и почти круглое?» Мы со Славой час, наверное, мучились, а он прыгает вокруг, радуется

и кричит: «Ну что? Ну угадайте? Сдаетесь? Нет, угадайте! Белое, почти круглое и на «и». Долго он нас так пытал, но наконец сжалился и говорит: «Эх вы, да это же ийцо!»

— Вы остались здесь. И здесь пережили ГКЧП, осаду парламента и прочая, прочая, прочая. Насколько я понимаю, Вячеслав Михайлович был в достаточной степени аполитичен?

— Да. Конечно, мы поддерживали эту перестройку, но на демонстрации не ходили никогда. Вот моя подруга Ленка, ее уже, к сожалению, нет в живых, ходила на все демонстрации. У нас в институте некоторые ребята в 1991 году ходили к Белому дому, стояли там на баррикадах, но я никуда не ходила и Слава никуда не ходил. Даже если бы захотел пойти, я бы его ни за что не отпустила.

— Он вас слушался?

— Иногда. Нет, конечно, слушался, когда это сильно не противоречило его мыслям. Но в принципе он был, конечно, лидер. Я говорю много, а он вообще говорил мало, но делала я всегда то, что он говорил. И все начинания, которые у нас были, если мы куда-то хотели поехать или что-то серьезно купить, это все решал и делал он, я только шла за ним. Вот представьте теперь, как мне плохо сейчас одной.

ВРЕМЯ ДЕЛАТЬ ДЕЛО

Вячеславу Копелевичу действительно было что терять. Здесь он был уже достаточно известным и, безусловно, уважаемым ученым, со своим именем, своими достижениями, своим признанием. В конце 1992 года Информационный центр Комитета по биотехнологиям (КОБИОТЕХ) Международного совета научных союзов издал справочник ведущих биотехнологов стран бывшего Советского Союза «Who is Who in Ex-USSR Biotechnology». Генеральный секретарь КОБИОТЕХа профессор Константин Скрябин⁴⁰ обратился тогда к директору НПО «Витамины» Гунару с просьбой отобрать 10 наиболее достойных представителей отрасли для включения в справочник. Одним из первых Гунар назвал Вячеслава Копелевича. Для составления статьи Вячеславу Михайловичу передали опросный лист. Вопросы до нас не дошли, впрочем, они легко читаются в ответах:

«Анкета для справочника

1. Копелевич Вячеслав Михайлович
2. 31 октября 1938 года
3. Научно-производственное объединение «Витамины»
4. Ведущий научный сотрудник
5. Доктор химических наук/старший научный сотрудник
6. Московский институт тонкой химической технологии им. М.В. Ломоносова, фак. тонкой химической технологии. 1962 год
7. Химик-технолог
8. НПО «Витамины». В 1969 году – кандидат химических наук, 1991-й – доктор химических наук
9. Химическое общество им. Д.И. Менделеева – 1963 год
Биохимическое общество – 1968 год
Фармакологическое общество – 1987 год

⁴⁰ Константин Георгиевич Скрябин (род. 29 апреля 1948 года, Москва) – российский ученый в области молекулярной биологии, генетической инженерии и биотехнологии, доктор биологических наук (1982), профессор (1986), академик РАН (2008) и РАСХН (1999).

Международное общество по химии нуклеиновых кислот — 1992 год

10. Редактор (внештатный) реферативного журнала «Химия»
11. Серебряная медаль ВДНХ — 1989 год. Бронзовая медаль ВДНХ — 1968, 1985 годы
12. Ведущий научный сотрудник (с 1991 года), старший научный сотрудник (1970—1991 годы), мл. научный сотрудник, аспирант (1962—1970 годы) Всесоюзного научно-исследовательского витаминного института НПО «Витамины»
13. Разработка методов получения лекарств, синтез потенциальных лекарственных средств: Кофермент А; пантотеновая кислота; гамма-аминомасляная кислота; аналоги, производные; синтез; изучение биологической и фармакологической активности
14. Публикаций — 160, в т. ч. одна монография, 24 авторских свидетельства
15. Создание двух новых психотропных препаратов — «Пантогам» и «Пикамилон» — и внедрение их в медицинскую практику. Разработка биотехнологического метода получения Кофермента А
16. Биоорганическая химия, химия природных и физиологически активных соединений
17. Английский

В.М. Копелевич

Анкета не содержит сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати. Я хотел бы приобрести 1 экз. справочника».

Но на материальном благосостоянии такое научное признание никак не сказывалось. За весь 1992 год, если пересчитать зарплату в долларах, Вячеслав Михайлович получил меньше полутора тысяч. От нищеты спасали разве что гранты, которые как раз тогда начали выдавать русским ученым западные научные и общественные организации. Это сейчас некоторые политики и далекие от науки люди говорят о том, что тогда Запад похоронил российскую науку на корню; те же ученые, которые прошли через времена лихих 1990-х, в один голос утверждают, что Запад тогда российскую науку, которая государству вдруг стала

совершенно не нужна, именно спасал. От смерти. Причем, по большому счету, совершенно бескорыстно. Только гранты помогли тогда нашим ученым не только выживать, но даже еще и заниматься какими-то исследованиями. Это ведь только так говорится, что сытое брюхо и так далее, на самом деле, если человек не знает, не просто что поесть, а, что гораздо хуже, чем накормить семью, тут уже не до исследований. Именно благодаря одному из полученных индивидуальных грантов Вячеславу Михайловичу удалось еще раз съездить на научную конференцию в Швецию. Через несколько месяцев появилась возможность посетить еще одну.

— Скажите, вы в течение года уже пользовались грантом на зарубежную научную поездку? — спросили его в комиссии по выдаче грантов.

И кто его просил говорить правду? Общества были разные, проверить члены комиссии все равно вряд ли смогли бы, да и не стали бы. Им нужно было только услышать «нет». Но они услышали:

— Да, пользовался.

И на конференцию поехал другой человек, уже год за границей не бывавший. Или догадавшийся об этом не говорить.

А Копелевич продолжал заниматься наукой в голодной Москве. И довольно успешно, несмотря на крошечное или даже микроскопическое финансирование. Правда, теперь, видимо, ощутив запрос времени, он перешел пусть на более приземленные, но зато и более востребованные только нарождавшимся рынком предметы. В июле 1992-го он вместе с Гунаром и специалистом по животноводству доктором биологических наук профессором Валерием Сергеевичем Крюковым получил патент РФ на «способ выращивания цыплят-бройлеров и поросят». В соответствии с патентом предлагалось скармливание «цыплятам-бройлерам с 10 дней жизни и до конца выращивания или поросятам в период откорма с 25 до 105 дней комбикорма с добавкой 0,005—0,015% или 0,01—0,1% гамма-оксибутирата кальция от массы кормов», в результате чего можно было «повысить живую массу цыплят-бройлеров на 2,8—11,8% и поросят на 5,6—15,4% и снизить расход корма на прирост 1 кг живой массы цыплят на

7,7–11,5% и на 5,6–15,1% при выращивании поросят». Поскольку упомянутый гамма-оксибутират кальция был достаточно дешев и требовалось его немного, экономия при использовании патента получалась существенная. Но, несмотря на это, дохода от патента авторы не получили. Хозяевам стремительно разваливавшихся тогда свиноферм и птицефабрик было явно не до внедрения, как сазали бы сейчас, инновационных кормов, страна же питалась американскими «окорочками Буш» и немецкой свиной глубокой заморозки забоя середины шестидесятых годов⁴¹. поголовье скота падало, производство кормов падало еще круче, поэтому покупателей на патент найти не удалось, а многочисленные переговоры так ни к чему и не привели. То есть ученые уже готовы были производить инновации, но рынок не был еще готов их покупать. Ему требовалось хоть немножко подрасти.

Так и хочется написать, что 1994 год был переломным для страны. Но нет, эпоха была переломная, а год для того времени совершенно обычный. рядовой год, без единой революции. Как начнешь вспоминать, одна ерунда на ум приходит. Ну, ввели в стране новые автомобильные номера, заработала первая Госдума, для России был зарегистрирован национальный домен верхнего уровня.ru. Астрономы с радостью и не без злорадства наблюдали, как на Юпитер рушатся обломки кометы Шумейкеров — Леви 9. С конвейера Горьковского автозавода сошли первые «Газели». В Беларуси к власти пришел батька Лукашенко. Ну, еще в октябре случился «черный вторник», когда доллар на ММВБ неожиданно взлетел почти в полтора раза — с 2833 рублей до 3926, а через два дня так же неожиданно вернулся на старую позицию. Вроде как неожиданно. Так что самый обычный год. Почти для всей страны. Но только не для доктора химических наук Вячеслава Михайловича Копелевича.

⁴¹ Это вовсе не байка. В пору, когда надо было выживать, а вопрос отсутствия продуктов стоял так, как не стоял, наверное, со времен Второй мировой, я некоторое время работал в мясном отделе большого универсама. И на «говядине без костей» глубокой заморозки, поставлявшейся в нашу страну в качестве гуманитарной помощи, я сам видел синие штампы с датой забоя. Там стояло «1965».

Вся государственная российская наука рушилась на глазах. К 1994 году все 11 ранее относившихся к НПО «Витамины» заводов благополучно отсоединились, пришедшее на них к власти руководство обналичило все, что можно было обналичить, сдало все, что можно было сдать, и продало все, на что нашелся хоть какой-нибудь заваливающий покупатель. Это может показаться смешным, но даже центральная институтская тепловая подстанция отсоединилась, приватизировалась и, как монополист, стала диктовать институту совершенно нереальные цены за подаваемое тепло. В эпоху больших разборок и всеобщей торговли серьезным людям было не до производства. И выпуск того же «Пантогама» упал практически до нуля. Хоть тонн, хоть килограммов, ноль — он и есть ноль, в любых единицах. Руководство Уфимского завода, переставшего получать от государства деньги на производство препарата, начало требовать финансы от НПО, однако объединение само сидело без средств и, конечно, ничем помочь башкирским друзьям не могло. Надо было срочно искать какой-то выход. Пример такого выхода в виде превратившегося к тому времени в акционерное общество закрытого типа НПК «ЭХО» был у Копелевича прямо перед глазами. Конечно, не все у вчерашних кооператоров шло гладко, но все-таки жили они значительно лучше, чем прочие сотрудники института. Да и занимались вполне достойным и любимым делом. Однако путь Гитлина для Копелевича не подходил. Он не чувствовал в себе каких-то задатков бизнесмена и понимал, что, даже зарегистрировав компанию, сделать из нее что-то приличное не сможет. Для этого требовались другой склад характера и другие навыки.

Логичным решением было найти предпринимателя, который смог бы наладить производство так хорошо знакомых Копелевичу препаратов, выплачивая ему, скажем, как консультанту процент от прибыли. Найти такого человека или компанию необходимо было не только для того, чтобы получить материальный достаток. Настоящий ученый — существо не особенно прихотливое, в крайнем случае Вячеслав и Тамара могли прожить и на гранты. Но такие люди нужны были даже просто для того, чтобы не пропали окончательно результаты многолетних трудов. Чтобы то, что ученый долго выдумывал, вынашивал, выписывал, вычислял,

выкладывал, выбирал, выкраивал, высматривал, выискивал, выпаривал, высушивал, выделявал, выстраивал, что составляло суть его работы и жизни, не оказалось забытым и погребенным в гибнущих архивах, а опять стало нужным, востребованным и появилось в аптеках и в аптечках. Я не был знаком с Вячеславом Михайловичем лично, я только пытаюсь воссоздать его образ в своем сознании, опираясь на то, что говорят о нем другие люди и что написано в различных источниках. Но за время этого моего маленького расследования, виртуального знакомства у меня появилось четкое убеждение, что если бы ему тогда, в 1994 году, предложили на выбор два альтернативных пути:

а) некая фирма покупает у него все права на его разработки — «Пикамилон», «Пантогам», новые пути синтеза Кофермента А и его производных, — скажем, за миллион долларов и прячет их в самые далекие сейфы, а с самого ученого берет клятвенное обещание никогда больше ими не заниматься

или

б) некая фирма изъявляет желание выпускать «Пикамилон» и «Пантогам» и синтезировать Кофермент А и его производные, но не может заплатить ему за это (по крайней мере на первых порах) ни копейки —

и никаких других вариантов быть не могло, он бы, конечно, подумал, крепко бы подумал и выбрал бы второй вариант.

Но, к счастью, в нашем мире не все так располусовано и другой вариант все-таки нашелся. Как ни странно, но уже в те годы дикого капитализма на рынке начали появляться люди, которым Перспектива была интереснее хоть и баснословного, но сиюминутного результата, которые понимали, что для успешного развития необходимы серьезные Инновации, и которые верили, что высокому Качеству почти всегда сопутствует успех.

Денис Матвеевич Юровский (Д.), Эльвира Андреевна Гусарова (Э.), основатели компании «ПИК-ФАРМА», Москва, апрель 2011 года

В офисе компании меня встретил классический бизнесмен. Только не российского, а исключительно европейского типа. Хорошо одетый, улыбающийся, доброжелательный,

невысокого роста, склонный к полноте, но, несмотря на это, подтянутый, даже немного поджарый. Никакого «волчьего оскала», никакой надменности и намеков на то, что, если ты «не смог заработать миллион, можешь идти сам знаешь куда». Между тем именно этот человек вместе с собранной им командой преданных единомышленников создал даже не практически, а именно с нуля в лихие 1990-е годы успешную компанию. Создал, провел через все кризисы и дефолты, вырастил, сделал действительно уважаемой на фармацевтическом рынке. И при этом остался человеком, для которого капитал не составляет единственную, священную и непреходящую ценность.

Мне до сих пор совершенно непонятно, как этот человек смог пройти все испытания, которые преподносит растущим предпринимателям наша все еще постсоветская действительность. Ведь ясно, что и на него наезжали, а значит, и он должен был наезжать, его кидали, и он должен был выкарабкиваться и держать удар, его подставляли, а он не подставлялся. Как ему все это удалось? Ума не приложу. При дальнейшем знакомстве, которое никак не изменило моего первого впечатления, у меня даже появилась крамольная мысль: а может, у нас в бизнесе все не так и плохо, если такие предприниматели в нем все-таки присутствуют? Хоть и в единичных экземплярах, гомеопатических дозах...

Его кабинет, кстати, тоже не напоминал хоромы настоящего российского бизнесмена. Небольшой, но вполне уютный, с тоже небольшим Т-образным столом человек на шесть, стенным шкафом, в который я повесил куртку, рядом кресел и мощным компьютером на столе.

— Садитесь, — приглашающим жестом он показал мне на одно из стандартных офисных кресел на колесиках.

Сам же погромел ящиками стола, протянул визитку с ярким цветным логотипом компании и сел. Но не за хозяйское место, во главе, а напротив меня.

«Юровский, Денис Матвеевич, член Совета директоров, кандидат физико-математических наук». Сейчас, в принципе, такое сочетание уже не редкость, только, как правило, люди становятся сначала директорами, а уж потом кандидатами и доктора-

ми. Здесь же был нехарактерный для нашего бизнеса обратный вариант, когда успешную компанию создал самый настоящий кандидат. Только не математик. Математики, они тоже всегда улыбаются, но они все худые, это я твердо усвоил за полтора десятилетия занятий научной журналистикой. Судя по комплекции, передо мной, скорее всего, сидел физик-оптик либо биолог-эволюционист. К нашему разговору должно было подключиться еще одно действующее лицо, вплотную контактировавшее с моим героем и тоже стоявшее у истоков «ПИК-ФАРМЫ», — **Эльвира Андреевна Гусарова**. Ожидая ее, мы с Денисом Матвеевичем пили принесенный секретарем свежесваренный кофе со сливками и беседовали о трудностях фармацевтического бизнеса. Он мне объяснял совершенно ужасную кластерную систему, которую сейчас внедряло правительство, а я вникал и ужасался. Но ждать Эльвиру Андреевну пришлось недолго, я и полчашки не успел одолеть, как она вошла в кабинет.

Вот в ней уже, несмотря на красивую внешность и со вкусом подобранную одежду, чувствовалась истинно деловая хватка. Видно было, что если эта женщина поставит перед собой какую-то цель, то уж больше не отступит и обязательно ее достигнет. Эльвира Андреевна села в торце стола, у основания буквы Т. Так что хозяйское место так и осталось вакантным.

Д. — Должен сказать, у Копелевича был потрясающий талант, который свойственен истинным инноваторам и благодаря которому в мире появляются новые продукты и прорывные технологии. К таким людям подход должен быть особенный. Им надо сказать: мы с тебя все снимем, мы найдем тебе деньги, мы найдем помещение, мы организуем юридическое лицо, организуем бухучет, все сделаем. От тебя требуется только одно: дай идею, проект. Вот мы с Эльвирой Андреевной и выступили в таком качестве, а Вячеслав Михайлович — в роли гениального новатора. Он дал идею, а мы ее воплотили. Поэтому мы и считаем Вячеслава Михайловича основателем нашей компании, которая начала работать с воплощения его идей. У нас же таких инновационных идей не было, было только общее представление, как все должно работать. И много лет потом, уже после рождения компании, у нас функции не менялись. Вячеслав

Михайлович кидал все новые идеи, а мы их переводили в проекты и продукты.

— Денис Матвеевич, но как же все-таки звезды так сошлись, что вы встретились? Как он вас нашел?

— Звезды тут, вообще-то, ни при чем. Это был вполне сознательный поиск, и не он нас, а мы его нашли. Я человек от науки, поэтому всегда интересовался инновациями как процессом. Но у меня в науке судьба не складывалась, я плохой ученый, не склонный к академической работе. Сидеть над книгой или за компьютером мне сложно, я это понял еще в Советском Союзе, но тогда у нас не было того, к чему у меня, как оказалось, лежала душа. В начале 1990-х годов пробивал и то, и се, пятое, десятое и понял, что мне интересно как раз воплощение научных идей в реальные продукты и их продвижение на рынок, т.е. инновации. Как раз в то время один из моих близких друзей создал такую команду по поиску инноваций, в которую привлек меня и Эльвиру Андреевну. Тогда капиталы делались буквально из воздуха и у многих людей деньги стали появляться в невероятных количествах. В условиях избытка легких денег некоторые структуры были готовы свободно отдавать сотую долю процента от своего дохода, который выражался в огромных суммах, на что-то, что могло принести доход, а могло и просто лопнуть. Сейчас это называется «венчур», тогда такого слова не было. Сначала под эгидой Прагмабанка⁴² мы создали группу, которая стала искать научные разработки, смотреть, что из них можно воплотить в рыночный продукт. Мы тогда отобрали порядка десятка проектов.

— Извините за вопрос, но я правда не понимаю. Вы сами говорите, что тогда деньги делались из воздуха, и в огромных количествах. Я уверен, что и вы смогли бы тогда сделать кучу денег

⁴² Коммерческий банк развития частного и коллективного предпринимательства «Прагмабанк» (НБРЧКП «Прагмабанк») был образован в октябре 1991 года. После скандала с незаконно перечисленными на его счета несколькими миллиардами рублей в 1994 году у банка отобрали лицензию. В 2002 году в судебном порядке был объявлен банкротом и в 2004-м ликвидирован.

из воздуха. А вы стали искать научные идеи для их воплощения в материальные продукты. Зачем? Создали бы фирму, поставили два ведра со шлангом, как в «Золотом теленке», набрали кредитов, перевели деньги, обналичили, и все в шоколаде. Купили в Германии бочку спирта за тысячу долларов, здесь продали за три, и на эти два процента хоть обживись. Зачем вам нужна была эта головная боль с поиском идеи, внедрением, производством, продажей и так далее, когда 500% прибыли и так делались? Тем более вы еще связались с фармацевтическим бизнесом, который всегда был, есть и будет бизнесом хоть и богатым, но очень затратным и медленным. Ведь от создания лекарственного средства до получения разрешения на его продажу проходят годы.

— Мы вовсе не сосредоточивались только на фармацевтике, у нас были проекты в разных областях. И перед этим у нас уже была одна успешно действующая фирма. 500% она, правда, не давала, но она нам дала бесценный опыт. Ведь производство даже одного маленького продукта все равно требует немалых усилий по организации процесса. Тут и снабжение, и внедрение технологий, стандартов управления, стандартов качества и так далее. Все это в условиях отсутствия рыночной инфраструктуры крайне сложно было обеспечить, поэтому говорить о 500%, конечно, не приходилось. Это был хороший бизнес, но без перспективы, «без факсов». Это был тогда такой анекдот. Один начинающий бизнесмен говорит другому: «Я, типа, могу достать один факс». — «Да ты че, в Москве уже один факс есть». Было понятно, что этот бизнес не навсегда. Поэтому я и нашел Копелевича.

— Но как нашли? Он же не потерявшийся был, чтобы его искать.

— Мы с ним познакомились несколько раньше, на другом проекте, проекте производства Кофермента А. Вернее, сначала мы познакомились с самим проектом, и он нам показался привлекательным. Но, когда мы уже присмотрелись внимательнее, провели маркетинговые исследования, попытались представить рынки сбыта, выяснилось, что в России продать Кофермент А практически невозможно и производить его можно только на экспорт. Мы трезво оценили свой экспортный потенциал и поняли,

что здесь удачный бизнес не получится, поскольку мы не могли конкурировать с индусами, уже завалившими мир дешевым Коферментом А.

— Это было начало 1990-х?

— Не совсем, это был уже 1993 год. Вот тогда, на этом проекте, мы с Вячеславом Михайловичем как с главным специалистом по Коферменту и познакомились. Наша команда тогда составила бизнес-план, но вывод его был отрицательным, проект представлялся очень рискованным. Но мы все равно предложили его Прагабанку, оставив им уже самим решать, стоит с этим связываться или нет. Это у нас была первая волна поиска проектов, в ней их было штук пятнадцать, включая коферментный. Вторую волну мы собирали уже для Ялос-банка⁴³. Это тоже был довольно крупный банк, и он тоже был готов дать для них мизерную, а для нас вполне существенную сумму на такие венчурные дела. И спасибо им за это. Уже по их заданию мы отобрали новую партию проектов. Провели новый скрининг и отобрали уже три проекта, один из которых банку понравился. При его подготовке мы и встретились опять с Вячеславом Михайловичем. Это был октябрь 1994 года. Он тогда сказал нам: «Ребята, давайте попробуем иначе, давайте будем делать основную ставку не на внешний, а на внутренний рынок». В начале 1990-х годов такого рынка не было, а госзаказ исчез. Это было время импортеров, когда бал правили те, кто завозил в страну готовый дешевый продукт. Вот тут-то Вячеслав Михайлович и предложил нам самим сделать недорогую и востребованную именно на внутреннем рынке вещь, вот этот самый «Пантогам». Это и был один из трех отобранных нами проектов. Как раз Эльвира Андреевна тогда стала его руководителем. Два других проекта никак с ним связаны не были, развивались параллельно и скоро умерли. А этот — заработал.

— Вячеслав Михайлович только «Пантогам» предложил или еще что-то?

⁴³ Ялос-банк входил в число 100 крупнейших банков России. Занимался рискованными операциями, привлекал вклады под высокие проценты. Закрылся в 1995 году из-за кризиса ликвидности. При этом ему удалось полностью рассчитаться со всеми физическими лицами — вкладчиками.

— Изначально он все-таки предлагал Кофермент А, а уже потом «Пантогам». Но, что очень важно, он не просто предложил идею, он сразу предложил реальные пути организации, сказал, из чего его можно делать, где его можно делать.

Э. — На какой площадке его можно делать. Практически, он сразу указал нам путь по организации производства. То есть не просто «Я знаю как», а «Я знаю как, где и из чего». Представляете, какая это разница?

— То есть он предложил готовый бизнес-план.

— Я не думаю, что у него в голове был тогда готовый бизнес-план, но конкретные шаги по его осуществлению у него уже были заготовлены. Главное, что у него все было достаточно четко представлено, вплоть до совершенно конкретных точек, где взять сырье для производства, где сделать субстанцию, где — готовую форму. Нам оставалось только договориться и воплотить все эти его идеи в жизнь. Отработать технологии в первое время было колоссально сложно, и Вячеслав Михайлович активно нам в этом помогал, участвовал. Если бы не его помощь, у нас бы тогда вряд ли что-нибудь получилось. Причем это была не просто помощь советом, он просто брал какое-то направление и доводил его до конца, до ума. Связывался, ездил, договаривался. Тут я уже могу говорить совершенно ответственно, поскольку все это делалось на моих глазах и я все это прекрасно помню.

Д. — Эльвира Андреевна тогда этим всем в основном и занималась. Я больше отвечал за идеологию. Я тоже не стал бы называть идеи Копелевича готовыми бизнес-планами. Будучи абсолютным ученым, он совершенно не понимал экономику проекта. Он тогда дал нам понимание сбыта, но не дал никаких ценовых ориентиров, все это нам пришлось самим прорабатывать: почему закупать сырье, сколько платить заводу, сколько будет нужно средств на внедрение, почему можно будет продать готовый продукт, в каких объемах и так далее, и тому подобное. Собственно организационной стороной занималась Эльвира Андреевна. А вот уже по конкретным вопросам он вместе с ней ездил и договаривался.

Э. — Я всегда чувствовала от него настоящую, реальную поддержку. Ведь для меня это была область абсолютно новая,

до того я занималась совершенно другими делами, в жизни не была на фармацевтических предприятиях, и в первое время мне и правда было очень тяжело. И я очень благодарна и судьбе, и Вячеславу Михайловичу, конечно, за такую поддержку. Я вначале не понимала масштабов проекта, но каждый день нужно было что-то делать. И надо было каждый раз решать новые маленькие задачи, чтобы заработал вот этот станок, чтобы таблетка вышла качественной, чтобы не было никаких посторонних вкраплений. Я даже и не представляла, насколько это все сложно. Я когда на завод пришла и увидела все это множество процессов, на меня чуть паника не напала. Мне такое и в страшных снах не снилось: производство субстанций, химический цех и так далее. Уже потом мы с Денисом Матвеевичем посетили много фармпредприятий и производств, и тогда я окончательно поняла, в каких действительно жутких условиях мы начинали этот проект.

Д. — Для советской промышленности это были вполне нормальные условия. Более того, это был один из крупнейших заводов. Советская промышленность так и жила. Эльвира Андреевна говорит, что мы не были до этого на заводах... Это на самом деле нормальная вещь, поскольку она выступала как инновационный менеджер. Инновационный менеджер — совершенно особая профессия. Это руководитель с определенными задатками вкачивать в новое дело энергию. Он должен осуществлять взаимодействие между умными людьми от науки и производственниками, которые все это должны производить, финансистами, которые все это должны финансировать, рынком, который потом все это должен скушать, медицинским сообществом, которое эту инновацию должно принять. Для того чтобы выполнять эти важные функции, ему не надо обязательно быть специалистом в каждой конкретной сфере.

— Значит, ваша компания изначально была командой инновационных менеджеров?

— Не только, среди нас были профессионалы в разных областях. Себя бы я не стал называть инновационным менеджером, скорее, я выступал в качестве аналитика. Но мы тогда могли взяться за любой проект, и не обязательно фармацевтический.

Э. — Абсолютно верно. Если бы компания свела меня не с фармацевтикой, а, например, с легкой промышленностью или с косметикой, на тот момент мне это было совершенно все равно.

— Насколько я понимаю, Копелевич был человеком достаточно замкнутым. Как же вы с ним общались?

— Его нельзя было назвать замкнутым. Он был интеллигентным человеком, сдержанным, может, немногословным. Но общаться с ним было несложно и даже приятно. Он прекрасно говорил, был очень обаятельным, даже очень активным, и, где надо, он всегда мог настоять на своем. Знаете, если вцепится в проблему, то ее решит. При этом он никогда не кричал, не рычал, не топал ногами и не хлопал дверьми. Он вот так тихо подходил, как очень умный бульдог, брал проблему и уже не отпускал, твердо зная, как ее правильно решить. Бывало, что я ему говорю: Вячеслав Михайлович, это не так важно, давайте не сейчас об этом, попозже. И он переставал, но про проблему не забывал, а потом как-то так потихоньку к ней возвращался. До тех пор, пока она не решалась. И потом почти всегда оказывалось, что он был прав, проблема стоила того, чтобы с ней биться.

**1995 ГОД, МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ,
ГОРОД ЩЕЛКОВО, УЛИЦА КРАСНОЗНАМЕНСКАЯ,
ЩЕЛКОВСКИЙ ВИТАМИННЫЙ ЗАВОД**

Эля, конечно, уже не была маленькой девочкой и прекрасно себе представляла, как должен выглядеть настоящий завод. И то, что она видела сейчас перед собой, с этим представлением не имело ничего общего. Красное кирпичное здание с плакатами «Сдаются помещения в аренду» в окнах второго этажа больше напоминало ангар, автомастерскую или пожарную станцию, чем крупное предприятие и гордость советской витаминной промышленности.

— Это завод? — спросила она у бодро шагающего чуть впереди Вячеслава Михайловича.

Спросила в надежде, что тот разрешит ее сомнения и объяснит, мол, это еще не совсем завод, а, скажем, склад или гараж предприятия. Но тот безапелляционно и даже с каким-то пафосом подтвердил:

— Завод. Завод, Эльвира Андреевна, и очень большой. И старый. Один из самых старых витаминных заводов.

— Старше того вашего уфимского?

— Нет, тот постарше будет. Кстати, а вы знаете, ведь на уфимском заводе в 20-х годах начинали с того, что карамель лили. Да-да, это была артель «Единение», и в ней советский купец Алексеев во время НЭПа варил конфеты.

— Это Алексеев, который со Станиславским связан?

— Нет, другой. А, впрочем, может, и родственник, я как-то насчет этого у них не интересовался.

Они шли вдоль длинной стены с высоко расположенными окнами, в которые сквозь густую пыль можно было разглядеть лишь далекий цеховой потолок. Метрах в пяти от стены росли сосны. Целый сосновый бор. Иногда от их дорожки ответвлялась маленькая, но тоже заасфальтированная тропинка, которая вела куда-то вглубь этого небольшого внутригородского леса. Там, за соснами, что-то белело. Приглядевшись, Эля поняла, что это

традиционный советский памятник Ленину. Одетый в пиджак, с левой рукой, засунутой в карман брюк, на низеньком, около полуметра всего, постаменте, он был несколько нетипичен для заводских памятников. Что он делал правой рукой, Эля увидеть не могла, поскольку памятник стоял к ней спиной, а пойти посмотреть не было ни времени, ни желания. Копелевич на памятник не обращал ровно никакого внимания. Он шел так, как будто ходил здесь каждый день, целеустремленно, чуть ссутулившись, держа под мышкой старенький кожаный портфель.

— Потом артель преобразовали в фабрику «Башкондитер». И, надо вам сказать, это была одна из крупнейших в СССР кондитерских фабрик. Третья по величине. А уже в войну ее перевели на выпуск витаминов для фронта. Там делали сироп из шиповника, потом научились делать драже, а к концу войны наладили производство аскорбиновой кислоты.

— А Щелковский когда открыли?

— В 1934-м. Здесь тогда делали С-витаминный концентрат. И знаете из чего?

— Из шиповника?

— Нет, не из шиповника, и не из лимона, и не из лука. Из хвои. Видите, сколько тут сосен растет? Их тогда еще сажали. Потом уже и тут на шиповник перешли.

Пока дошли до угла, Эля узнала от пожилого химика, что именно здесь в конце 1960-х годов было освоено производство поливитаминов — «Ундевита», «Пентовита» и «Гендевита», — а аскорбиновой кислоты в год делалось более 200 тонн.

Повернув за угол, они вошли в проходную. Сидящая под большими круглыми часами одетая в синий халат вахтерша нашла их фамилии в толстой истрепанной канцелярской книге и пустила за металлическую вертушку.

В здании, несмотря на середину недели, было пусто и тихо. Копелевич быстро поднялся по лестнице на второй этаж и нырнул в длинный коридор. Эля поспешила за ним.

— А что здесь нет никого? — спросила она у своего вожатого.

— Это административный этаж, все производство внизу. Но там сейчас тоже почти никого. Заказов нет, производство

почти стоит. Я думаю, рабочие уволились или в отпусках. Раньше здесь народу много было, несколько сотен работало. И производство было замечательное. Знаете, Эльвира Андреевна, это было «предприятие высокой культуры производства и организации труда». Прямо над проходной висел большой плакат: «Рабочий, гордись! Ты работаешь на предприятии высокой культуры производства и организации труда».

— Ну да, — усмехнулась Эля, — чисто по-советски. Доска почета, «Решения съезда партии — в жизнь»...

Копелевич остановился у двери с табличкой «Главный технолог З.В. Братанова», но не попытался войти, а повернулся к девушке и, улыбаясь, заметил:

— А это вы зря. Доска почета и такой плакат — довольно важные вещи. Если, конечно, не подходить к этому формально. Людям приятно, когда их работу ценят. Когда ценят, тогда и работать дальше хочется. Сложнее, когда оказывается, что то, что ты делал, никому не нужно. Вот это уже плохо.

Он постучал в дверь, однако та откликнулась тишиной. Немного подождав и подергав за ручку, Вячеслав Михайлович попросил Элю подождать немного тут, а сам направился по коридору и вошел в один из кабинетов. Там он пробыл минуты три, после чего опять прошел по коридору, позвав за собой Элю.

— Она на заводе, говорят, скорее всего, в цехе фолиевой кислоты.

Значит, сейчас Эля увидит настоящее витаминное производство. Она даже не пыталась себе его представить, потому что в голову лезла всякая ерунда вроде конвейера, на резиновой ленте которого были грудями насыпаны какие-то таблетки, видимо, с этой самой фолиевой кислотой.

Эля и Копелевич вновь подошли к лестнице, по которой поднимались несколько минут назад. И тут «профессор», как окрестила Вячеслава Михайловича про себя девушка, окончательно ее сразил. Он не просто спустился вниз, но слетел, перепрыгивая враз через две ступеньки. Она даже остановилась, глядя, как лихо этот пожилой мужчина одолевает спуск. Пропрыгав пол-этажа, химик остановился на площадке и посмотрел в ее сторону, только после этого Эля опомнилась и ступила на лестницу.

«Ничего себе, — думала она, — вот тебе и старый. Шестой десяток, а как бегаешь! А ведь на вид совершенно неспортивный». Ей вдруг очень захотелось спросить, не занимается ли Вячеслав Михайлович спортом, а если занимается, то каким именно, что в таком возрасте у него еще осталось столько энергии, но вопрос показался ей нескромным, и она быстро справилась с желанием его задать.

Рядом с дверью, на которой висела табличка «Цех фолиевой кислоты», стоял аппарат с газированной водой. Когда еще в школе Элин класс водили на экскурсию по другому заводу, там тоже был такой аппарат, из которого газировку, правда, только без сиропа, можно было пить совершенно бесплатно. Тогда мальчишки выпили по несколько стаканов. Но на том заводе народу было много, возле автомата стояли рабочие и смеялись, глядя на дорвавшихся до бесплатной шипучки ребят. Здесь же не было никого даже в курилке. «Профессор» толкнул массивную дверь, и та открылась без скрипа, совершенно бесшумно, словно боялась потревожить покой спящего предприятия.

Войдя, Вячеслав Михайлович остановился прямо у порога.

— Особо тут ходить пока не надо, — придержал он Эльвиру. — Разденемся, халаты возьмем, а пока — не надо. Все-таки фармацевтическое производство.

Конечно, никакого конвейера в цеху не было. Не было никаких станков и россыпей таблеток. Там стояли огромные чаны или котлы, Эля в этом не разбиралась, связанные какими-то трубами с манометрами, лампочками (некоторые горели красными или зелеными огоньками), мерными трубками и различными вентилями. Кое-где торчали пульты, напоминавшие те, что на рабочем месте водителя трамвая. Здесь уже было несколько человек в белых халатах. Они стояли каждый на своем месте и с любопытством смотрели на вошедших. Одна из женщин, в дальнем конце, быстрым шагом направилась к ним.

— Это она, — негромко сказал «профессор» Эле. — Давайте выйдем.

Они вернулись в коридор, куда через минуту вышла и главный технолог. Вячеслав Михайлович пожал ее протянутую руку и представил ей свою спутницу:

— Это, Зоя Владимировна, та самая Эльвира Андреевна из инвестиционной компании, про которую я вам говорил. А это Зоя Владимировна Братанова, главный технолог.

Эля обменялась с женщиной мягким рукопожатием.

— А Козлов на заводе? — спросил Вячеслав Михайлович женщину.

Козлов был главным инженером, это Эльвира уже знала.

— Должен быть, сейчас посмотрим. С утра был, если только не отъехал. Он сейчас постоянно в министерство мотается. Ведь, знаете, с нас заказ на метотрексат сняли.

— Как сняли?

— А вот так, сняли — и все. Не нужен.

— Метотрексат — это онкологический препарат, — повернувшись к Эле, объяснил Вячеслав Михайлович, — для терапии злокачественных опухолей. Его синтез тоже в нашем институте разработали. А что же Седенков? — вновь обратился он к технологю.

Седенков был генеральным директором, это Эля тоже знала.

— А что Седенков, ему сейчас не до этого, у него сейчас акционирование, реорганизация. Так что придется все Козлову разруливать. Спасение утопающих, знаете...

— Ну вот, — вмешалась в разговор Эля, — а мы вам и предлагаем разместить хороший, крупный заказ.

— Да, — подхватил Копелевич, — у вас мощности под это вполне подходят.

— Подходят, — улыбнулась Зоя Владимировна. — Ну, пойдете ко мне, там поговорим. Заодно и Козлова поищем. Подходят-то они, может, и подходят, — продолжила она, уже идя по коридору, — но ведь мы этот ваш «Пантогам» никогда не делали.

— Но пантотеновую-то делали? — перехватил Копелевич. — Делали. И вообще, у вас же полный цикл. Уфимский завод, он же только конечный продукт делал, а субстанцию ему с другого предприятия доставляли. Это ведь сколько на одном перевозе терялось. Я Гунару уже давно говорил, что надо здесь производство налаживать. Но ведь раньше денег не считали, ни на перевоз, ни на производство, сколько он говорил, сколько закладывал, столько и давали.

- Да, хорошее было время.
- Хорошее, но другое. Сейчас не так. Сейчас, сами говорите, спасение утопающих...
- Ну, раньше мы бы производство «Пантогама» и не взяли бы. Только под новые мощности. Завод же был загружен на все сто процентов, а то и на сто двадцать. Ведь план перевыполняли регулярно.
- Это понятно, но сейчас-то простаиваете.
- Простаиваем.
- Зарплату рабочим не платите.
- Платим, когда можем. Вячеслав Михайлович, не поверите, два месяца назад гематогеном выдали. Не всю, конечно, но каждому — по коробке. В счет погашения. И все взяли, и почти никто не возмущался. Некоторые наладились в школах продавать.
- Администрация разрешает?
- Куда же деваться.
- Вот, а тут, если дело наладится, ребята вам сразу несколько цехов загрузят.
- А разрешение кто даст?
- А зачем вам разрешение? — удивилась Эльвира. — Вы же теперь акционерное общество, что хотите, то и делаете.
- Ну да, — улыбнулась Зоя, поглядев на Элю, как на маленькую девочку, — что хотим, то делаем, что не хотим, то не делаем. Только вот проблема в том, что много людей, которые не хотят.
- Это кто?
- Да всякие, — неопределенно махнула рукой Зоя, — есть такие.

Она открыла ключом дверь своего кабинета и вошла. Вячеслав Михайлович же войти следом не торопился. Он опять, как и раньше, остановился, повернулся к девушке и, ободряюще, легонько пожав ее плечо, тихо, чтобы слышала только она, улыбнувшись, произнес:

- Не волнуйтесь, Зоя хороший человек. И умный. Козлов — тоже. Мы их с вами дождем. Действие, оно, знаете, при правильном подходе сильнее, чем противодействие.

ТОВАР – НАУКА – ТОВАР

Старания Вячеслава Михайловича принесли хорошие плоды. Договор о производстве «Пантогама» компания подписала со Щелковским витаминным заводом уже в январе 1995 года. К тому времени ей удалось получить от НПО «Витамины», руководить которым продолжал Владимир Гунар, временное разрешение на использование зарегистрированного товарного знака и всю техническую и разрешительную документацию на препарат.

К тому времени авторитет Копелевича и Мойсеенка во всем, что касалось пантотеновой кислоты, был просто непререкаемым. При издании новой редакции «Химической энциклопедии» авторы-составители не стали копировать статьи из старых академических источников, а попросили именно их написать новую статью. Из нее, кстати, мы теперь можем свободно узнать то, что не было напечатано даже в «Большой советской энциклопедии», — настоящее имя кислоты. Дело в том, что термин «пантотеновая кислота» сокращенный. Имя своеобразное, уменьшительно-ласкательное, то, что авторы обычно предваряют вводкой «больше известная как». И это правильно, ибо настоящее название человеку, не особенно искушенному в органической химии, не то что запомнить, вслух прочитать невозможно, потому что непонятно, как читать. Судите сами: настоящее название ее пишется так: «D-(+)-3-(2,4-дигидрокси-3,3-диметилбутириламино)пропионовая кислота». Просто химическую формулу запомнить тоже не легче — $\text{HOCH}_2\text{C}(\text{CH}_3)_2\text{CH}(\text{OH})\text{CONHCH}_2\text{CH}_2\text{COOH}$.

При производстве «Пантогама» она была действующим веществом. Для синтеза «Пантогама» требовался D-пантолактон, который в России уже никто не делал. Кроме того, перед предпринимателями возник целый лес различных бюрократических и организационных препятствий. И вправду, далеко не всем так уж хотелось, чтобы кто-то что-то на заводе такое, пусть и полезное, пусть и за деньги, выпускал. Преодоление всех этих объективных и субъективных препятствий отняло и у Копелевича, и у его новых друзей не просто много, а очень много сил. Но дело, хоть и медленно, хоть и с натугой, двинулось и постепенно начало наращивать обороты. Аптеки и фармацевтические склады охотно заказывали

вали давно уже знакомый им препарат, который, «к сожалению», на некоторое время пропал с полок. Конечно, тогда в страну уже начали в больших количествах завозить импортные ноотропы примерно аналогичного действия, но они были, во-первых, существенно дороже, а во-вторых, наши врачи были еще плохо с ними знакомы и поэтому прописывали их своим пациентам крайне неохотно и в основном с ремаркой: «Если не будет „Пантогама“». К счастью для Копелевича и для компании, медицина, будучи ответственной за самое дорогое — жизнь человека, — область науки очень консервативная, если не самая консервативная. Врач обычно не склонен менять что-то хорошее даже на лучшее, если он с этим хорошим уже давно знаком и знает, чего от него ожидать, в то время как неведомое «лучшее» вполне может преподнести воистину неожиданный результат. Если бы дело обстояло по-другому или если бы «Пантогам» отсутствовал на рынке еще пару лет, в течение которых доктора и фармацевты успели бы привыкнуть к его западным аналогам, препарат уже сложно было бы воскресить. Однако нашим героям повезло, и операция по его возвращению в лекарственный строй прошла вполне успешно.

Теперь доктор химических наук Копелевич, кроме ведущего научного сотрудника ВНИВИ, стал еще и научным консультантом компании, которая с каждой проданной упаковки «Пантогама» выплачивала институту, а через него Вячеславу Михайловичу, определенный процент. Получаемая сумма росла пропорционально росту производства и продаж, и теперь можно было расслабиться и обосноваться на даче, которая для немолодого ученого постепенно превращалась во второй дом. В институте из-за отсутствия денег на зарплату отпуска без содержания только приветствовались, народ потихоньку разбежался, в группе Копелевича как-то незаметно остался один Копелевич, реактивы и посуду для исследований каждый добывал, где кто мог, так что даже для работы совершенно необязательно было на эту работу ездить. Заниматься ею дома можно было даже более продуктивно. Тем более что теперь у ученого в распоряжении был настоящий компьютер, присланный из Штатов братом Тамары. Вячеслав Михайлович освоил его довольно быстро и теперь ездил в те же редакции химических журналов, где состоял внештатным

редактором-рецензентом не с кипами бумаг, а с аккуратными 3,5-дюймовыми дискетами. Но компьютер, конечно, стоял дома, в Москве. А на выходные супруги обязательно выезжали в Истринский район, на дачу родителей Тамары Ариевны. Тут Тамара выращивала цветы, а Слава если не работал над статьями, то немножко плотничал — мастерил столики, скамейки и полочки.

При поддержке компании доктор наук Копелевич опять мог посещать конференции и симпозиумы. В 1996 году он приехал на симпозиум в Гродно, где встретился с Тоней Лысенковой, старой своей аспиранткой, а теперь сотрудницей НИИ биохимии, и, конечно, со старым своим другом Мойсеенком, исполнявшим обязанности директора того же института. Год спустя он опять приехал в Гродно уже больше как турист, и Тоня возила его в город Лиду на один из старейших в стране пивзаводов, который был основан еще в 1873 году мещанином Носелем Заликовичем Пупко. А еще спустя год Вячеслав Михайлович привез в Беларусь на организованный Андреем Мойсеенком симпозиум целую делегацию москвичей. Гиперактивный Мойсеенок, кроме собственно симпозиума, возил гостей по всей области, показывая достопримечательности, доставшиеся республике в наследство еще от Великого княжества Литовского, в состав которого некогда входило Гродненское удельное княжество. Естественно, не обошлось без того, чтобы вновь не захватить в Лиду, попить пива, прекрасное впечатление о котором у Копелевича сохранилось надолго. Активная программа не помешала научной работе, и симпозиум прошел на самом высоком уровне.

Андрей Георгиевич Мойсеенок, апрель 2011 года

— Я с трудом прорвался в доктора наук только в конце века. Островский умер, в институте начались конфликты, раздრაи, потом второй директор умер. Потом меня как старого администратора извлекли на свет, и я два с половиной года институтом командовал. Приехал в Москву, в любимый мой Витаминный институт, с которым так много сотрудничал. Там тоже развал, раздрай. Там тогда все мобилизовались и отправили меня в лабораторию витаминов Института Баха⁴⁴ на Ленинском проспекте.

⁴⁴ Имеется в виду Институт биохимии им. А.Н. Баха РАН.

И все собрались там на моей защите. Копелевич, Гунар, Спиричев, куратор по питанию проблемной комиссии. Ему недавно исполнилось 80 лет. Мы юбилей его отмечали, такой активный человек до сих пор. Он не руководил подразделением, просто был старшим научным. Но работает до сих пор активно. Защитился я благополучно, получил степень доктора, стал профессором, ушел с административной работы. Так мы встретили 2000 год.

А Вячеслав Михайлович до конца держался в Витаминном институте. И случилось чудо. Условия для работы были не идеальными, Витаминный институт хирел прямо на глазах. Копелевич пошел в бизнес и начал развивать новые, очень интересные идеи. Там работали с пантотеновой, с коферментами, но там были и другие направления, которые раньше развивались в Витаминном институте.

С 2000 года уже 10 лет прошло, и мы совершили поразительную эволюцию и раскрыли то, что уже использовали в Штатах, но подспудно, — поразительный нейропротекторный эффект производных пантотеновой кислоты. И все благодаря тому, что Вячеслав Михайлович четко продолжал свое юношеское увлечение пантотеновой кислотой.

Тогда была совершенно бесперспективная ситуация в Витаминном институте. У нас тоже стало окончательно ясно, что наступило новое время. Пришли совсем другие веяния, другой уровень восприятия. И как-то постепенно Вячеслав Михайлович перестал быть даже формально сотрудником института и стал научным консультантом коммерческой фирмы.

Как ученые мы работали совместно. В плане химического синтеза и химических решений его идеи часто были главными, где-то, как в работе с пантотеновой, я доминировал. Но у нас был альянс! Редкостный альянс, который только возможен, оптимальный альянс химика и биохимика. У нас был хороший пример научного здравомыслия. Но когда он оказался в «ПИК-ФАРМЕ», у него уже важную роль начал играть элемент рентабельности. А для хорошего ученого вопрос рентабельности — это вопрос удешевления подготовки сырья, полупродуктов. Он стал как химик анализировать всю цепь. Но, с другой стороны, он и нашу братию не оставлял, постоянно интересовался конечным эффектом, очень нажимал — давай посмотри, что там и как.

ОТ ГАМК ДО ГОМК И ДАЛЕЕ

8 июля 1997 года истекло 20 лет с момента регистрации товарного знака «Пантогам». Свидетельство за № 61228 потеряло силу. В институте, захлебывавшемся под грузом бытовых проблем, помноженных на хроническое недофинансирование, о такой мелочи, как своевременная перерегистрация, просто забыли. Зато о ней не забыли компании-производители «Уфавита» и «Алтайвитамины», и как только появилась возможность, они тут же подали претензии на то, чтобы закрепить товарный знак популярного препарата за собой. Вернуть его теперь можно было разве что через суд, однако судебное разбирательство стоило немалых денег, а их у НПО «Витамины» просто не было. Директор НПО Гунар с грустью сообщил Копелевичу о том, что отныне договор с его фирмой не имеет силы, поскольку институт скоро не сможет владеть товарным знаком, и теперь компания должна договариваться с новыми хозяевами, а уже Вячеслав Михайлович немедленно передал печальную весть Денису Матвеевичу. В компании встревожились не на шутку. Конечно, договориться можно было и с «Уфавитой», и с «Алтайвитаминами», вопрос был только в условиях, но все это могло отнять немало времени, в течение которого налаженное уже производство обрекалось на простой. Да и вообще, отношения с НПО были уже налаженными, почти дружескими, а друзей бросать нехорошо.

В компании срочно собрали боевую группу из специалистов, имевших хоть какое-то отношение к авторскому праву, в состав которой вошел и Вячеслав Михайлович. Рассмотрев все нюансы проблемы и устроив настоящий мозговой штурм, члены группы пришли к выводу, что есть небольшой шанс вернуть знак институту. При этом все понимали, что сделать это будет крайне нелегко и совсем недешево. Кроме того, выступая на стороне НПО, фирма автоматически портила отношения и с «уфимцами», и с «алтайцами», шансы которых на победу были значительно реальнее. Вот тогда руководство и сделало Гунару предложение, от которого у него не было никакого смысла отказываться.

Предложение было чисто джентльменским, не закрепленным бумажными договорами и нотариальными заверениями, исключительно на честном слове. По нему предприниматели брали на себя все издержки по оплате адвокатов, а Гунар давал слово, что уступит компании права на знак. Не за бесплатно, но на приемлемых коммерческих условиях. Гунар слово дал.

Размер гонораров, которые выплатили нанятым звездам российской адвокатуры, выражался в очень многозначных условных единицах. В это дело компания вложила практически все свои свободные средства, так что в случае проигрыша она просто прекратила бы существование. Дело разбиралось долго и сложно, ни одна из сторон не желала уступать. Суды принимали решения, проигравшие тут же их оспаривали, дело передавали в суды высшей инстанции, возвращали на доработку и так далее, и тому подобное. Всего состоялось около десятка процессов. У НПО, в сущности, имелось только два козыря, на которых и играли адвокаты. Это то, что объединение, как прежний добросовестный владелец, имело право на приоритетную регистрацию. И второе то, что оно было не только владельцем, но и действительным автором препарата. С другой стороны, заводы были производителями и в этом качестве тоже имели право надеяться на благосклонность членов арбитража, тем более что заявку они подали первыми. В качестве свидетелей на процессах выступали и главный автор препарата Вячеслав Копелевич, и руководитель патентной группы Института витаминов Тамара Шапиро.

Препарат удалось отстоять, и институт получил новое свидетельство, теперь за № 154445. Забегая немного вперед, скажу сразу, что это не заставило «Уфавиту» отказаться от использования товарного знака «Пантогам». Заводчане и раньше не платили за него никаких лицензионных отчислений, и сейчас не собирались этого делать, притом что после возрождения препарата на Щелковском витаминном заводе тоже решили возобновить его выпуск. «ПИК-ФАРМЕ» пришлось еще два раза, в 1998 и в 2000 годах, обращаться в ФАС для того, чтобы антимонопольщики упрекнули «пиратов» в недобросовестной конкуренции и призвали их соблюдать закон. Во избежание неприятностей.

«ПИК-ФАРМА» уже чувствовала препарат практически своим. И 13 февраля 1998 года она совместно с институтом провела научно-практическую конференцию «Пантогам». Двадцатилетний опыт применения в психоневрологии». Участники рассказывали о том, как препарат помогает при лечении нервных и психических расстройств, как его используют в детской психоневрологии, в борьбе с эпилепсией и менингитом, как он справляется с детской интеллектуальной недостаточностью и прозопалгией (лицевыми болями) у больных с шейным остеохондрозом. Специально для этой конференции компания выпустила объемную брошюру, в которую вошли 27 статей различных авторов. В редакционную коллегию входили профессор Краснов, профессор Гунар, доктор химических наук Копелевич, кандидат медицинских наук Ковлер и кандидат медицинских наук Крыжановская. Из 170 страниц книги 130 приходилось на «Пантогам». А еще 40 посвящались другому препарату, к которому Копелевич тоже имел непосредственное отношение и на который «ПИК-ФАРМА» возлагала немаленькие надежды.

Препарат этот назывался «Нейробутал». Химическое название — гамма-оксибутират кальция. Да-да, тот самый гамма-оксибутират кальция, который Копелевич, Гунар и Крюков 6 лет назад предлагали скармливать пороссятам и цыплятам-бройлерам.

Гамма-оксибутират кальция как раз и был одной из тех самых производных аналогов ГАМК, которыми так увлекался Вячеслав Михайлович Копелевич. Синтезировали ее из гамма-оксимасляной кислоты (ГОМК), которая как по химическим, так и по фармакологическим свойствам была близка к ГАМК, как родная сестра. Только сестра старшая, более сильная и опытная. Впервые ее синтезировали в пору, когда на свете еще не было не только Вячеслава Михайловича, но и его папы Михаила Соломоновича. Сделал это в 1874 году известный русский химик-органик, ученик Бутлерова Александр Зайцев. Разработанная им методика синтеза была опубликована в 1929 году, однако особого интереса к ГОМК научное сообщество тогда не проявило. Все изменилось, когда в 1960 году французский физик,

писатель и философ Генри Лабори заметил, что этому препарату, считавшемуся синтетическим аналогом ГАМК, свойственен целый ряд особенностей, отсутствующих у гамма-аминомасляной кислоты. С этого открытия началось интенсивное изучение ГОМК, к которому уже в 1970-х годах подключился Копелевич и которое благодаря ему вылилось в новый седативный лекарственный препарат.

Исследования показали, что «Нейробутал» великолепно помогает в борьбе с невротическими и неврозоподобными расстройствами, нарушениями сна, хроническим алкоголизмом, абстинентным синдромом (проще говоря, с жестким похмельем). Препарату прочили большое будущее, а «ПИК-ФАРМА» уже видела его своим вторым локомотивом, но помешало то, что по идее должно было помочь. Препарат получился слишком мощным.

Денис Матвеевич Юровский (Д.), Эльвира Андреевна Гусарова (Э.), основатели компании «ПИК-ФАРМА», Москва, апрель 2011 года

Д. — Вячеслав Михайлович увидел, что все идет неплохо, и в 1998 году предложил нам уже целый веер проектов. Один из них был наш сегодняшний основной бренд «Элькар», но были и другие, такие как «Нейробутал». «Нейробутал» он даже первым предложил. У нас все развивалось удачно, мы верили в будущее, а Вячеслав Михайлович верил в нас.

Э. — Хорошее было время, все мы были молоды, полны энтузиазма, сил и желания сделать еще что-то новое. Этот же «Нейробутал». Он относится к группе ноотропов, но, к сожалению, Минздрав неожиданно включил его в список сильнодействующих препаратов.

Д. — Мы уже технологию проработали, все внедрили, что надо было. Но тут оказалось, что препарат надо перерегистрировать. Мы буквально за 2 года сделали полную перерегистрацию и уже были готовы приступить к выпуску, но вот тут как раз то самое вещество внесли в список сильнодействующих, а у завода, который мы выбрали в качестве производственной площадки,

не было лицензии на работу с такими веществами. Руководство нам сказала: не бойтесь, ребята, мы эту лицензию сделаем. И правда сделали, только через 6 лет. Мы этого счастливого момента не дождались и перешли на другой завод, у которого такая лицензия была. Но там нас мурыжили еще 5 лет, пока мы не поняли, что с этим препаратом надо кончать. И проект закрыли. Хотя препарат был, конечно, очень даже неплохой. Конечно, не такой брендовый, как «Пантогам» или «Элькар», но не потому, что он был хуже, а потому, что если бы вы пришли в аптеку, то и «Пантогам», и «Элькар» вам без рецепта продали бы, а «Нейробутал» — нет. А с «Элькаром» получилась история, очень похожая на историю с «Пантогамом». Пришел к нам Вячеслав Михайлович и говорит: «Ребята, есть очень хороший и перспективный препарат... »

СТАВШИЙ ПЕРВЫМ ВТОРОЙ

В 1998 году во ВНИВИ, а можно сказать, что после потери заводов практически все НПО «Витамины» только из него и состояло, произошла смена руководства. Однако Владимир Иванович Гунар, покидая свой пост, успел исполнить обещание и подписать 6 августа договор об уступке товарного знака «Пантогам» новому владельцу — ООО «ПИК-ФАРМА». Отныне компания стала единственным обладателем «Пантогама», а «Пантогам» — ее основным брендом.

Спустя 11 дней, 17 августа, на должность директора, по рекомендации оставившего пост Гунара, была назначена Мария Александровна Надточий. До этого она два года занимала пост заместителя директора по науке.

Мария Александровна Надточий, июнь 2011 года

— Когда я стала директором, институт просто разваливался, но в течение 7 лет я его как-то еще держала, вплоть до 2005 года. Мне его даже удалось несколько поднять. Когда я заступила на пост, у нас числились 103 человека, а когда меня уволили — уже 113. Текучка прекратилась, молодежь даже приходила и защищала дипломы, были и защиты кандидатских работ. Когда я пришла, у нас было три исполнительных листа и 500 000 долларов долга. То есть наш институт стоял на грани банкротства. Телефоны отключены, вода перекрыта, тепло перекрыто, большинство сотрудников — в неоплачиваемых отпусках. И был, естественно, самый главный кредитор, который потирал руки, ожидая, когда же он получит наше здание и территорию. Но все для него оказалось не так просто. Я семь лет боролась. Мы даже с налоговой инспекцией судились и выиграли процесс. Стали спорить с кредиторами, что-то оплачивали, что-то отсуживали, ушли от посредников и подключились к «Мосводоканалу» и «Мостеплосети» напрямую, что, конечно, дало существенную экономию. Постепенно начали зарплаты выплачивать.

— Но кто-то уже и сам начал выкарабкиваться. Копелевич...

— Вячеслав Михайлович сотрудничал с коммерческими компаниями, будучи сотрудником института. И он в переговорах с ними выступал не как частное лицо, а как наш представитель. Ведь хоть он и был автором многих препаратов, права на них принадлежали ВНИВИ. Это правильно, ведь создавал он их в институте, это была его работа, а плоды работы принадлежат работодателю, то есть НПО «Витамины». Поэтому можно сказать, что как наш представитель он искал покупателей на нашу продукцию, а значит, помогал решать в том числе и материальные проблемы института. Он главным образом сотрудничал с «ПИК-ФАРМОЙ», и, надо сказать, это была единственная компания, которая честно выполняла все наши договоренности и ни разу нас не подвела.

— А как же НПК «ЭХО»?

— Ну, там другая история. У них и объемы были значительно меньше, и возможности. А «ПИК-ФАРМА» платила нам достаточно большие суммы, что нас во многом спасало. Вячеслав Михайлович был успешным ученым. Он работал на результат, и его разработки, как правило, находили промышленное внедрение, а это получалось не у каждого. А в последнее время его вообще можно было назвать «специалистом полного цикла». Потому что он не просто разрабатывал препарат, он доводил его до клинических испытаний, на основе полученных результатов находил инвесторов, а ведь это совсем не просто. Ведь его, этого инвестора, надо еще убедить в том, что этот препарат действительно хорош, нужно заставить его поверить в дело, помочь ему на первых порах и с регистрацией, и с разрешениями. Но и это еще не все, потому что дальше Вячеслав Михайлович сопровождал сам процесс выпуска промышленной продукции, ходил на все конференции, рекламировал, и не было случая, чтобы инвесторы пожалели о вложении. Препараты Вячеслава Михайловича находили достойное место на рынке.

— У Вячеслава Михайловича были друзья в институте?

— Я могу сказать проще и определеннее: у него не было врагов. Он был удивительно бесконфликтный человек. Я просто не могу вспомнить ни одного серьезного конфликта, как-то связан-

ного с его именем. Скажем так: у него были дружеские связи, основанные на деловых отношениях.

— В гостях у него вы когда-нибудь были?

— Нет, они далеко живут, но на многих мероприятиях мы были вместе. И с ним, и с Тамарой. Она очень исполнительный человек, квалифицированный и решавший все вопросы, связанные с получением товарного знака. К сожалению, у нас не было денег на оформление заявок на товарные знаки. Ее квалификация в этой области была на высшем уровне, она была очень исполнительный человек и пунктуальный, добросовестный. Если говорить о хорошем сотруднике, то это Тамара Шапиро; это относится к ней и Вячеславу Михайловичу.

— Они всегда вдвоем были?

— Да. Это была на редкость изумительная пара, я вам честно скажу, такие отношения, какие были между ними, таких отношений нет уже. У них идеальная была семья, и Тамаре сейчас очень тяжело.

Препарат, над которым Вячеслав Михайлович предложил подумать команде «ПИК-ФАРМЫ», не был раскрученным брендом. Собственно, его еще почти никто, кроме коллектива авторов из ВНИВИ, не знал. Гунар, Копелевич вместе с несколькими соавторами создали «Элькар» на самом закате советской эпохи и не успели наладить его промышленное производство. Хотя вся техническая и прочая документация под это была подготовлена: знак зарегистрирован, технология производства разработана, необходимые испытания пройдены, оставалась самая малость — запустить в производство и продать. Но вот на это как раз и не хватило ни времени, ни средств. Как и д'Артаньян в пору своего первого приезда в Париж, «Элькар» был молод и неизвестен, но очень амбициозен и перспективен. И эту перспективность хорошо чувствовали все, кто с ним сталкивался. Чувствовала ее и новый директор Института витаминов.

|| Для жизни, для того чтобы быть здоровым, жизнерадостным, энергичным и работоспособным, человеку необходимо регулярно получать определенную дозу витаминов. Или син-

тезированных, или в составе продуктов питания. Однако есть и такие вещества, которые очень похожи на витамины, практически им родственны, но организм способен вырабатывать их сам. Хотя и не в таких больших, но в достаточных для поддержания жизни дозах; обычно их так и называют — «витаминоподобные вещества». Одним из самых известных является, безусловно, L-карнитин, или, по витаминной классификации, В₁₁, В_Т. Если вы захотите узнать о нем поподробнее с помощью сети Интернет и начнете набивать его название в поисковике, сделать это будет нетрудно. Уже после того как вы введете первые два символа «L» и «-», тут же вылетит подсказка, в верхней строчке как раз и будет стоять «L-карнитин». И не только в верхней: из 10 строчек 6 будут посвящены именно ему. Людей интересует его действие, вред, отзывы и, конечно, где его можно купить. На самом деле действие его описать совсем несложно.

Как и любому организму или устройству, клетке для нормальной и даже не для нормальной, а вообще хоть для какой-то жизни требуется энергия. Энергия в клетке производится в специальных клеточных «энергостанциях» — митохондриях. Но энергостанции, как и электростанции, и любые другие энергетические генераторы, могут работать, только когда у них есть в достатке топливо. Для митохондрий топливом являются жирные кислоты. Однако просто так проникнуть в митохондрии эти кислоты не могут: на территорию, дабы соблюсти чистоту производства, пускают исключительно в сопровождении доверенных веществ. Таким веществом как раз и является L-карнитин. Для жирных кислот он выступает в качестве проводника, а для митохондрий — в роли поставщика топлива. В организме он, как уже говорилось, вырабатывается, но в количествах весьма средних, так что сторонняя добавка, конечно, в разумных дозах, кроме пользы, никакого вреда принести не может.

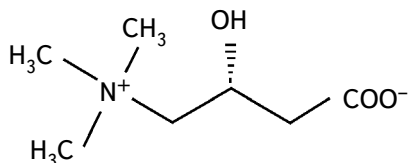
Человек знаком с L-карнитином уже больше 100 лет. Впервые его выделили в 1905 году из мышц животных русские уче-

ные Владимир Гулевич⁴⁵ и Роберт Кримберг⁴⁶. По источнику он и получил имя: *carnis* по-латыни значит «мясо». Литера L говорит о том, что его молекулы вращают поляризованный свет влево. Кроме него, существуют еще «правовращающий» D-карнитин, «смешанный» DL-карнитин, Z-карнитин и так далее, и тому подобное. Далеко не все они так же полезны, как их L-собрат, более того, например, точно известно, что DL-карнитин плохо влияет на обмен веществ, из-за чего его в США еще в 1984 году запретили не только производить и использовать, но даже ввозить. Поэтому мы скажем именно про L- как наиболее полезный. А о его полезных свойствах ученые догадались сразу. Гулевич и Кримберг в работе, в которой рассказали об открытии, сообщили, что новое вещество совершенно необходимо для нормальной работы мышечных клеток. Вместе с тем химикам всего мира довольно долго не удавалось точно установить, как именно устроен L-карнитин. Это смогли сделать только в 1927 году, через 22 года после открытия. Говоря точнее, в 1927 году химики не установили, а подтвердили предположение о его строении, сделанное в самом начале Кримбергом. Процесс подтверждения оказался очень простым. Сначала химики, исходя из теоретического предположения об устройстве вещества, придумали, как такое вещество можно синтезировать химическим путем. Синтезировали и в результате получили вещество, крайне похожее, можно даже сказать, неотличимое от L-карнитина. А, как говорят англичане, если животное выглядит, как собака, лает, как собака, и кусает, как собака, то это животное и есть собака. Похожее на L-карнитин вещество и вправду было L-карнитином, а значит, высказанное в 1905 году харьковским химиком предположение было правильным, потому что было истинным. В элементарном, самом простом виде (так называемая

⁴⁵ Владимир Сергеевич Гулевич (6 (18) ноября 1867 года, Рязань — 6 сентября 1933 года, Москва) — российский биохимик, академик АН СССР по Отделению физико-математических наук (с 12 января 1929 года; член-корреспондент с 15 января 1927 года).

⁴⁶ Кримберг Роберт Петрович (1874—1941) — российский биохимик, профессор Харьковского университета. Родился в крестьянской семье.

Брутто-формула) его формула записывалась так: $C_7H_{15}NO_3$. Более полно строение можно было охарактеризовать химическим описанием по системе ИЮПАК: (3R)-3-гидрокси-4-триметиламоний-бутаноат. Наконец, знающие люди рисовали ее структуру следующим образом:

В 1935 году немецкий физик Эрих Штрак (1897—1988) сравнил его с близким по структуре и более на то время изученным холином (витамин В₄). В 1947 году немецкий же биохимик А. Френкель после длительных исследований отнес L-карнитин к витаминам группы В, присвоив ему индекс Т. На этом он не успокоился и к 1952 году доказал, что ВТ является необходимым фактором роста мучного червя. Еще спустя шесть лет опять же немецкий ученый И. Фритц заметил, что L-карнитин существенно повышает скорость сжигания жиров в клетках, а значит, он является важным звеном в процессе обмена веществ. В начале 1960-х годов Штрак предложил применять новый витамин для лечения целого ряда детских болезней. Но тогда процесс получения L-карнитина был еще достаточно сложен и дорог, и благие предложения ученого так и не получили своего воплощения. Но они подтолкнули других ученых заняться поиском путей дешевого синтеза. Собственно, синтезировать карнитин было не так сложно, тяжелее было потом отделить полезный L-изомер от вредного D-изомера. Нарботать чистый L-карнитин, используя методы геной инженерии, удалось только в 1980 году. Тогда же медицинские препараты, построенные на L-карнитине, начали поступать в свободную продажу. Самым впечатляющим успехом нового вещества была победа на летних Олимпийских играх в Москве итальянских команд по бегу, плаванию и другим циклическим видам спорта, раньше в этих видах особо себя не проявлявших. Итальянцы не скрывали, что в рацион спортсменов в качестве пищевой добавки был включен L-карнитин.

А в 1982 году накачанные L-карнитином итальянские футболисты стали чемпионами мира. Наконец, в 1986 году швейцарская биотехнологическая компания «Lonza Group» разработала упрощенный метод синтеза, без использования генной инженерии. С этого времени L-карнитин превратился уже в массовый продукт. Его начали применять для нормализации обмена веществ, для снижения веса, для наращивания мышечной массы, для стимуляции роста детей, для улучшения родовой деятельности у беременных женщин, для вскармливания недоношенных детей и младенцев с малой массой тела. L-карнитин рекомендовали принимать кормящим матерям, а при искусственном вскармливании его добавляли в молоко. Его регулярное употребление повышало успеваемость у нерадивых школьников и студентов. Спортсменам он помогал снять усталость от физических нагрузок и получать больше пользы от длительных тренировок. Геронтологи советовали его своим клиентам, утверждая, что чудодейственный препарат не просто продлевает жизнь, но именно омолаживает организм. Было точно установлено, что L-карнитин прекрасно помогает бороться с болезнями сердца, печени, диабетом, болезнью Альцгеймера, онкологией, почечной недостаточностью, самыми различными видами инфекций и даже со СПИДом.

К концу прошлого века в мире уже было издано более 10 тыс. работ, посвященных L-карнитину. Около десятка написали ученые ВНИВИ. В СССР DL-карнитин был ими синтезирован в лаборатории Александра Морисовича Юркевича еще в 1968 году, а в 1981 году получено разрешение применять в медицинских целях препарат на его основе — 20-процентный раствор для приема внутрь. В 1993 году разрешили применять для внутривенного введения 10-процентный раствор DL-карнитина в ампулах по 5 мл. Оба препарата были разработаны в НПО «Витамины». Однако после подтверждения информации о не совсем полезном действии D-изомера ученые активизировали работу по разработке лекарственных средств на основе именно L-карнитина. Наконец им удалось создать медицинский препарат, который с легкой руки Тамары Ариевны назвали «Элькар» (романтично-героическое

сокращение от «родителя» — эль-карнитина, как читается L-карнитин) и зарегистрировали как товарный знак, принадлежащий НПО «Витамины».

В России это был первый и единственный подобный препарат, и, конечно, Мария Надточий прекрасно понимала его огромный потенциал. Поэтому, когда в 1998 году Вячеслав Михайлович, уже убедивший Юровского и его команду в перспективности нового дела, обратился в институте «по команде» с предложением предоставить «ПИК-ФАРМЕ» лицензию на производство «Элькара», директор ответила отказом, заявив, что институт сам организует производство. И правда, уже вскоре после заступления на пост она зарегистрировала дочернюю компанию. Она-то и должна была заняться выпуском лекарства и других препаратов, права на которые принадлежали институту.

Однако продвижение их на рынок оказалось значительно более сложным и затратным, чем предполагала директор. Что касается «Элькара», то и сам препарат, и его производитель были абсолютно незнакомы ни врачам, ни провизорам аптек. Заказы на него, несмотря на все усилия руководства ВНИВИ, отсутствовали, а отсутствие заказа вполне закономерно оборачивалось простым производством и заканчивающимися средствами. Копелевич это все прекрасно видел и поэтому не уставал постоянно напоминать руководству «ПИК-ФАРМЫ» о своем «Элькаре». По его сигналам компания, у которой уже появились в фармацевтическом мире и связи, и достаточный уровень компетенции, и опыт, и сеть сбыта, периодически посылала к Надточий переговорщиков, просивших уступить неисключительную лицензию на производство «Элькара», и наконец в 1999 году она не выдержала и сдалась.

Это было правильное решение. Ведь на «ПИК-ФАРМУ» теперь ложилась самая тяжелая часть работы — организация производства, продвижения и рекламы совершенно нового товара. Теоретически потом, по истечении срока действия лицензии, можно было ее не продлевать, а начать самостоятельно снимать пенку с того, что наварили пикфармовцы. Те же вместе с лицензией получили досконально проработанную технологию и полное отсутствие рынка. Производство удалось организовать быс-

тро, сложнее было с продвижением и рекламой. Однако руководство быстро справилось с этой проблемой, организовав бесплатные семинары для врачей, на которых рассказывалось о новом препарате. Одновременно во многих СМИ были напечатаны статьи, рассказывающие о силе L-карнитина и препаратов, на нем основанных.

«На протяжении тысячелетий, — писали журналисты в статье „Эликсир жизни“, напечатанной в журнале «Аптечное дело», — лучшие умы всего мира посвящали целую жизнь созданию субстанции, дарующей молодость, бодрость духа и тела, хорошее настроение и неиссякаемую работоспособность. Согласитесь, и мы с вами не отказались бы от такого средства, особенно ближе к концу рабочей недели. Увы, философский камень так и не был найден. Нам повезло несколько больше наших средневековых предков: после открытия роли L-карнитина (левокарнитин) в обмене веществ такие проблемы, как частые болезни, повышенная нервно-психическая и физическая утомляемость у детей и взрослых, задержка развития, получили научное объяснение и достойное разрешение... Компенсировать недостаток левокарнитина помогают специальные средства, например отечественный препарат „Элькар“, который содержит в качестве активного вещества левокарнитин...»

(«Эликсир жизни», журнал «Аптечное дело».)

Им вторили публикации в других профильных СМИ.

«Элькар» позволит поддержать и сохранить здоровье детям и взрослым. Он удобен и безопасен в применении, экономически доступен. А эффект от его использования достигается достаточно быстро. «Элькар» — препарат для всей семьи».

(«Этот непростой обмен веществ...»,
Лариса Чернышова, Ната Толина.)

«Пройдет немного времени после назначения «Элькара», и вы с радостью увидите, что малыш стал спокойнее, исчезла желтуха, он реже и менее обильно срыгивает, хорошо прибавляет в весе, быстро растет, во время эпидемии не заболел гриппом.

А его первая беззубая улыбка в ответ на ласковые слова запомнится вам на всю жизнь!»

(«Чудесные капли», врач высшей категории Никитина А.В.)

«Роль карнитина с очевидностью предполагает необходимость «Элькара» для профилактики и восстановления после тяжелых заболеваний, при длительных или чрезмерных нагрузках.

Появление отечественного, удобного в применении и экономически более доступного левокарнитина позволит улучшить состояние здоровья россиян, особенно маленьких.

«Элькар» — препарат, который окрыляет. Поверьте, проверено неоднократно».

(«В копилку фармацевта. Препарат, который окрыляет»,
Татьяна Чекменева, канд. фарм. наук)

Каждую такую статью Вячеслав Михайлович редактировал лично и, надо отдать должное его литературным способностям, весьма неплохо. Поверьте старому редактору, я знаю, что говорю. У меня есть варианты материалов до и после правки. Ему, доктору наук, профессору, члену всевозможных обществ, автору полутора сотен научных статей и монографий, вовсе не было свойственно присущее подавляющему большинству российских деятелей науки стремление максимально «осерьезнить» статью, дабы «коллеги не смеялись». Он вполне мог назвать транспорт жирных кислот в митохондриях вояжем, в его и прошедших через него статьях, обращенных к неискушенному читателю, практически отсутствовали сложные и непонятные термины, а если обойтись без них не получалось, он тут же коротко объяснял, о чем идет речь.

Статьи и семинары стоили компании недешево, но они сделали свое дело. Уже вскоре о новом препарате узнали все заинтересованные в нем лица и продажи начали расти. Препарат был существенно дешевле западных аналогов, но главное было даже не в этом. Все средства на основе L-карнитина, которые до того присутствовали на российском рынке, были не медикаментами, а БАД, биологически активными добавками. БАД, в отличие от

лекарственных препаратов, не проходят длительных клинических испытаний, да и действие их зачастую не подтверждается специальными исследованиями. По отношению к ним главное требование — не навреди, дальше все отдается на совесть производителя. «Элькар» же был и до сих пор остается единственным в России лекарственным средством на основе L-карнитина с доказанным медицинским эффектом. Кроме того, как вскоре выяснилось, он оказался крайне эффективным в области педиатрии, где ранее L-карнитин не применялся вовсе. Поэтому рынок он завоевал довольно быстро.

В институт пошли довольно солидные лицензионные отчисления. Однако их все равно не хватало на то, чтобы содержать такую большую оставшуюся практически без государственной поддержки организацию. «ПИК-ФАРМА» же, у которой все шло удачно, мечтала закрепить успех и получить «Элькар» в полную собственность. Через Копелевича Марии Надточий периодически передавались предложения выкупить право на использование товарного знака и досье на препарат за сумму, многократно превышающую стоимость годовой лицензии. И добиться этого удалось довольно быстро. Уже в 2000 году институт полностью уступил препарат «ПИК-ФАРМЕ». Часть вырученных денег ВНИВИ потратил на погашение долгов, а на оставшиеся начал ремонт уже поизносившихся помещений. Была перекрыта крыша, часть освободившихся помещений отделана под офисы, в главном здании поменяли сантехнику... По институту ходило много слухов об этой сделке и о ее сумме, являвшейся коммерческой тайной, но никаких прямых подтверждений эти слухи не имели, только косвенные, а поэтому мы не будем их повторять.

В ассортименте же «ПИК-ФАРМЫ» «Элькар» благодаря масштабной кампании по продвижению бренда, проводившейся силами солидной команды рекламщиков, маркетологов, бренд-менеджеров и прочих рыночных специалистов, постепенно догнал «Пантогам» по объему продаж, а в 2008 году и обошел его, став продуктом номер один. Но к тому времени у компании в линейке уже было много препаратов, большую часть которых создали в ее недрах. Некоторые — тот же Копелевич...

СЛАДКИЙ ПОДХОД

Конечно, сказать, что к концу прошлого века «ПИК-ФАРМА» стала крупным предприятием, было бы очень смело. Однако это уже была солидная, в меру амбициозная фирма, крепко стоявшая на ногах, уважаемая в фармацевтическом сообществе, имевшая свои каналы сбыта и хорошо представлявшая тот непростой сектор бизнеса и рынка, в котором работала. Руководство уже прекрасно разбиралось в лекарственных препаратах, в тонкостях вопросов регистрации, имело выходы на важных людей в Фармакологическом комитете, в Минздраве и в других ключевых учреждениях. Такое укрепление позиций Вячеслав Михайлович не только чувствовал, но и реально видел. И, понимая это, начал постепенно подговаривать руководство не ограничиваться только купленными лицензиями, а разработать что-нибудь собственное.

И кандидат на такую разработку у него уже был.

Как уже было сказано, «Пантогам» довольно неожиданно стал весьма популярен среди педиатров. Но в педиатрии, а точнее, в педиатрической фармацевтике, есть свои подводные камни, на которые «Пантогам» и напоролся. Ведь это взрослому человеку легко можно дать таблетку. Сказать, чтобы он проглотил, и он проглотит. Запьет стаканчиком воды и проглотит. Сложно будет проглотить целую таблетку — сделает это по частям. С детьми такой фокус проходит далеко не всегда. Горькая и огромная таблетка часто комом встает в детском горлышке. Да и туда ей еще надо попасть. А это не так просто, если учесть плотно зажаты в оборонительной позиции рот ребенка, просто не желающего глотать этот ужас. И это касается более-менее взрослых детей, которые уже что-то понимают. А попробуйте вы дать пусть даже растолченную таблетку маленькому человеку, который еще разговаривать не умеет и уж никак не понимает, какую пользу ему должна принести эта горечь. Тут уж как вы ни старайтесь, но вся таблетка сразу будет выплюнута. Поэтому врачам и родителям приходилось изворачиваться кто во что горазд. Таблетки толкли и смешивали с сахаром, заливали сахарным сиропом, добавляли в пищу, но все эти процедуры отнюдь не способство-

вали повышению лечебного эффекта. Ведь таблетка, в отличие от порошка, именно на то и рассчитана, чтобы в относительно целом виде добраться до желудка. И уже там раствориться и усвоиться полностью. В иной форме для достижения сопоставимого эффекта нужно уже рассчитывать иные дозы и концентрации препарата. Рынок с нетерпением ждал появления именно детской формы препарата. И Копелевич это ожидание чувствовал.

Для человека, далекого от медицины вообще и от фармацевтики в частности, задача может показаться тривиальной. Нужно сделать детский препарат — не проблема. Возьмите концентрацию поменьше, разведите сиропчиком да картинку веселую на коробочке напечатайте, и все будут довольны. Но для того, кто в предмете хоть немного разбирается, ясно, что тут далеко не все так просто.

Чтобы получить приятный вкус, совсем недостаточно просто взять любой сироп и смешать с лекарством. Порой от этого можно получить совершенно обратный эффект. Представьте, что вам в бокал пива накидали сахара. Как по-вашему, легко будет выпить получившееся? А в случае с детьми вкусовой букет имеет еще большее значение. Кроме того, различные компоненты, из которых изготовлялся сироп, могли мешать лекарству в его работе. Поэтому для нового препарата требовалось создание собственного сиропа, который бы устранял горечь, имел привлекательный аромат и не мешал действию лекарства. Кроме того, у жидкой формы, в отличие от таблетки, есть одна неприятная особенность. Препарат в ней распадается значительно быстрее. Это хорошо, когда мамочка растолкла таблетку в ложечке, залила сахарным сиропчиком и тут же дала ребенку в употребление. В случае промышленного изготовления все может получиться не так гладко. А именно: препарат быстро распадется и в лучшем случае потеряет активность, а в худшем может и вообще стать опасным для здоровья. Кроме того, в различных сиропах замечательно размножаются бактерии, многие из которых отнюдь не безобидны. Поэтому в композицию необходимо было включить специальные химические стабилизаторы, которые тормозили бы распад активного вещества, и консерванты. Но и это еще не все. Новый препарат должен был пройти новое клиническое испытание, более сложное, чем в случае с обычными взрослыми препаратами.

Довольно неплохие сиропы тогда делали на Щелковском заводе, на котором уже изготавливался «Пантогам», но непосредственно их разработкой там не занимались. Специалистов по таким лекарственным формам не было ни в «ПИК-ФАРМЕ», ни в Институте витаминов. Но они были у Вячеслава Михайловича. После того как руководство компании решилось наконец начать работу над детским «Пантогамом», он обратился к давней своей знакомой, доценту кафедры фармацевтической технологии Московской медицинской академии имени И.М. Сеченова Инессе Александровне Девяткиной, и она выделила в распоряжение компании одну из лучших своих аспиранток — Галю Ким. Все вместе они уже в 2001 году создали новую лекарственную форму «Пантогам-сироп», которую можно было давать даже новорожденным уже в первые дни жизни.

За год до этого умерла подруга Тамары и Вячеслава, давняя помощница и соавтор по многим работам Копелевича, замечательный ученый и человек, кандидат медицинских наук, заведующая лабораторией ВНИВИ Маргарита Арнольдовна Ковлер. Она совсем немного не дожила до 60-летия — возраста, для ученого наиболее плодотворного.

Институт витаминов продолжал постепенно разваливаться. Отсутствие какой бы то ни было поддержки со стороны государства, с одной стороны, и громадные накладные расходы в виде всевозможных коммунальных и не только коммунальных платежей делали свое дело. Не последнюю роль играло и то, что расположенный рядом с метро огромный комплекс представлял собой довольно лакомый кусок для всяческого рода рейдероподобных деятелей, коих в начале тысячелетия развелась уйма. Только представьте: территория — более 2 гектаров, на ней стоят четыре больших здания общей площадью около 10 000 квадратных метров. При средней стоимости аренды 500 долларов в год за квадратный метр, даже сдавая половину, можно получить 2 500 000 долларов. Тут есть за что побороться. А то, что на этих 10 000 метров рождались уникальные препараты, которые несли здоровье всем людям, то, что именно ВНИВИ был отцом препаратов, переоценить значение которых не просто сложно, но поистине невозможно, что именно его сотрудники на этих метрах создали всем сейчас хорошо известные «Ревит», «Унде-

вит», «Гексавит», «Компливит», «Гендевит», «Аэровит», «Сел-мевит», «Ферровит», не говоря уже про «Пикамилон» и «Пантогам», так разве это можно принимать в расчет, когда речь идет о конкретных живых деньгах? Которые вполне можно легко «срубить» без всяких дорогостоящих исследований и непонятного балласта в виде копошащихся в лабораториях химиков, биохимиков, микробиологов и фармакологов.

Но пока институтский комплекс принадлежал государству, «съесть» его было сложно. Приватизация была намечена на 2005 год, Мария Надточий собирала необходимые документы, и становилось абсолютно ясно, что, если тянуть с захватом, институт имеет реальный шанс перейти в руки трудового коллектива, поэтому перспективным хозяевам надо было торопиться и начинать подготовку к ведению боевых действий. Административно институт, называвшийся теперь ФГУП «Государственный научно-исследовательский институт витаминов», принадлежал Минпромэнерго, но перехватить его постаралась другая мощная госорганизация — Министерство здравоохранения. Минздраву, еще до слияния в 2004 году с Министерством труда и социального развития, удалось «откусить» от 10 000 в безвозмездное пользование пятую часть площади и посадить туда собственную структуру — ФГУ «Научный центр экспертизы средств медицинского применения». Именно ей в скором времени предстояло выступить в роли боевого авангарда.

Все эти боевые действия отнюдь не способствовали научной работе. И Вячеслав Михайлович появлялся в своей лаборатории все реже. Теперь он предпочитал работать дома, а по выходным — на даче. Бурное развитие Интернета, который Вячеслав Михайлович, несмотря на возраст за 60, весьма активно осваивал, тому способствовало. К 2003 году у него накопилось уже более полутора сотен публикаций в различных серьезных научных журналах, но понять человеку, далекому от химии, их вряд ли получится. В качестве примера — довольно безобидный отрывок из статьи «Витаминоподобные соединения L-карнитин и ацетил-L-карнитин: от биохимических исследований к медицинскому применению», опубликованной в журнале «Український біохімічний журнал» (т. 77, № 4, с. 25–45):

«Нейрозащитное действие L-карнитина было выявлено у крыс на модели митохондриальных нарушений, вызванных 3-нитропропионовой кислотой (3-НПК). Ранее было показано, что 3-НПК является мощным митохондриальным токсином, который вызывает снижение нейронального уровня АТФ через ингибирование сукцинатдегидрогеназы комплекса II митохондриальной транспортной цепи электронов. Предварительный прием L-карнитина крысами полностью предотвращал снижение температуры мозга, вызванное введением 3-НПК. Защитный эффект L-карнитина, по-видимому, обусловлен его митохондриотропными свойствами». Конечно, не знаю, как вы, но я что-то понял. Понял, что крысам стало лучше, но вот как и почему, это от моего понимания как-то ускользнуло.

Зато в 2003 году он выпустил в издательстве «Генезис» вполне человеческую книжку, называвшуюся «Чудо карнитина. Книга для тех, кто заботится о своем здоровье». Вот как она начинается:

«Здоровье человека в значительной степени зависит от полноценного и сбалансированного питания. Эта истина, не вызывающая сомнений ни у кого, разве что у приверженцев особо экзотических учений о «правильной пище». Еще в Древней Греции великий Гиппократ показал, что с помощью диеты можно предупредить или устранить причины многих наших недугов. А в конце XVIII века знаменитый немецкий философ Иммануил Кант писал, в частности, что правильное питание — это искусство предотвращать болезни. Представления великих ученых и клинические исследования существенно расширили накопленный в течение веков опыт народной медицины, и сейчас мы считаем диету одним из наиболее эффективных средств лечения и профилактики многих болезней». А дальше на 73 страницах весело и интересно, даже с картинками, рассказывается об истории открытия и исследований карнитина, о том, как он помогает поддерживать здоровье, как он действует на детей, как его используют спортсмены, как он борется со старением, с болезнями. О том, что книгу написал настоящий ученый, а отнюдь не писатель-популяризатор напоминает лишь то, что книга заканчивается списком использованной литературы. Характерный признак. Писатель закончил бы так: «2002—2003 год, Московская область, дачный поселок «Минтрансстроевец-2».

ДВИЖЕНИЕ К НЕДВИЖИМОСТИ

В России дача — это нечто большее, чем загородный дом. Это даже не крепость. Это вторая душа. Городская квартира — это место, где человек спит, ест, отдыхает, а дача — это продолжение самого человека, его воплощение в рукотворную материю. Я говорю, конечно, не про каменный коттедж в полтысячи квадратных метров общей площади с сауной в цоколе, котельной в подвале и видеонаблюдением по периметру. Нет, это не дача. Что хотите — вилла, ранчо, палаццо, дворец, замок, — но не дача.

Вообще, само понятие «дача» именно в том значении, в котором мы его сейчас воспринимаем, появилось в начале XVIII века, хотя слово возникло раньше. Так назывались подаренные князем земли. Эдакая «дача от князя». В СССР это была дача земли от государства, а точнее, от государственного ведомства. У Института витаминов был свой дачный кооператив, как нетрудно догадаться, «Витамин». Но Копелевич в нем не состоял. Зачем, если есть хорошая дача, доставшаяся от родителей жены. И недалеко, каких-то 50 километров по Новой Риге⁴⁷. Рядом Истра, воздух — чудо, кругом зелень. В 10 минутах ходьбы — станция железной дороги Ядрошино, на случай если едешь без машины. Полтора часа в вагоне — и вы уже на Рижском вокзале. А от Тушинской, где загружались в огромного зеленого железного змея на колесных осях, и того меньше.

Конечно, это отнюдь не каменный дом, а самочинная деревянная постройка на стандартных 6 сотках с небольшими уютными комнатками, чердачком, подвальчиком, сарайчиком, летним душем и даже с маленькой мастерской. Во дворе растет яблоня. Посадила ее когда-то мама Тамары Ариевны, а Слава выкрасил ее ствол в цвета любимого ЦСКА. Везде клумбочки и грядки с цветами — розами, астрами, хризантемами и массой других, названия которых мне не знакомы, но очень красивых. Цветы —

⁴⁷ Если кто не знает, Новорижское шоссе, оно же — магистраль «Балтика», или трасса М9. На конец XX века, пожалуй, лучшая в России трасса.

страсть Тамары Ариевны, она про них знает все, пожалуй, не меньше, чем про витамины. Как дача — метафизическое расширение их общей со Славой семейной души, так цветы — это ее персональное расширение. Слава не очень любил копаться на грядках, высаживать рассаду, удобрять почву или укрывать всходы, чтобы не померзли, подвязывать гладиолусы. Но и у него тут было свое личное расширение. На веранде стоит сделанный им лично довольно добротный столик, в саду — скамейка. В перерывах между написанием статей он любил здесь поплотничать. Когда я приехал сюда, в поселке был небольшой праздник: после трехнедельного перерыва дали воду.

Галина Викторовна Щуревская, соседка по даче Тамары Ариевны Шапиро и Вячеслава Михайловича Копелевича, дачный поселок «Минтрансстроевец-2», июль 2011 года

— Слава очень хороший был сосед. Очень любил дерево, любил работать с деревом. Иногда найдет что-нибудь, что другие выставили, и так отреставрирует — ну не узнать. Вот столик какой сделал — чудо! Сам все укрепил, ошкурил, покрыл лаком — хоть сейчас в музей. У него был деревянный верстачок, и он что-то там пилил, какую-нибудь ножку приделывал, сам себе сделал журнальный столик. У них во дворе стоял такой большой зонт от солнца, и вот он сидел в кресле и читал, а рядом этот столик стоял с журналами, тетрадями и с компьютером. Руки у него очень хорошие были. И не только руки, но и сам он был очень хороший, порядочный, не конфликтный, ни в каких пьянках или драках, как бывает на дачах, участия не принимал. Почти совсем не пил. Ну так, иногда с мужем моим сядут, по рюмочке поднимут — и все. Мой иногда перебирал, но Слава никогда.

— Что же, он здесь только плотничал?

— Нет, конечно. Он в лес ходить любил, я его водила за грибами. Он очень любил грибы собирать, а искать их не очень умел, а я заядлая грибница была и несколько раз брала его с собой. Один раз я набрала грибов полную корзину и уже пошла к дому, тут вижу — пень весь в опятах. Я прибежала к Славе, говорю: «Слава, срочно собирайся, там пень с опятами!» Он их тогда нарезал, такой довольный ходил. Он меня вообще уважал,

считал, что у меня инженерное мышление хорошо развито. Вот, допустим, подбивали они забор. Они его тянут, чтобы выправить, а я и говорю: «Кто же его руками выправит? Возьмите доску, установите один конец в кювет и выправляйте ею. Так и сделали, и все легко вышло. Или вот эта теплица у них сейчас, как у меня, натянута, а там совсем слабо раньше было и металлическими скрепками, так, что и не оторвать, и не натянуть. И я им подсказала вбить гвоздь и использовать его как рычаг для натяжения. Таких много примеров было. Слава же он был химиком талантливым, а с физикой у него было не очень, с техникой — на вы.

— Что, совсем он был без недостатков?

— Ну, без недостатков людей не бывает. Ну вот, не знаю, можно ли это назвать недостатком, но он очень боялся кошек. У меня один раз кошка залезла на дерево и орет, слезть не может, я подставила стремянку, забралась наверх, стянула ее оттуда, а Слава мне тогда стремянку держал. Я ему говорю: «Слава, поддержите, пожалуйста, кошку», а он мне: «Галя, все что угодно, но только не это».

— Боялся, что поцарапает?

— Нет, он вообще боялся животных, даже мышей. У них как-то мышь в мышеловку попала, так они меня среди ночи звали, чтобы я ее вытащила. Я вытащила, в сад вынесла и отпустила.

— Что, Тамара Ариевна тоже животных боялась?

— Нет, она побоевитее была. Но мышей не любила. А Слава не любил, а именно боялся. А так хороший был человек, ничего больше такого отрицательного и не припомню. Жили мы дружно, праздники вместе отмечали. Когда-то мы стол накрывали, когда-то они, когда-то к другим соседям вместе ходили. Шашлыки жарили, пироги пекли, плов делали. Слава готовить очень любил, рецептов знал массу. Мы с ним частенько блюдами обменивались. Я даже один салат, которому он меня научил, назвала «Слава». Там морская капуста, вареные яйца, майонез и что-то еще. Не помню, у меня записано. А я его выпечкой радовала, он очень мучное любил, пироги, хворост, печенье всякое. Он от этого просто млел. И ведь мучного много ел, а полным не был, весь такой поджарый всегда. Вот что значит, здоровый обмен веществ был у человека.

— Может, это его витамины так работали?

— Не знаю, все может быть. Мы тут тоже, кстати, его «Пикамилон» покупали, хороший препарат, нужный. Мы же вместе тут 30 лет прожили, бок о бок. Это же еще наши родители получали землю от Министерства транспортного строительства. Этот участок Тамарин папа получал, он в министерстве был большим начальником. Кажется, в финансовом управлении. У Славы, кстати, с Тамариными родителями отношения были замечательные, он их очень уважал. Но их и нельзя было не уважать. Особенно папа у Тамары был славный. Он вот уже был старенький, а все равно, как я что-то копать начну, он сразу подбегает: «Давай, Галя, помогу». Такой был хороший! И Славу они очень любили. Но сейчас из тех, кто эти участки получал, уже почти никого не осталось. Вот и наше поколение начало вымирать. За полгода из нашей компании трое умерли. Сначала мой муж, потом, через три месяца, — Слава, а потом еще соседка. И дачи хозяева продают, какие-то новые, совершенно незнакомые люди приезжают. Вообще, у нас тут большая компания была, 9 человек. Нас с мужем двое, Тамара со Славой, еще одна пара, а напротив Пятигорские жили, трое — муж, жена и сестра. Мы постоянно друг к другу в гости ходили. Вот сейчас будем праздновать День Военно-морского флота, раньше в этот день шли к соседу. Он водолаз, на 29 июля всегда флаги вывешивал, тельняшку надевал. А сейчас не до веселья, вот такие дела.

— Вячеслав Михайлович здесь много времени проводил?

— Все лето он тут был, а весной и осенью — каждые выходные. Еще он очень любил читать, и я его книгами снабжала. Последнюю дала толстую такую, про Сталина.

— Его так интересовал Иосиф Виссарионович?

— Нет, но он говорил, что надо все-таки прочитать об этом человеке, узнать его получше, понять. Но дочитать эту книгу он уже не успел. Мы с ним о политике часто спорили, он против советской власти, а я за. Я говорю, что я лучше тогда жила, а сейчас все захватила кучка людей и жирует, никаких ценностей, кроме денег, не стало. Ему ведь тоже тяжело было, ведь институт, где они всю жизнь с Тамарой работали, почти закрылся. Он по этому поводу переживал очень сильно. Хорошо еще, что его на

фирму пригласили работать консультантом, он после этого прямо душой воспрянул, что его работа еще нужна кому-то. А фирма эта к нему серьезно относилась, даже сюда ему постоянно звонили, приезжали за ним.

— Говорят, что он был замкнутым человеком. А вы говорите, что спорили с ним.

— Не был он замкнутым. Он был культурным. Вот анекдоты он никогда не рассказывал, но, я так думаю, это потому, что он боялся ненароком кого-то обидеть. Потому что слушать анекдоты он любил. Я тут главная анекдотчица, много анекдотов знаю, ему их рассказывала, и он их с удовольствием слушал.

— Может, это он просто из вежливости слушал?

— Нет, знаете, это же всегда хорошо видно, нравится человеку или из вежливости. Он с удовольствием слушал, хохотал, но сам никогда не рассказывал. Хотя нельзя сказать, что я какие-то суперинтеллектуальные анекдоты рассказывала, часто так, глупости. Ну, вот такой ему как-то очень понравился. Ночь, кухня, открывается дверь холодильника, вываливается оттуда вся обвешанная сардельками такая толстенная мышь и идет вразвалку к своей норке. Около норки стоит капканчик, мышеловка, а в ней — маленький кусочек сыра. Она на него смотрит и так с ухмылкой говорит: «Нет, ну прям как дети...» Кстати, я вот говорила про животных, так Слава и мышей боялся. Вообще, они с Тамарой были идеальной парой. Молодцы, жили дружно, душа в душу. Плохо, что детей не было, для Тамары это был большой удар. А сейчас Тамара вообще одна осталась. Но держится молодцом. Цветы видите какие растит? Она у нас по цветам самый главный специалист. И сама всегда была как цветок, всю Слави-ну жизнь украшала. А он — ее украшал.

В том, что Вячеслав и Тамара были идеальной парой, у меня нет и капли сомнения. Уж слишком хорошо они друг друга дополняли. Оба химики, возраст примерно один, при этом она любит и умеет красиво и интересно говорить и рассказывать, а он любил и умел хорошо слушать. И оба — явные оптимисты. В конце 1990-х некая девочка на ВДНХ сумела продать им таймшер за вполне умеренные деньги. Тамара до сих пор вспоминает этот

таймшер как самый лучший в жизни отдых. В том же году, в октябре, они поехали в испанскую Марбессу⁴⁸, где заняли четверть большого коттеджа: две большие комнаты, два санузла, кухня. Вместе ездили в Марбелью, где гуляли по аллее с мраморными скульптурами работы Сальвадора Дали. На следующий год поехали в Хургаду, потом — в Париж, где у них тоже были великолепные апартаменты, а еще год спустя — на Канарские острова.

Ну и конечно, ездили к покинувшим Россию родственникам — в Израиль и в США. Правда, одна из поездок в 2003 году в столицу штата Теннесси город Нэшвилл к брату Славы Виктору была отнюдь не радостной. Там хоронили Риту Яковлевну, урожденную Ревекку Блюмкину. Она прожила 91 год, на 33 года больше, чем муж.

⁴⁸ Марбесса — пригородный район испанского курорта Марбелья.

ИНСТИТУТ БЕСПРАВИЯ

Принято считать, что электронная почта убивает эпистолярный жанр. По-моему, это утверждение весьма спорно. Много ли мы писали писем до появления Интернета? Одно-два в месяц. Плюс поздравительные открытки на праздники с трафаретными текстами. Сейчас же многие люди отсылают в день по десятку писем. Раньше бумажные письма хранились в перевязанных ленточками пачечках и рано или поздно вместе с этими ленточками куда-то пропадали. Сейчас же письма лежат на мощных серверах, они задублированы на домашних компьютерах, а у многих наиболее искушенных пользователей — еще и в архивных файлах на отдельных дисках. На всякий критический случай. Так что «мэйлы», по моему скромному мнению, отнюдь не повредили «письменности», не привели к ее исчезновению и, как следствие, к потере информации, а, напротив, помогли ее сохранению и даже структурированию.

В июле 2005 года Вячеслав Михайлович обзавелся личным почтовым ящиком на одном из популярных российских почтовых сайтов. До того основным средством связи, кроме, естественно, телефона и личных встреч, оставались бумажные письма. Конечно, был у него и ящик, предоставленный провайдером, но пользовался им Вячеслав Михайлович не часто. Он и новым-то сначала пользовался довольно редко, раз-два в месяц, но постепенно раскусил всю прелесть электронной переписки и уже спустя год стабильно строчил по 2—3 полноценных письма в день.

Первое послание с нового аккаунта было адресовано председателю Московского отделения Геронтологического общества РАН кандидату биологических наук известному российскому геронтологу Анатолию Дееву.

«Уважаемый Анатолий Иванович!

Мы весьма плодотворно переговорили с Вами в офисе «ПИК-ФАРМЫ» и сейчас хотели бы перевести наш разговор в практи-

ческие исследования. Очень коротко о том, что нас интересует в настоящее время в области гериатрии⁴⁹.

Во-первых, L-карнитин, который «ПИК-ФАРМА» успешно производит в течение 5 лет в качестве лекарственного препарата под торговым названием «Элькар». Многочисленные данные показывают, что L-карнитин повышает активность митохондриальных ферментов, увеличивает поток электронов через транспортную электронную цепь и улучшает сниженное равновесие в организме старых животных, таким образом улучшает их энергетический статус. Эти и многие другие исследования дают основания считать, что «Элькар» может быть полезен в геронтологии, но мы понимаем необходимость проведения испытаний с участием пожилых людей.

Во-вторых, комбинация из двух природных соединений, ацетил-L-карнитина (АЛК) и липоевой кислоты (ЛК). Исследователи из Калифорнийского университета в Беркли обнаружили, что эта комбинация значительно замедляет процессы старения. Результаты большого числа экспериментов по изучению активности этой комбинации были опубликованы в серии статей в ведущих научных журналах в 2000—2004 годах. После двух месяцев введения большой дозы этих веществ организм старых животных функционировал так же, как организм молодых особей. Калифорнийские ученые отметили, что подопытные животные пребывали в отличной физической форме: они могли пробегать каждый день дистанции в два раза длиннее обычного, и, кроме того, у животных значительно улучшилась память.

Мы добавили к этой комбинации ряд витаминов группы В, изучили ее активность на старых животных и получили весьма обнадеживающие результаты. Нам представляется интересным провести экспериментальные исследования и на других моделях, а также клинические испытания этой комбинации и на людях,

⁴⁹ Гериатрия (от др.-греч. γέρων — «старик» и ἰατρεία — «лечение») — частный раздел геронтологии, занимающийся изучением, профилактикой и лечением болезней старческого возраста, таких как болезнь Альцгеймера или болезнь Паркинсона.

учитывая, что все компоненты этой комбинации разрешены для медицинского применения.

Мы бы хотели услышать от Вас предложения по проведению исследований по «Элькару» и новой комбинации с Вашим участием, а также других специалистов, которые, на Ваш взгляд, могли бы быть заинтересованы в сотрудничестве с нами. В частности, с Н.Г. Колосовой⁵⁰ из Новосибирска. Интересно и Ваше предложение об изучении влияния препаратов на водителей и другие контингенты людей и др.

Мне, как автору, было интересно услышать Ваш рассказ об использовании «Пикамила» в США. Есть ли у Вас какие-либо сведения или отзывы о результатах его применения? Написан ли Вами или кем-либо обзор новых данных по «Пикамилону»? Буду Вам признателен за любые сообщения по этому вопросу.

Заранее благодарен.

Главный научный консультант ООО «ПИК-ФАРМА»
Копелевич Вячеслав Михайлович».

Главный научный консультант «ПИК-ФАРМЫ» всю жизнь занимался научными исследованиями. Только уже не на базе своего родного Института витаминов. Он еще числился в нем ведущим научным сотрудником, но появлялся там все реже. Научная база, на которой проводились поддерживаемые «ПИК-ФАРМОЙ» исследования, переместилась в Институт патофизиологии РАН, руководила которым старая знакомая Вячеслава Михайловича, председатель Комитета по токсикологии и Фармакологического комитета доктор биологических наук Татьяна Александровна Гуськова. Здесь Копелевич работал над созданием совершенно нового препарата.

Передислокация произошла вовремя. Уже в начале ноября 2005 года в кабинет Марии Надточий вошли пять человек, одним из которых оказался исполнительный директор Ассоциации российских фармацевтических производителей Виктор Дмитриев, по совместительству замдиректора ФГУ «Научный центр

⁵⁰ Колосова Наталья Гориславовна — доктор биологических наук, руководитель сектора геномной и постгеномной фармакологии Института цитологии и генетики СО РАН.

экспертизы средств медицинского применения». Того самого ФГУ, которое уже занимало пятую часть площадей института. Пришедшие зачитали приказ о снятии ее с должности директора и передаче полномочий новому руководителю — Виктору Дмитриеву. После чего попросили освободить помещение в максимально короткий срок.

Сразу после зачистки директорского кабинета начались и зачистки сотрудников. Были уволены заведующая лабораторией химии и технологии полигетероциклических соединений Инна Рудакова, ведущий аналитик института заместитель директора по научной работе Эрнест Иванович Козлов, полный состав микробиологической лаборатории вместе с заведующим Павлом Николаевичем Королевым, почти все сотрудники лаборатории микрогранулирования и микрокапсулирования. Отправлены в неплачиваемый бессрочный отпуск заместитель заведующей этой лаборатории, автор известного кардиопрепарата «Нитрогранулонг» Александра Ивановна Воронкова, заведующий лабораторией готовых лекарственных форм Александр Григорьевич Дараган и ведущий сотрудник этой лаборатории Алла Гришина, хорошо нам известные по препаратам «Компливит» и «Глутамевит», заместитель заведующего и старший научный сотрудник аппаратурно-технологической лаборатории Лидия Евгеньевна Бурова и Нина Абрамовна Никольская, кандидат наук Галина Сергеевна Козлова. В отпуск был отправлен и наш герой. Иными словами, от работы тем или иным способом отстранили практически всех, кто так или иначе занимался значимыми научными исследованиями. Весь остальной кадровый состав, за исключением административных и технических работников, отправили в отпуск без содержания до Нового года. 120 человек. И всем им недвусмысленно намекнули, что лучшее, что они могут себе на этот Новый год подарить, — это новая работа.

Потом очередь дошла до документов и прочего бесполезного для новых хозяев хлама. Архив института, разработанную за несколько десятилетий научно-техническую документацию, вынесли в холл и ежедневно мелкими партиями отправляли на свалку. Что-то сотрудники пытались спасти, унося бумаги домой. Погибла оставшаяся без ухода после расформирования лаборато-

рии уникальная микробиологическая коллекция, использовавшаяся ранее для синтеза и анализа витаминов и коферментов. Работа института была даже не практически, а именно парализована. Были официально приостановлены, а на самом деле закрыты находившиеся на завершающей стадии работы по созданию целого ряда оригинальных препаратов в области онкологии, неврологии, дерматологии, кардиологии, офтальмологии, гастроэнтерологии, терапии эндокринных и гинекологических заболеваний. Так и осталась неоконченной разработка нового метода синтеза фолината кальция (торговая марка «Лейковарин»), входящего в утвержденный Минздравом перечень жизненно необходимых лекарственных средств. Между тем он должен был сильно помочь врачам в борьбе со СПИДом, онкологическими заболеваниями и при осложнениях во время беременности.

И ведь нельзя сказать, что коридоры института после этого опустели. Напротив, они наполнились людьми вдвое против обычного. В бывших лабораториях кипела работа: штукатурки и маляры красили стены, сантехники ставили новые унитазы и раковины-тюльпаны, электрики меняли проводку. Евроремонт торжественно шагал по помещениям.

В самом конце 2005 года отстраненные от работы сотрудники института написали открытое письмо Борису Алешину, руководителю Федерального агентства по промышленности. В письме они выражали искреннее удивление тем, что деятельность их института, направленная на укрепление здоровья граждан страны, фактически остановлена не без молчаливого согласия Министерства здравоохранения, сотрудником которого был по факту новый директор Виктор Дмитриев. И все это в то время, когда президент по телевизору говорит о том, что нам нужно всячески развивать биотехнологии. «Единственная деятельность, — говорилось в письме, — которая активно осуществляется новой администрацией, — это поиск арендаторов и сдача освобождаемых площадей без надлежащего оформления».

Мария Надточий подала в суд на необоснованное и незаконное увольнение. В начале 2006 года ее восстановили, но пробыла она в должности директора недолго. Вскоре ее заменили на Михаила Кузнецца, а сам институт стал называться «Открытое

акционерное общество „НИИ Витаминов“». Михаил Ефимович был действительно удачным выбором. Из всех предыдущих он, пожалуй, в наибольшей степени подходил на директорскую должность. Тоже ученый, он искренне стремился вернуть переданное ему учреждение в рабочее состояние. Вместе с тем прагматичный ум помогал ему принимать на своем посту верные решения, которые вполне могли вывести институт из кризиса. В нем возобновились НИР — научно исследовательские работы, — их вели за счет средств, полученных от сдачи помещений в аренду коммерческим фирмам, был практически построен виварий, без которого невозможно было и мечтать о биологических экспериментах. Ему удалось привести к себе рабочие группы разваленного Института антибиотиков, причем группы эти уже имели свои заказы, то есть они принесли практически живые деньги. Сначала Михаил Ефимович пытался получить заказы на НИР от крупных отечественных предприятий, но спустя два года понял всю бесперспективность подобных попыток и полностью переключился на малые заказы: испытания и сертификацию препаратов, разработку документации и так далее. То, что не получилось взять сразу, институт успешно брал по частям. Доля НИР в прибылях учреждения росла как количественно, так и объемно, и, по расчетам Кузнеця, примерно к 2015 году институт мог бы вообще отказаться от сдачи помещений в аренду и жить за счет профильных научных работ и разработок. Чего стоил один только проект создания индивидуальных витаминных комплексов, когда витаминные препараты создавались бы под каждого конкретного человека в соответствии с его индивидуальными особенностями и потребностями! Но для этого требовалось время. Сейчас же надо было справиться с абсолютной разрухой, в которой пребывало пока еще государственное учреждение.

Вячеслав Михайлович все еще продолжал числиться ведущим научным сотрудником. В самом начале 2008 года он писал своему старому другу Мойсеенку:

«Андрей Георгиевич, добрый день!

Очень хорошо понимаю твои проблемы и все-таки рад, что в этих условиях продолжаешь работать. У нас в институте все значительно хуже. Последние дни пришлось там побывать после

долго перерыва. Впечатление не радостное. Правда, сделан неплохой ремонт в центральной части и на 2-м этаже: новые окна, чистые стены, новый туалет. Но на 3-м этаже полный развал. Лаборатории разорены, из них все выброшено, библиотека тоже выброшена куда-то на чердак или в подвал. Из моей комнаты вынесены все образцы, ценные реактивы, бумаги, лабораторные журналы. Все немногочисленные сотрудники отправлены в отпуск за свой счет. Работают только бухгалтерия и 3–4 сотрудника для составления бумаг и очистки помещения. Вообще полное уничтожение Витаминного института как научного учреждения. Встречался с Владимиром Ивановичем (Гунаром. — *В. Ч.*), и он передавал тебе большой привет. Он все-таки разговаривал с Козловой, и она сказала, что ничего из лаборатории не забирала. Так что с L-пантолактоном пока ничего не получается. Я думаю, что, в крайнем случае, сравнение результатов, полученных на модели с D-ГПК⁵¹... также будет весьма интересно... Мы разрабатываем сейчас препарат для снижения веса, и нас интересуют модели ожирения и все связанное с этим. Есть ли у тебя соображения по этому вопросу?

«ПИК-ФАРМА» в этом году не проводит симпозиума на конгрессе⁵² и будет участвовать только в выставке. В любом случае заявки на доклады уже не принимаются. В принципе доклад или статья по новым данным по ГПК должен быть интересен для фирмы. Главным образом, конечно, их интересуют клинические данные. Если бы ты прислал мне краткое содержание, то я бы показал его руководству, и можно было бы заказать тебе статью (за соответствующее вознаграждение) и опубликовать ее в одном из московских журналов.

С наилучшими пожеланиями,
Вячеслав Копелевич».

Наконец 1 апреля 2009 года доктор химических наук Вячеслав Михайлович Копелевич подал заявление об увольнении по собственному желанию. Институт продолжал существовать

⁵¹ D-ГПК — D-гопантенная кислота. Правозакрученный изомер гопантеновой кислоты.

⁵² Имеется в виду традиционный ежегодный конгресс «Человек и лекарство».

еще чуть меньше двух лет. Несмотря на то что он работал вполне исправно, сам себя обеспечивал, на дотации не сидел и при этом занимался наукой, совет директоров, состоявший большей частью из чиновников, далеких от науки, решил, что, чем получать деньги по копейке, но долго, лучше уж ухватить один раз, но много. Перспектива же мало кого интересовала — учреждение все равно не свое, а государственное.

— Знаете, — рассказывал мне Михаил Кузнец, — если бы это произошло в первые два или три года моего директорства, я бы не расстраивался. Но к 2010 году было уже совершенно ясно, что институт вышел из кризиса и начал развиваться, причем довольно успешно. Он только-только на ноги поднялся, пошли заказы, люди поверили в то, что наука кому-то нужна, что их работа востребована. Были планы, и не просто прожекты, а реальные планы, подкрепленные договорами и соглашениями, был проект развития института, были реальные перспективы. А его убили. Это как потерять ребенка, которого нянчил пять лет.

В середине февраля 2011 года институтский комплекс приобрел за 491,5 млн рублей владелец компании «Sminex» Алексей Тулупов. 491 млн рублей — это примерно 16,8 млн долларов. Два гектара земли и 10 000 квадратных метров недвижимости ушли по цене 40 средних двухкомнатных московских квартир. По итогам сделки представитель бизнесмена заявил, что «НИИ витаминов интересен „Sminex“ с точки зрения строительства офисного комплекса». На его территории в пяти минутах ходьбы от станции метро «Калужская», где пока еще стоят здания бывшего флагмана российской витаминологии, планируется построить бизнес-центр общей площадью 30 000 квадратных метров, офисы в котором можно будет продать по цене около 5 тысяч долларов за квадратный метр.

Вячеслав Михайлович до этого исторического момента не дожил.

ЗАЧЕМ В КОТЛЕТАХ МУХИ?

Я вовсе не случайно оставил в письме Копелевича к Мойсенку кусочек про D-ГПК, правый изомер гопантеновой кислоты. Дело в том, что именно гопантеновая кислота являлась действующим веществом пантогама. Но в нем использовался правый изомер. Как уже говорилось, несмотря на одинаковую химическую формулу, разные изомеры одного и того же вещества физиологически действуют на организм совершенно по-разному. Обычно если один влияет хорошо, то другой — не очень, вплоть до наоборот, плохо. Один лечит, другой калечит. Возможно, таким образом природа стремится внести равновесие в сложный мир органических соединений и биологических организмов. В процессе синтеза обычно и тех и других изомеров получается примерно поровну, так что для того, чтобы сделать нормальный препарат, сначала их надо разделить. Отделить зерна от плевел, агнцов от козлиц, разложить мух отдельно, а котлеты отдельно. Процесс этот весьма сложен и дорогостоящ. Если от него отказаться, можно сделать лекарство более дешевым, а следовательно, более доступным. Но отказаться — значит, оставить в паре с полезным D-ГПК L-изомер, который, с большой вероятностью, поведет себя не так, как надо. Вячеслав Михайлович прекрасно помнил о ситуации с DL-карнитином, который был запрещен после почти 15-летнего применения. Но Копелевич помнил и другое. Помнил одно из основных правил инноватора: не бывает правил без исключений. Хочешь найти что-то новое — ищи исключения, ищи там, где никто не ищет. А что, если...

Конечно, Копелевич, как один из главных в России специалистов по ГПК, прекрасно знал об исследованиях японских ученых. Еще в конце 1980-х годов они выяснили, что ГПК дает серьезные побочные эффекты, вызванные, по всей видимости, ее вмешательством в метаболизм Кофермента А в печени. Но такие дефекты возникали при кратковременном применении препарата. А в фармакологии сплошь и рядом случается так, что при длительном приеме лекарства равновесие в организме сначала нарушается, но потом восстанавливается. Именно поэтому многие средства надо, если уж начал принимать, допивать до конца,

иначе вместо пользы организму можно принести серьезный вред. Так может, и в этом случае надо было растянуть испытания на подольше и не спешить с выводами?

Денис Матвеевич Юровский (Д.), Эльвира Андреевна Гусарова (Э.), основатели компании «ПИК-ФАРМА», Москва, апрель 2011 года

Д. — Это была очень интересная, поистине инновационная идея. Она сначала кажется просто развитием идеи пантогама, но на самом деле там лежит такая необычная научная мысль. Дело в том, что все биологически активные вещества в природе являются пространственно ориентированными. То есть они, как правило, являются изомерами, закрученными в ту или другую сторону. Пантогам — это как раз правый изомер гопантеновой кислоты. Если гопантеновая кислота это, собственно говоря, формула, то в биологически активном компоненте, именно в пантогаме классическом, в таблетках, в сиропе она представлена правым изомером. А Вячеславу Михайловичу захотелось понять, почему это везде левые изомеры работают, а в случае гопантеновой кислоты работает, наоборот, правый? А что, собственно, с левым? До него все знали, что правый действует, и на этом успокаивались. Работает — ну и ладно. А он проверил, и оказалось, что левый изомер тоже обладает биологической активностью, но немножко другой. Правый изомер высокоактивен, он легко всасывается, и у него быстрее наступает максимум действия. У левого активность слабее, но она более продолжительная, и этот максимум у него растянут во времени. Поняв это, Копелевич и предложил: «Давайте не будем делить изомеры, пусть будет смесь. Тогда вместе они дадут максимальный эффект, растянутый на максимальное же время». То есть он предложил нам сделать пантогам рацемический. Рацемат — это смесь изомеров, когда и левый, и правый вместе. Мы провели необходимые эксперименты, и оказалось, что его предложение работает. Вот такая у него получилась парадоксально простая идея.

— Что же в ней парадоксального? Просто хорошая.

— Парадоксально потому, что вообще такое положение, когда оба изомера хороши, для биологии не свойственно, там чаще

бывает наоборот: если один изомер полезен — другой токсичен. А тут такой необычный сюрприз. Мы провели исследования, приступили к разработке, и неожиданно оказалось, что никто в мире еще до этого не додумался. Никто и никогда еще не смел предположить, что DL-ГПК может быть действующим веществом лекарственного препарата. Поэтому мы получили свидетельство и патент не просто на препарат, на композицию и технологию, но именно на его действующее вещество, молекулу. И пантогам актив — это не продолжение пантогама, как это было с сиропом, а новый и совершенно оригинальный препарат, которому еще предстоит найти свое место на фармацевтическом рынке.

— Он так сильно отличается?

Э. — Достаточно сильно. Тут основная сложность в том, что субстанция для пантогама актив (так мы назвали препарат из DL-ГПК) плохо таблетруется. А раз таблетка у нас не получается, значит, нужна капсула, и капсула нужна нулевка, то есть самая большая. Такую грудному ребенку или дошкольнику проглотить уже сложно, а у нас ведь упор идет в основном на педиатрию, где «Пантогам» работает замечательно. Кроме того, поскольку действует он дольше, мы рекомендуем принимать его уже не на ночь, как обычные ноотропы, а днем. И он у нас уже идет не как педиатрический препарат, а, напротив, больше как раз как геронтологический. Он очень хорошо помогает в неврологической практике, при постинсультных состояниях. Но для того чтобы его запустить, нам пришлось начинать с абсолютного нуля. С поиска сырья, с производства субстанции, с разработки технологии, с подбора форм, с проведения полного комплекса исследований, доклинических, клинических и так далее.

— И сколько же времени это у вас заняло?

— 9 лет. Вячеслав Михайлович впервые обратился к нам с этой идеей в 2001 году, а препарат мы выпустили в 2009-м. И, опять же, хочу подчеркнуть, что Вячеслав Михайлович был основным генератором вот таких инновационных идей, а мы выступали в качестве инновационных менеджеров. То есть мы полностью создавали условия для его работы, мы ему говорили: «Ты только твори, а мы найдем лабораторную базу, мы найдем того, кто будет заниматься детальными исследованиями, мы найдем

предприятие-изготовитель, мы все достанем, все организуем и сделаем. Ты только выдвигай идеи. Он это и делал, а мы обеспечивали для него комфортные условия. Мы великолепно сотрудничали все эти 9 лет, поэтому и получилось все так эффективно. У него были замечательные идеи, причем в практическом воплощении, а нам удавалось все эффективно организовывать и обеспечивать.

И, конечно, Вячеслав Михайлович старался, по возможности, привлекать к работе старых друзей, создавая свою рабочую команду.

Андрей Мойсеенок, с которым Копелевич никогда не прерывал дружеские и профессиональные связи, хоть и защитил докторскую диссертацию почти на 10 лет позже, в карьерном плане продвинулся значительно дальше своего московского друга. К 2007 году он был уже заведующим отделом витаминологии и нутрицевтики ГУ «НПЦ «Институт фармакологии и биохимии» НАН Беларуси» и членком белорусской Академии наук. За проверку нового препарата Копелевича он взялся в октябре 2008 года. В группе работали три сотрудника института и один аспирант. Исследования проводились за счет собственного бюджета института на специально закупленном оборудовании. Все, что попросили у «ПИК-ФАРМЫ», так это заплатить 612 евро за необходимые реактивы.

Андрей Георгиевич Мойсеенок, апрель 2011 года

— Это случилось 2,5–3 года назад. Вячеслав Михайлович рассказал мне о своем удивительном решении. В принципе, химик не должен был этого делать ни в коем случае, но, видимо, Копелевич решил: а почему бы не попробовать?! Суть заключается в том, что, когда химики делают свои вещества, они в процессе химического синтеза, химической реакции не выбирают биологическую специфичность, а выбирают, ну например, фосфорилирование или введение какого-то гидроксила, и оно происходит так, как это свойственно химической реакции. Но если там присутствует несимметричный атом, то могут получиться так называемые стереоизомеры. Это из области стереохимии, она очень характерна для группы пантотеновых соединений.

Эта стереоизомерия бывает очень разной. Один стереоизомер для человека активен, а другой — нет. Как, например, амино-

кислоты. Тут для нас активны только L-стереоизомеры. D для организма — ничто, они просто не усваиваются. Точно так же для пантотенатов активными являются D-изомеры. Но в процессе синтеза получается и D- и L-формы, и потом сложная химическая задача заключается в том, чтобы L-форму убрать и оставить D-форму для D-гомопантотеновой кислоты.

Копелевич понял, что механизм действия этих соединений рецепторный. И, стало быть, смесь стереоизомеров может действовать совсем не хуже. Она плоха, когда идет усвоение вещества, биологически активной формы. Вот для пантотената эта идея не пример. А для гомопантотената? Пантогама? Где он действует именно на рецепторный механизм? Может быть, стереоизомер тут будет работать даже лучше! А значит, когда вы получаете DL-изомер на первом синтезе, потом вам не надо его разделять, а ведь такое разделение немало стоит. Почистили его, до нужной кондиции довели и пускайте в лекарственную форму! И Копелевич эту штуку реализовал в DL-форме пантогама. Беспрецедентный вариант, самая настоящая и очень смелая инновация!!! Я не хочу сказать, что там все вопросы уже сняты, но победителя не судят. Когда они получили этот пантогам актив, с учетом механизма действия стало ясно, что он сделал препарат высокорентабельным. Какое изящное решение! Знаете, это было решение даже не столько научное, сколько именно творческое.

Получился препарат, замечательно подходящий для подростков с задержкой умственного развития. Это дети, которые вызывают особую боль в семье. Одно дело, если вы видите имбецила или дауненка, с него и спрос невелик. Ходить умеет — уже хорошо. А тут нормальный, кажется, ребенок, ему помощи немножко — и он будет учиться в общеобразовательном классе. Это разница! Это огромная разница! И вопрос фармакокоррекции с помощью этих препаратов очень важен.

А ведь в основе было мужественное, нестандартное решение этого человека. И пришло оно именно потому, что он стал думать о рентабельности, оказавшись уже внештатным работником «ПИК-ФАРМЫ», для которой он и создал эту абсолютную, живую инновационную прибыль.

ИСТОРИЯ В ПИСЬМАХ

Воистину счастлив человек, который имеет возможность помогать другим людям. Вдвойне счастлив тот, кто умеет этой возможностью пользоваться. Вячеслав Копелевич был счастливым человеком.

(В приведенной электронной переписке имена, по понятным соображениям, изменены. Нина М. была в 1980-х годах аспиранткой Вячеслава Михайловича. По рассказу Тамары Ариевны, одной из лучших.)

9 мая 2007 года

Уважаемый Вячеслав Михайлович! Поздравляю Вас с Великой Победой! Желаю Вам сил, терпения и большого здоровья, новых разработок и новых лекарственных препаратов. Передавайте привет Тамаре Ариевне. С приветом,

Нина.

9 мая 2007 года

Нина, спасибо за поздравления с праздником, Желаем тебе всяческих успехов, счастья и здоровья.

С уважением,

Вячеслав Копелевич, Тамара.

19 марта 2009 года

Нина, отзовитесь!

Вячеслав Копелевич.

19 марта 2009 года

Уважаемый Вячеслав Михайлович! Здравствуйте. Очень рада, Вы даже себе не представляете, как хорошо, что Вы мне написали, а то я Ваш адрес потеряла и каждый раз, натываясь в сборниках на Вашу фамилию, вспоминала, как мы хорошо вместе все работали. Как у Вас дела? Как дела у Тамары Ариевны? Напишите мне. Я собиралась приехать на «Человек и лекарство», да только институт нам не оплачивает (кризис), а я недавно бабу-

лю схоронила, и как-то все материально пока трудно, но пока время еще есть, может, что-нибудь придумаю.

С почтением, Нина.

20 марта 2009 года

Нина, добрый день!

Получил от тебя сообщение. У нас все в основном нормально, правда, и у меня, и у Тамары здоровья не прибавляется. Витаминный институт практически не работает, и я собираюсь уволиться, т.к. все мы в отпуске без оплаты. Я сотрудничаю с «ПИК-ФАРМОЙ», и фирма проводит 7 апреля на «Человек и лекарство» симпозиум по пантогаму в связи с 30-летием медицинского применения. Будет 8 докладов, собирается приехать А.Г. Мойсеенок. Если будет у тебя возможность приехать, то буду рад тебя видеть. Мне недавно понадобился твой автореферат, но я не смог его у себя найти. Дело в том, что один из наших производителей сиропа подал заявку на патент по сиропу пантогама с использованием сахарозы⁵³. Я помню, что у тебя в диссертации такой состав приводится. Мы хотим написать возражение в Патентное ведомство, и в том числе сослаться на твою работу. Может быть, у тебя была какая-либо публикация по этому поводу? Если у тебя остался лишний экземпляр автореферата, то, пожалуйста, пришли мне или пришли выходные данные и укажи стр., где это упоминается. Патент очень слабый, но, возможно, автор сможет получить положительное решение, а это для фирмы не очень желательно. Хотя я думаю, что конкуренты фирмы никогда не будут выпускать такой состав.

Признаюсь, что написал тебе по делу, но очень рад, что получил от тебя письмо. Как твои дела по работе и в личном плане? Не изменились ли твои телефоны? Тамара передает тебе большой привет, и мы часто тебя вспоминаем.

...

С наилучшими пожеланиями, Вячеслав Копелевич.

⁵³ Действительно, 11 ноября 2008 года генеральный директор ЗАО «Корпорация Олифен», производящего лекарственные средства и биологически активные добавки, Михаил Константинович Кузьмич подал заявку в Евразийское патентное ведомство на «композицию, обладающую ноотропными свойствами, и способ ее получения».

24 марта 2009 года

Уважаемый Вячеслав М.! Я только приехала, была на родине бабули, устраивали поминки, вот увидела Ваше письмо и отвечаю вам. Не могу сказать, что у меня все хорошо (просьба об этом не распространяться). Кризис сделал «свое лучшее дело». Мою лабораторию хотят закрывать, моя наука нашему универу не нужна, ему подавай нанотехнологии, а с чем их едят, все почему-то плохо соображают, у нас приоритеты ставят на одни лишь стволовые клетки. Я много переживала, мало того что у меня родственники один за другим уходят в мир иной, в прошлом году я потеряла свою 40-летнюю сестру, и каждый год близкие мне люди уходят. В отношении автореферата, я его не могу найти, так как у нас сейчас в здании, где раньше располагалась лаборатория, идет капремонт, мы с ноября находимся в другом здании (времененно нас перевезли туда), это в другом конце города, и до сих пор сидим на нераспакованных коробках, где-то, наверно, в одной из них и лежит мой автореферат. Вам покажется странным мое разглагольствование, но я не вижу в этой настоящей жизни ничего перспективного и интересного для себя, наверно, я что-то упустила в своей жизни... Иногда ловлю себя на мысли: «А ведь я еще нормально и не жила, все какие-то проблемы решала». Извините за мою откровенность, но на сегодня реальность такова.

С почтением, Нина.

Большой привет Тамаре Ариевне.

25 марта 2009 года

Вячеслав М.! Здравствуйте, наверно, после вчерашних моих излияний Вы прервете со мною переписку, но я пойму. Очень бы хотела приехать на конгресс, и в особенности на симпозиум по пантогаму. Но мне вдруг сегодня сообщили, что поставили в эти дни лекции у заочников.

...Скорее всего, я не смогу приехать на симпозиум, во-первых, большая запарка, во-вторых, я так и не смогла найти спонсора, который бы мне оплатил поездку в Москву.

С почтением, Нина.

5 апреля 2009 года

Нина, добрый день,

Очень жаль, что не можешь приехать в Москву. Немного бы развеялась и набралась положительных эмоций. Симпозиум по пантогаму намечается большой и интересный. Будет 8 выступлений. Готовили к симпозиуму сборник, но отложили на 2—3 месяца, чтобы получить дополнительно еще несколько статей. В настоящее время фирма выпускает таблетки, сироп пантогама и пантогам актив (новый инновационный препарат). Я сотрудничаю с фирмой в качестве научного консультанта (из Витаминного института уволился 1 апреля 2009 г.). Сейчас у них в работе несколько препаратов, к которым я имею прямое отношение. Поэтому я продолжаю работать, хотя в основном дома, т.к. приходиться и находиться на службе мне было бы тяжело. Летом находимся на даче, но продолжаю и там работать и часто приезжаю в Москву.

Как я понял из твоих писем, ты продолжаешь работать в институте и, вероятно, не только в нем. Ваш город развивается быстрыми темпами и считается одной из столиц России. Я не говорю уже о футболе и хоккее. Так что в нем нельзя скучать и хандрить. Занимаешься ли научной работой? Есть ли у тебя какие-либо предложения, которые могли бы заинтересовать нашу фирму? Появилась бы возможность приезжать в Москву. Большой привет тебе от Тамары. Пиши.

С наилучшими пожеланиями,

Вячеслав Копелевич.

8 апреля 2009 года

Здравствуй Вячеслав М.! Как прошел симпозиум? Наверно на ура. К сожалению, моя хандра никак не прекращается, стыдно Вам об этом говорить. Да, Вы правы, я работаю в университете медицинском. Преподаю на 0,25 ставки. Веду двух аспирантов, которые ничего не хотят делать. К сожалению, сейчас не то время, которое было, молодежь вообще не хочет трудиться. Мы делаем так называемую науку. Я занимаюсь в основном мазями и гелями при ревматических заболеваниях. Они очень эффективны в лечении, но это так, аспирантские диссертации. Сама пишу Вам, и сама тоскую, так как моя наука (повторяюсь)

никому не нужна. Конечно, можно было бы приехать в Москву и «оторваться», как пишете Вы, но, увы, финансы давно уже поют романсы. Мне очень тяжело Вам об этом писать. Раньше меня часто приглашали в Москву выступить на 1-й канал ТВ на передачу «Малахов+», но сейчас и они отказались платить. Всего Вам доброго. С почтением, Нина М.

9 апреля 2009 года
Женя, добрый день.

Посылаю Вам координаты Нины МД из N-ского медицинского университета, о которой я говорил Вам. Было бы хорошо привлечь ее для сотрудничества в интересах компании.

С уважением,
Вячеслав Копелевич.

15 апреля 2009 года
Нина, добрый день.

Симпозиум прошел действительно удачно. Было 6 докладов, один сделала Воронина Т.А., как всегда, отлично, и 5 клинических. Был А.Г. Мойсеенок, с которым мы наметили программу дальнейшего изучения пантогама. Одно из исследований включает изучение кинетики пантогама в присутствии пантотеновой кислоты. А.Г. проведет экспериментальное исследование и спрашивал, сможешь ли ты обчислить полученные результаты? Ты еще не забыла свою диссертационную работу? На банкете, который был после симпозиума, я разговорился с руководителем медпредставительской службы «ПИК-ФАРМЫ» (Комков Евгений) и спросил его, не нужны ли ему помощники в вашем городе, имея в виду тебя. Я дал ему твои координаты, и, возможно, он с тобой свяжется. Нужно преодолевать хандру, включаться в полезную деятельность и немного подзаработать.

С самыми лучшими пожеланиями,
Вячеслав Копелевич.

15 апреля 2009 года

Уважаемый Вячеслав М.! Я очень рада, что симпозиум состоялся. Спасибо Вам за заботу о моем астено-депрессивном состо-

янии. Но перейдем к делу. Мне очень жаль, что пантогам обладает только ноотропным и противосудорожным эффектом, это я говорю в смысле того, что мы бы со своей бригадой, тем более что аспиранты в руки мне плывут (по велению времени все вдруг сразу захотели стать кандидатами), из пантогама создали бы мазь или гель, то, чем я занимаюсь. Как я и писала Вам ранее, мы разработали уникальные составы гелей с различными субстанциями — в основном НПВП (нестероидные противовоспалительные препараты), которые очень эффективно снимают ревматическую боль. Так что если у Вас есть такие знакомые или больные с этой проблемой — обращайтесь ко мне. В отношении предложений «ПИК-ФАРМЕ» в области научных интересов: у меня была дипломница, она занималась разработкой ректальных лекарственных форм пантогама. ...нами разработан состав, были проведены исследования, работа была защищена в 2001 году, и, мне кажется, идея выпускать суппозитории с пантогамом неплохая. Может быть, есть смысл выпускать гели с пантотеновой кислотой? ...Пишите мне, всегда приятно получать Ваши письма. Тамаре А. пламенный привет. Что касается Андрея Г. — прошло 10 лет. Но я не поняла, что ему надо посчитать и на каком этапе сделана его работа?

С почтением, Нина М.

18 апреля 2009 года

Нина, добрый день

По существу твоих вопросов:

1. По поводу ректальных форм пантогама. Нам в свое время предлагали ректальную форму пантогама, но работа так и не была завершена. Если ты пришлешь более подробное описание состава и проведенных исследований, то мы с интересом рассмотрим твоё предложение... Делают ли у вас ректальные формы?

2. Какова дальнейшая судьба разработанных вами гелей?

3. Ты пишешь про гель пантотеновой кислоты, в чем смысл его получения?

<...>

5. По А.Г. — работа только намечается, я думаю, он тебе напишет подробнее, когда закончит эксперимент.

Занимаетесь ли вы сиропами?

У нас в работе много объектов, и я надеюсь на плодотворное сотрудничество.

С наилучшими пожеланиями,
Вячеслав Копелевич.

18 апреля 2009 года

Уважаемые Вячеслав М. и Тамара А.! С Пасхой! Взаимного согласия и здоровья. Нина М.

22 апреля 2009 года

Уважаемый Вячеслав М.! Не могла сразу ответить — закрутилась с дипломниками, у меня их три, готовила их к апробации. У нас ректальные формы пантогама (РФП) не выпускают. В 2001 г. моя дипломница изучала РФП и мы проводили исследования в условиях *in vitro*⁵⁴ на всякие тесты в соответствии с ГФ⁵⁵ 11-го изд-я. Для изучения фармакокинетики и фармакологии РФП необходимы были животные, на приобретение которых не было денег⁵⁶. ...С гелями мы проводили и фармакологические, и биофармацевтические исследования, так как это намечающиеся две кандидатские диссертации двух моих «оболтусов»...

С почтением, Нина.

⁵⁴ *In vitro* (лат. «в стекле») — технология выполнения экспериментов, когда опыты проводятся «в пробирке», вне живого организма. В определенной степени этот термин противопоставляется термину *in vivo* (лат. «в живом»).

⁵⁵ Государственная фармакопея Российской Федерации (с др.-греч. *ἰατρικὰ φάρμακα* — «лекарство», «яд» и др.-греч. *Ποιή* — «делаю», «изготавливаю») — основной нормативный документ, сборник стандартов и положений, определяющих показатели качества выпускаемых в РФ лекарственных субстанций и изготовленных из них препаратов. В связи с непрерывным развитием фармацевтической науки и фармацевтического анализа, необходимостью вносить новые методы анализа и новые препараты Государственная фармакопея РФ периодически переиздается.

⁵⁶ Одна лабораторная крыса стоит 250 рублей. Для проведения полноценных испытаний обычно требуется от 50 до 100 крыс.

28 апреля 2009 года

Нина, добрый день.

Мое мнение положительное. Однако всеми рекламными акциями занимаются специальный отдел «ПИК-ФАРМЫ» и медпредставители, так что это надо с ними согласовывать. «Элькаром» занимается С.В. Лисицина, и через нее можно узнать программу симпозиума по пантогаму...

Я надеюсь на твое сотрудничество с фирмой.

С уважением,

Вячеслав Копелевич.

18 июня 2009 года

Уважаемый Вячеслав М.! Вы что-то забыли обо мне. Как у Вас дела? Сегодня делала доклад по поручению вашего регионального менеджера на тему «Пантогам вчера, сегодня, завтра», где упоминала про Вас, про НПО «Витамины», про В.И. Гунара и М.А. Ковлер. Рассказывала про историю создания пантогама. Готовилась к докладу целых две недели, очень волновалась, как-никак 10 лет прошло. Я сделала презентацию и выступила. Даже четверостишие пантогаму посвятила! Народу была тьма. Было очень много вопросов...

С почтением, Нина.

Привет Тамаре А.

19 июня 2009 года

Нина, добрый день.

Я про Вас не забыл, интересовался на фирме, привлекают ли они Вас к работе. Очень рад, что презентация прошла успешно... Мы сейчас живем на даче, но это не мешает работе, т.к. я могу пользоваться здесь Интернетом и получать почту, не говоря уж о телефоне.

Привет Вам от Тамары,

с наилучшими пожеланиями,

В. Копелевич.

24 июня 2009 года

Вячеслав М.! Здравствуйте! Вы, наверно, такие большие урожаи с дачи получили! Я сделала доклад про пантогам, но я могу сделать и про карнитин, и про другие препараты «ПИК-ФАРМЫ», даже можно было бы съездить и в санатории, находящиеся вблизи нашего города, а также в соседнюю республику, но организаторы мне сказали, что их почему-то ограничивают и можно только на территории города. Сегодня вот зашла в аптеку, купила для себя «Пантогам актив». Буду пробовать сей продукт на себе, потом проведу анализ и исследование. Это уже будет следующая моя презентация. Пишите.

С почтением, Нина М.

25 июня 2009 года

Нина, доброе утро.

У нас сейчас 8.30, а я уже за компьютером целый час, так что не до урожая. Хотя зелень уже всякая есть и появляются первые ягоды клубники. Я считаю, что Вы должны делать организаторам различные предложения, в том числе и по «Элькару» или по поездкам в другие города; что-то из этих предложений они примут. С этой стороны работы фирмы я не связан и ничего полезного сказать не могу.

Сейчас закончили 1-й этап исследования по изомерам пантогама на различных рецепторах с Г.И. Ковалевым⁵⁷. Результаты интересные и, возможно, войдут в сборник.

А.Г. намечает работу на август. «Пантогам актив» нас очень интересует, так что жду сообщений.

Как собираетесь провести отпуск?

С лучшими пожеланиями,

Вячеслав Копелевич.

⁵⁷ Георгий Иванович Ковалев (р. 1950) — профессор, доктор медицинских наук, заведующий лабораторией радиоизотопных методов исследований НИИ фармакологии имени В.В. Закусова РАМН.

26 июня 2009 года

Вячеслав М.! Здравствуйте! Меня очень радует, что Вы находите силы для работы, у меня их совсем не осталось, то дипломники, то аспиранты, жду не дождусь отпуска, у нас весь ректорат сменился, новая метла по-новому метет. Стало очень сложно работать. Про отпуск пока не решила, а в отношении поездок по пропаганде препаратов за территорию города я как раз и говорила об этом организаторам, но они говорят, что все зависит от Москвы и начальства «ПИК-ФАРМЫ». Нина.

11 октября 2009 года

Нина, добрый день.

Вернулись в Москву, и приступил к более активной работе. Как Ваши дела?

С лучшими пожеланиями,
Вячеслав Копелевич.

28 октября 2009 года

Вячеслав Михайлович! Здравствуйте. Я вся в работе, учу уморазуму студентов. У меня нагрузка очень большая, кроме вуза, я еще подрабатываю в медико-фармацевт. училище, преподаю предмет по фитотерапии и народной медицине. Очень устаю от студентов... Вот такие у меня дела. Передавайте привет супруге.

С почтением, Нина М.

28 октября 2009 года

Я рад, что у Вас все нормально. В «ПИК-ФАРМЕ» поменялось руководство медпредставителей...

Привет Вам от Тамары.

5 ноября 2009 года

Уважаемый Вячеслав М.! С прошедшими праздниками. Меня интересует, над чем Вы сейчас работаете? Дело в том, что я должна написать стратегию развития моей лаборатории до 2020 года. Может, есть смысл подумать над возможными совместными темами и научными проектами?

С почтением, Нина М. Привет Тамаре А.

6 ноября 2009 года

Нина, добрый день.

Вопрос глобальный, но если кратко:

1. Начали новый проект, связанный с разработкой БАД.

На первом этапе следующие объекты:

омега-3, ресвератрол, витамин К₂.

2. Продолжаем работать с лекарственными препаратами: пантогам актив, ацетилкарнитин, коэнзим Q10, соли оротовой кислоты, никорандил, амлодипин.

Я приветствую намерение о проведении совместных работ, но хотел бы уточнить, в каком направлении Вы могли бы участвовать в этих исследованиях. Подумайте и пришлите конкретные предложения.

С наилучшими пожеланиями от меня и Тамары.

9 декабря 2009 года

Уважаемый Вячеслав М. Здравствуйте. Как вы поживаете? Я полностью в большой загрузке и нагрузке. Нет времени дышать. То студенты, то отчеты давай, то еще что-нибудь, то карантин. Раньше я тоже как-то крутилась, но сейчас творится что-то нечто. О сотрудничестве. Мы можем делать совместные проекты в биохимическом и технологическом плане. ...я на своих занятиях всегда говорю и рассказываю про пантогам, а учатся у меня заочные студенты, работающие в аптеках первоистольниками.

Всем привет. Нина М.

13 декабря 2009 года

Нина, добрый день.

Вчера провели презентацию сборника по пантогаму на небольшой научно-практической конференции, которую проводили в Третьяковской галерее под председательством проф. В.Н. Краснова⁵⁸. Было несколько докладов, часть из которых

⁵⁸ Валерий Николаевич Краснов — профессор, доктор медицинских наук, директор Московского НИИ психиатрии Минздравсоцразвития РФ, председатель правления Российского общества психиатров, член правления Ассоциации европейских психиатров.

вошла в сборник. Пока выпустили только 200 экз. к конференции, но планируем 3000 экз. На конференции были Т.А. Воронина и Г.И. Ковалев (из НИИ фармакологии). Я с ними и Р.С. Мирзояном продолжаю сотрудничать. В июне Институт фармакологии проводит в Подмосковье конференцию, может быть, сможете на нее приехать.

Был в Москве А.Г. Мойсеенок. Он сказал, что он с Вами общался. Я понял, что жизнь Ваша наполнена событиями. Остается ли время заниматься исследовательской работой? Хотелось бы более конкретно понять, что Вы можете сделать. Например, разработать лекарственную форму (таблетки, капсулы и т.д.), провести небольшое клиническое исследование (стабилизация веса, улучшение памяти или что-либо еще) для БАД...

С лучшими пожеланиями,
В. Копелевич.

15 декабря 2009 года

Уважаемый Вячеслав М.! Сегодня единственный день не пошла на работу, так как что-то приболела, у нас холодрыга — минус 30. Ни дышать, ни ходить, только письма Вам писать могу. Дома тоже очень холодно. Погода выкидывает очередные сюрпризы. Я очень рада, что Вы проводите презентации по пантогаму. Да, действительно у меня нагрузка колоссальная. В принципе можно определиться с темами по разработке лекарственных форм, только надо знать, какого действия субстанции, все ли они ноотропного? Но с БАД будет труднее, т.к. анализ в наших условиях сделать очень трудно, нет высокочувствительной аппаратуры для определения. Вот и Мойсеенок просил меня определить анализы с ВЭЖХ⁵⁹. У нас в лаборатории такого нет прибора. Мне нужно было сделать анализ для своего аспиранта, так он платил бешеные деньги, и мы делали на стороне.

Всем привет. Вот такие дела. Нина.

⁵⁹ ВЭЖХ — высокоэффективная жидкостная хроматография.

13 января 2010 года

Уважаемый Вячеслав М.!

Поздравляю Вас и вашу супругу с наступившим Новым годом и со старым Новым годом! Желаю прежде всего здоровья, счастья и прекрасного рабочего настроения, так как движение — это жизнь. Все каникулы я пробыла на даче, поэтому не было возможности Вас поздравить заранее, не успела выйти на работу, как начались отчеты, перечеты, совещания и заседания.

Вот так и живем. С почтением, Нина.

13 января 2010 года

Нина, добрый день. Большое спасибо за поздравления и хорошие пожелания.

Тамара и я также поздравляем тебя с Новым годом. Здоровья, счастья и успехов во всем.

ЧЕТВЕРГ, 18 ФЕВРАЛЯ 2010 ГОДА, МОСКВА, УЛИЦА ПАВЛА КОРЧАГИНА

День как день. Ничего необычного. За окном солнце не солнце, а какой-то снежно-белесый туман. Каких-то особых, неотложных дел не планировалось, поэтому можно было просто по Сети и поискать интересную информацию. А ее, слава богу, немало. Ну вот, например, важная новость на сайте украинского «Ревматологічного журналу»: «Французская компания NicOx S.A. сообщила о том, что представила в европейские регуляторные органы регистрационное досье для одобрения препарата напроксцинода для симптоматического лечения остеоартроза. Компания-производитель отмечает, что заявка основывается на результатах 34 клинических исследований с участием более 4000 пациентов, которые принимали данный препарат. Ранее (в сентябре) NicOx S.A. направила заявку на регистрацию напроксцинода в регуляторные органы США». Напроксцинод — это явно дженерик напроксена, производной пропионовой кислоты, болеутоляющего и жаропонижающего средства, особенно эффективного при ревматических болезнях и заболеваниях опорно-двигательной системы. Конечно, напроксен сейчас бы не помешал. Не Славе, конечно, у него вроде с утра ничего не болело. А вот Тамаре... Она болями в ногах мучилась уже который год. Но, возможно, скоро этому придет конец.

Привычным движением мышки Слава выделил новость и перетащил ее в окошко текстового редактора. После чего добил от себя: «Анализ и выбор оригинальных лекарственных средств, которые могут представить коммерческий интерес в случае их воспроизводства, задача достаточно трудная. Важно определить, на каком этапе следует подключаться к такой работе. Одним из интересных препаратов может стать препарат (naproxenod) напроксцинод, производное напроксена. На основании некоторых оценок экспертов я считаю, что препарат может представлять как клинический, так и коммерческий интерес». Проверив орфографию и закрыв файл, Слава вложил его в электронное послание,

адресованное генеральному директору «ПИК-ФАРМЫ». Уже в теле письма он подписал: «Посылаю краткую информацию по новому препарату. Вячеслав Копелевич». Автоматическая реклама в конце письма призывала его скачать новую версию какой-то программы. Слава не стал затирать эту строку: услуга почты бесплатная и очень полезная, так пускай они как-то окупаются, он не против. В конце концов, не было бы рекламы — не было бы и почты.

Он еще раз просмотрел письмо и нажал кнопку «Отправить». Счетчик в строке исходящих сообщений показал 666. Собственно, для Славы это число особо много не значило. Он не был христианином, и откровение Иоанна Богослова для него не имело священного смысла. Да и вообще человек он был малорелигиозный. Скорее агностик, чем правоверный иудей. Хотя за мацой в праздники ездил и в синагогу, бывало, заходил. Но про «число зверя» он знал, как знали о нем, пожалуй, все интеллигентные люди планеты. А поэтому ему стало страшно-вато. Захотелось написать еще какое-нибудь письмо, чтобы опасная цифра ушла с монитора. Но для того чтобы написать письмо, нужно было найти повод, не посылать же в никуда пустышку, плацебо. Серьезный ученый не имел права до такого опускаться.

— Слава, ты собираешься?

Тамара еще сама не была одета, но немного подогнать устроившегося за компьютером мужа считала супружеским долгом. Тем более что опоздания ей были несвойственны.

— Успеем, — спокойно проговорил Слава не поворачиваясь. — До центра нам полчаса ехать. Максимум сорок минут, а сейчас половина двенадцатого. У нас еще два часа в запасе.

Однако компьютер он выключил и пошел одеваться. Он тоже не любил опаздывать и предпочитал оставлять запас времени.

До Пироговского центра доехали довольно быстро. А вот там уже пришлось задержаться. Тамошние хирурги отнеслись к своим обязанностям ответственно и осматривали приехавшую пациентку довольно придирчиво. Слава вместе с супругой ходил из кабинета в кабинет и внимательно выслушивал докторов, задавая конкретные вопросы и получая конкретные ответы.

Наконец врачи отпустили Тamarу, заверив ее в том, что для исцеления надо лечь на операцию, а для этого следует предварительно сдать кучу самых разных анализов, на каждый из которых они выписали отдельное направление.

Уже по дороге домой Слава почувствовал себя каким-то непривычно уставшим. Странно, вроде ведь ничем особенным не занимался. Сидел, читал, а вот устал. Да, рифма, почти стихи:

Сидел,
Читал,
А вот устал.

Слава про себя тихонько улыбнулся. И вдруг вспомнил про три шестерки, висевшие теперь на его адресе на каком-то неизвестном сервере, к которому у него и доступа-то не было. Но ничего, приедет домой, напишет кому-нибудь что-нибудь. переведет счетчик на 667, и сердце успокоится⁶⁰. Конечно, Тамаре ни про усталость, ни про 666 он говорить не стал. А зачем тревожить близкого человека? Разве это может что-то изменить? Но дома ему было уже не до компьютера. Очень хотелось спать, и Слава, немного перекусив, блаженно растянулся на своем маленьком диванчике.

На следующий день Тамара, только взглянув на мужа, спросила:

- Слава, ты заболел? У тебя что-то болит?
- Нет, с чего ты взяла...
- Ну я же вижу. Ну-ка, дай...

Она прикоснулась сначала ко лбу, а потом — к щеке мужа. Температура была нормальной.

Она поднялась к вечеру. Причем взлетела как-то сразу до 38,5 градуса. Пока Слава мерил температуру, Тамара сидела

⁶⁰ Конечно, пытаюсь провести исторические реконструкции, я что-то из предлагаемых обстоятельств нафантазировал и напридумывал, но это чистая правда: в почтовом ящике Вячеслава Михайловича, к которому я получил доступ, в папке «Исходящие» (она почти никем никогда не читается) было 666 писем.

рядом и гладила его по голове. Взглянув на градусник, она сразу сказала:

— Слава, это серьезно. Давай вызовем «скорую», поедem в больницу. Впереди выходные, мы ведь ни завтра, ни послезавтра врачей не дозовемся.

— Нет, не надо. Что ты, не видишь, это простая простуда. Она всегда начинается с высокой температуры. Завтра с утра она спадет, а к понедельнику я уже окончательно выздоровлю.

К утру следующего дня температура и правда упала до 37,2 градуса, но к вечеру она снова добралась до 38. И опять Тамара уговаривала его ехать в больницу, а Слава отказывался наотрез. Он умел быть упрямым, когда того хотел. В отчаянии Тома позвонила Гале, соседке по даче и старинной подруге. У той два месяца назад умер муж Анатолий, поэтому все, что было связано со здоровьем, она сейчас воспринимала особенно остро. Услышав о том, что происходило в семье подруги, она сразу заявила:

— Тома, ты что, сдурела совсем? Не слушай его, сейчас же вызывай «скорую» и вези его в больницу.

— Да как везти? Ты же его знаешь, уперся, не поеду, и все.

— Ну ясно, уколов боится.

— Явно боится.

— Ну да, заколют его там. Эх, мужики. Сильным полом называются, а к врачу не затащишь. Как бабы, честное слово.

Они еще долго разговаривали. О простудах, о свином гриппе, о том, что ему сейчас надо будет дать жаропонижающее. Но давать ничего не пришлось. Когда Тамара повесила трубку, Слава уже спал. И таким мирным сном, что будить она его не стала.

Двое суток температура держалась стабильно высокой, и все это время Слава категорически отвергал даже всякую мысль о враче, не говоря уже про госпитализацию. Но когда стало понятно, что болезнь постепенно одерживает победу над организмом и без помощи докторов не обойтись, он сдался и разрешил жене позвонить в платную поликлинику. Однако пришедшая по вызову врач после недолгого ощупывания и прослушивания ничего не нащупала, ничего не услышала и ничего серьезного не нашла. Выписала антибиотик, который должен был справиться с несерьезным недугом. После ее ухода Слава торжественно заявил жене:

— Вот, я же тебе говорил, что ничего серьезного. Только человека побеспокоили зря. Теперь ты можешь успокоиться.

Но Тамара не успокоилась, а вскоре вызвала еще одного врача, из поликлиники районной. Он также ничего не обнаружил и, в свою очередь, выписал другой антибиотик. Только на восьмой день, когда стало окончательно ясно, что эти препараты не помогают, Вячеслав Михайлович разрешил вызвать «скорую».

Приехавшая бригада состояла из двух молодых женщин, по которым сложно было определить, кто из них врач, а кто фельдшер или медсестра. Они обе внимательно выслушали жалобы пациента, по очереди прослушали его фонендоскопом, полупешотом посовещались между собой, после чего одна, та, что выглядела чуть помоложе, заявила:

— Ну что, собирайтесь, будем госпитализировать. По всей видимости, воспаление легких. Точно уже в больнице скажут.

— А в какой больнице?

Вторая женщина уже звонила куда-то по телефону. Поговорив, видимо, с диспетчером, она ответила на заданный вопрос:

— В 59-ю. Это на «Новослободской».

— Это хорошая больница, — заверила встревоженную Тамару вторая. — Там и база хорошая, и врачи.

— А что ему с собой собрать?

— Гигиенические принадлежности, паспорт, страховой полис. Тапочки можете дать, кружку на всякий случай. Медикаменты, если какие принимает. Больше ничего не надо, там все дадут. Больной, вы сами спуститесь или нам шофера с носилками позвать?

Даже несмотря на высокую температуру, Слава возмутился. Но слабо:

— Никакого шофера, сам спущусь, я же не...

Он так и не придумал, кто он «не». Но чтобы доказать, что он именно «не», поднялся и стал сам собираться. Пока Тамара складывала в пакеты мыло, зубную щетку, бритву и прочее, Слава тщательно и придирчиво отбирал литературу. Наконец сборы были закончены, и все четверо вышли на холодную улицу. Разумеется, врачи категорически отказались взять Тамару с собой. Пришлось добираться до места на такси. К счастью, водитель

хорошо знал, где находится 59-я клиническая, и довез до нее минут за 20.

Врачи в приемном покое сказали, что, скорее всего, у Славы и правда скрытая форма пневмонии, на которую, возможно, наложился еще и бронхит, но точно этого пока сказать нельзя.

На этаже, куда положили Славу, было чисто и светло. Рядом с лифтами устроили небольшой закуток с диванчиками, уставленный кадками с пальмами, алоэ и папоротниками. Тамара приезжала сюда почти каждый день. Привозила еду, какую разрешалось передавать, фрукты, соки. Между тем положение не улучшалось. Врачи никак не могли установить точную причину болезни и каждые пять-шесть дней прописывали новые антибиотики. Однако температура продолжала оставаться стабильно высокой.

В субботу 13 марта Тамара, как всегда, приехала в больницу. Слава, тоже как всегда, вышел к ней, и они уселись в том самом закутке с растениями. Слава выглядел бледнее, чем обычно, но держался молодцом и не жаловался. Напротив, говорил, что у него тут все хорошо, кормят хорошо, ухаживают — тоже, уколы делают не больно, поэтому он тут чувствует себя вполне комфортно и, возможно, скоро дочитает книжку про Сталина и возьмется за что-то более мирное.

— Тома, — вдруг сказал он, как будто что-то вспомнил. — Там у нас дома... Ты компьютер мой включи, и...

— И что?

— Да нет, ничего. Не надо.

— Ну что, скажи, я сделаю.

— Нет, не надо. Я выпишусь — сам сделаю. А ты мне там все перевернешь. Не надо. Знаешь, что-то я устал. Ты меня в палату проводи, а сама поезжай домой. Видишь, как плохо, что ты на машине так и не выучилась. Сейчас бы села — и вот ты уже дома. И ноги бы болели меньше. А без машины тебе тяжело будет.

— Ничего, вот ты выздоровеешь, мы тебя вылечим, и ты меня тогда на машине научишь.

Они поднялись, Тамара взяла мужа за руку. Рука, обычно мягкая и теплая, сейчас была твердой и горячей, словно бы ее накачали кипятком. В палате Слава сразу лег и, улыбаясь, повторил:

— Ну все, иди, я спать буду.

И Тамара пошла. Она всегда слушалась мужа. Или почти всегда. Кому-то, кто мало знал их семью, на первый взгляд могло показаться, что верховодила в ней всем она. Веселая, бойкая на язык, красивая. Он же, напротив, молчаливый, вечно погруженный куда-то в себя, неспортивный. На самом же деле все было строго наоборот. Неразговорчивый Слава всегда поступал так, как считал нужным, и делал то, что полагал необходимым. А легкая, разговорчивая Тамара всегда подчинялась его воле. Он, как тяжелый, грузный танк, шел вперед, прокладывая путь, снося одни препятствия и объезжая другие, а она, как легкая пехота, бежала за ним, надежно прикрывая тыл и фланги. Вот и сейчас, раз он сказал «иди», значит, надо было идти.

А вскоре позвонил Славин сосед по палате.

— Тамара? Вячеслава Михайловича только что отвезли в реанимацию. Что-то с сердцем. Приезжайте.

— Да, забрали, — подтвердила лечащий врач, которой сразу позвонила Тамара. — Не могу сказать с чем, это вам их врач скажет. Но сейчас вам приезжать не стоит, все равно не пустят. Он сейчас в палате интенсивной терапии. Раньше понедельника точно не пустят.

Но и в понедельник не пустили. Единственное, что удалось, — поговорить с реаниматологом.

— Не хочу вас обманывать, — сказала врач, — положение очень серьезное. У вашего мужа на почве длительной болезни отказали почки и возникли большие проблемы с сердечно-сосудистой системой. Был бы он помоложе, было бы легче. Значительно. Но 70 лет, организм и так ослаблен, а тут еще и тяжелая болезнь...

— Может, мне лекарства какие-нибудь подвезти, вы скажите, какие надо, я за любые деньги достану.

— Пока у нас есть все, что требуется.

— Может быть... — запинаясь, проговорила Тома. — Вот...

И она положила на стол перед доктором заготовленный конверт. Доктор не стала играть в «непонимайку» и спрашивать, что это. Напротив, она отреагировала быстро и как-то довольно спокойно:

— Уберите деньги. Вот если вытащим, тогда... Уберите.

Тамара убрала. И по этому «если» сразу поняла, что нет, не вытащат.

— Так просто больше не приезжайте. Сначала позвоните сюда, и я вам скажу, можно приезжать или нет.

Звонить не пришлось. Врач позвонила сама, на следующий день.

— Тамара Ариевна, мне очень жаль, но я должна сказать вам, что вашего мужа больше нет с нами. Примите мои самые искренние соболезнования.

Последние слова Тамара уже не слышала.

ПОСЛЕСЛАВИЕ

Андрей Георгиевич Мойсеенок, друг Вячеслава Копелевича и Тамары Ариевны, апрель 2011 года

По рацемату, то есть по DL-пантогаму, мы должны были закончить работу в 2010 году. Уже строили планы, что делать дальше. Перед нами стоял интереснейший вопрос, который как бы вытекал из 2000 года и потихоньку развивался всю десятилетку. И чем дальше, тем больше мы над этим вопросом думали. Как я уже говорил, не было до конца понятно, почему же пантогам так помогает? На Западе против него есть некоторые опасения, но, как говорится, что плохо немцам, хорошо в России. У нас огромное количество детей с патологией, и их надо чем-то лечить, причем чем-то доступным. Тут мы выбираем из двух зол меньшее. На Западе другие арсеналы, другие возможности, поэтому они с настороженностью относятся ко всем таким новым подходам. Мы все время с Копелевичем обсуждали вопросы применения пантогама. А я в последние годы оказался уже не в НИИ, а в научно-практическом центре. Это у меня четвертая организация, а я все из одного и того же кабинета не выхожу. Но у нас теперь подход такой: кончайте думать, давайте продукцию. Это, конечно, мешает работе.

Концептуально мы выходили на некоторые новые механизмы действия. И хотя Копелевич уже работал в фирме, у нас были совершенно определенные замыслы по крупному обобщающему научному труду, чтобы как-то довести наши наработки до более высокого уровня. До какого? Сейчас расскажу, это интересно.

Дело в том, что есть в клинической практике такая патология — синдром Галлервордена — Шпаца⁶¹. Описали его еще

⁶¹ Галлервордена — Шпаца болезнь (Hallerworden J., Spatz H., 1922). Заболевание начинается в детском или юношеском возрасте (1–2-е десятилетие жизни). Характерны прогрессирующие нарушения походки, нарастание мышечной ригидности экстрапирамидного типа, пирамидной симптоматики. Постепенное развитие деменции, расстройств речи. Дисфагии. Нарушения дыхания. Непроизвольные движения типа атетоза или хореоформные. Эпилептиформные припадки. Длительность — 8–15 лет. Смерть в состоянии полного маразма, обычно в возрасте до 30 лет. Заболевание носит семейно-наследственный характер.

в довоенное время, до 1941 года, немецкие врачи. Потом описавшие его люди повели себя как откровенные фашисты, и их в науке затерли. А синдром был весьма интересным. Наконец о нем вспомнили и начали искать методы лечения. Но я хотел бы вам напомнить, что нейротропный эффект пантогама — это наша разработка. Он у нас работал при алкоголизме, но разве алкоголизм — это не голова?! Смотрите: пантогам работает, пантенол работает, пантетин, это японский препарат, мы его тоже пробовали, работает. Система работает на голову!!! А что это такое? Это нейропротекция. И на этом фоне американцы раскручивают синдром Галлервордена — Шпаца. И представьте себе, они находят генетический эффект нашей пантотеновой кислоты.

Что такое синдром Галлервордена — Шпаца? Это нейродегенерация. А что такое нейродегенерация? Это одна из разновидностей болезней Альцгеймера, Паркинсона, бокового амиотрофического склероза, рассеянного склероза. В сущности, та же патология, только ее динамика, локализация отличаются. А суть та же самая. Начали разбираться. Если при этом синдроме пантотеновая работает, стало быть, тут что-то такое есть. И сейчас идет такая свистопляска вокруг этого, что только держись. Но у инициаторов этого дела есть проблема: они не знают, как мы с Копелевичем, пантотеновую кислоту. Они выловили эту пантотенаткиназу, то есть механизм активирования пантотеновой кислоты поймали, и думали, что в этом суть! А суть-то в том, что идет кофермент, а уже кофермент этапно действует. Это надо знать, на этом надо сидеть так, как мы с Копелевичем сидели с 1967 года. Мы уже были такие старые, что могли прогнозировать. И на этом фоне у нас возник целый ряд идей.

По России около миллиона человек страдают от таких патологий. У нас еще не критическая ситуация, как в развитых странах, потому что люди просто не доживают до их доминирования. Что сделали американцы? Взяли муху дрозофилу, методами генетической инженерии вставили в ее генотип ген патологии и получили наследственную модель этой нейродегенерации. И что вы думаете?! Они показали, что система пантотенат-кофермента может компенсировать такой дефект. Теперь мы, по сути, уже

работаем над этим чисто биохимически. Это очень оригинальное и важное направление.

Другое дело, что мы могли бы, если бы был жив Копелевич, сделать фактически первый препарат, который основан на нашем понимании. Ведь вещество не только надо дать больному, а его надо в ЦНС протянуть, и в определенной последовательности. Надо отработать технологию. Но основываясь на общих представлениях и его огромном интересе к этому, мы вполне могли довести дело до лекарственных форм.

По новому лекарству мы вопросы производства так и не обсуждали, но российский пантенол, конечно, бешено пойдет как антиалкогольный препарат. Только у россиян может получиться государственная программа. У нас в Белоруссии государственных программ лечения алкоголиков уже нет, а сами алкоголики пантенольные препараты покупать не будут. Почему? Потому что они вообще ничего не будут покупать. Они лучше эти деньги потратят на любую бутылку. Тут проблему надо решать на более высоком, именно государственном уровне. Но тематика, которая нами была поднята, абсолютно плодотворна, как в научном, так и в социальном аспекте.

Розанова⁶² уже нет в Одессе. Ученики его там в растерянности. У украинцев вообще бедлам происходит. Витаминный институт развален, в Институте питания этим не занимаются, так что пантотеновая тематика ослаблена. Но вот уже в России начала набирать обороты фирменная наука. С присутствием Копелевича на «ПИК-ФАРМЕ» она получала довольно неплохую перспективу. Как без него сейчас она будет развиваться, зависит от многого. От руководства компании, от государства, от общественного запроса, от отношения к науке вообще. Хочется надеяться, что у «ПИК-ФАРМЫ» появятся новые Копелевичи, которым будет интересна наука и которые не будут бояться бизнеса. Это, как математики говорят, есть необходимое и достаточное условие.

⁶² Розанов Анатолий Яковлевич, профессор, заведующий кафедрой биохимии биологического факультета Одесского национального университета имени И.И. Мечникова.

Валерий Чумаков

СУБЪЕКТ ТВОРЕНИЯ

**Документально-художественная
повесть-хроника
о хорошем человеке,
или Портрет ученого
на фоне эпохи**

Валерій Чумаков СУБ'ЄКТ ТВОРЕННЯ